

МВД России
Санкт-Петербургский университет

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБАЦИИ

Монография

Санкт-Петербург
2025

УДК 159.9
ББК 88.50
Р85

Рожков, А. А. [и др.]
Психолого-педагогические основы пробации: монография /
Р85 А. А. Рожков, Е. Г. Зуева, К. В. Злоказов [и др.] / под общ. ред. К. В. Злоказова, Е. Г. Зуевой. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2025. – 160 с.

Вклад авторов в работу над монографией пропорционален и не может быть разделен.

ISBN 978-5-00277-044-1
EDN: UWOJYD

В монографии изложены организационно-правовые и психолого-педагогические основы пробации. Представлен подробный анализ отечественного и зарубежного опыта системы пробации. Раскрываются сущность, способы взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с лицами, в отношении которых осуществляется пробация. Описывается характеристика лиц с криминогенной направленностью, а также анализируются технологии проектирования правопослушного поведения постпенитенциарной личности.

Издание предназначено для научно-педагогических работников образовательных и научных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел, адъюнктов образовательных и научных организаций системы МВД России, а также сотрудников уголовно-исполнительной системы.

УДК 159.9
ББК 88.50

Рецензенты:

Лаврентьева И. В., кандидат педагогических наук, доцент
(Рязанский филиал Московского ордена Почета университета МВД России
имени В.Я. Кикотя);

Павлова С. А., кандидат психологических наук, доцент
(Краснодарский университет МВД России)

ISBN 978-5-00277-044-1

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2025

Оглавление

Введение	5
Глава 1. ИНСТИТУТ ПРОБАЦИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	8
1.1. Организационно-правовые основы probation в Российской Федерации	8
1.2. Психолого-педагогические основания деятельности служб probation зарубежных стран.....	12
1.3. Криминализация личности и рецидив преступлений как вызов институту probation	22
Глава 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ, РАНЕЕ ПОДВЕРГНУТЫХ УГОЛОВНОМУ НАКАЗАНИЮ	30
2.1. Индивидуально-психологические особенности совершеннолетних лиц, склонных к рецидиву преступления.....	30
2.2. Представление криминогенной личности о себе и его зависимость от социального окружения, способствующие рецидиву преступления....	43
2.3. Психология рецидивной преступности в разные возрастные периоды.....	54
Глава 3. ПСИХОЛОГИЯ ПРЕВЕНЦИИ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОБАЦИЯ.....	62
3.1. Концептуальные основания превентивной психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел	62
3.2. Проектирование правоупотребительного поведения попавшей в колонии личности.....	72
3.3. Вина, стыд, совесть в системе probation	85
Глава 4. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ЛИЦАМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОБАЦИЯ.....	92
4.1. Прогнозирование криминализации совершеннолетних правонарушителей	92
4.2. Прогнозирование криминализации и профилактика повторных преступлений несовершеннолетних	108
4.3. Психолого-педагогические основы предупреждения рецидивной преступности ранее судимых совершеннолетних лиц	126
Заключение.....	136
Список литературы	139

Введение

Актуальность проведенного авторами монографии исследования обусловлена общественной и научно-практической значимостью профилактики преступлений, совершаемых лицами, подвергнутыми уголовному наказанию, а также освободившимися из исправительных учреждений.

Развитие уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и принятие федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»¹, учредившего этот институт в нашей стране, определяет интерес к механизмам предупреждения рецидивной преступности и реинтеграции судимых лиц в общество. Анализ зарубежного опыта свидетельствует о положительном влиянии института пробации на снижение рецидива преступлений, повышение уровня ресоциализации лиц, подвергнутых уголовному наказанию.

Учитывая, что органы внутренних дел Российской Федерации являются важным субъектом профилактики рецидива, не только правовые, но и психолого-педагогические методы и формы ее осуществления выступают предметом внимания со стороны ученых и практических работников. Деятельность участковых уполномоченных полиции, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, уголовного розыска предполагает взаимодействие и с лицами, подвергавшимися уголовному наказанию, и с членами их семей. От способности сотрудников воздействовать на их представления и социальное окружение зависит их направленность на правопослушное поведение, мотивацию к отказу от антиобщественного образа жизни.

С учетом изложенного целью исследования выступает изучение психолого-педагогических основ воздействия сотрудников правоохранительных органов на лиц, в отношении которых применяется пробация.

¹ Здесь и далее – все нормативные правовые акты приводится в соответствии с данными официального интернет-портала правовой информации pravo.gov.ru (дата обращения: 28.09.2025).

Задачи исследования:

- анализ организации и теоретических основ деятельности института пробации в Российской Федерации и зарубежных странах;
- оценка психологических особенностей криминального поведения лиц, ранее подвергнутых уголовному наказанию;
- описание психологии превентивного воздействия сотрудников органов внутренних дел на лиц, в отношении которых применяется пробация;
- описание психолого-педагогических основ взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с лицами, в отношении которых применяется пробация.

Учитывая, что вопросы психолого-педагогического воздействия на лиц, находящихся в условиях пробации, не получили достаточно всестороннего рассмотрения научная значимость исследования заключается в восполнении теоретических и методических основ подготовки сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляющих превентивную и профилактическую деятельность в отношении лиц, подвергнутых уголовному наказанию.

Материалы монографии будут востребованы в части научно-практической работы по разработке психолого-педагогических основ пробации, осуществляемой как органами внутренних дел Российской Федерации, так и отдельными подразделениями (участковыми уполномоченными полиции, уголовного розыска, подразделениями по делам несовершеннолетних). Кроме того, полученные результаты и выводы могут применяться для организации и планирования научных исследований в области криминологии и психологии криминального поведения, профилактики правонарушений сотрудниками органов внутренних дел.

Перспективным является использование материалов исследования для дидактико-методического обеспечения учебных дисциплин, реализуемых в ходе профессионального образования сотрудников подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, на которых возложены превентивные и профилактические функции. Наконец, учитывая становление в Российской Федерации института пробации, начавшегося с принятия соответствующего федерального закона, внимание к психолого-педагогическим аспектам данной деятельности присуще не только сотрудникам правоохранительных ор-

ганов, осуществляющих профилактику правонарушений и преступлений, но и иных федеральных органов исполнительной власти.

Можно полагать, что эффективная деятельность нового для Российской Федерации института пробации зависит не только от организационно-правовых основ реализации ее положений, но во многом и от внедрения психолого-педагогических методов, применяемых различными субъектами для поддержки и оказания всесторонней помощи лицам, в отношении которых осуществляется пробация.

Глава 1

ИНСТИТУТ ПРОБАЦИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Организационно-правовые основы probation в Российской Федерации

Федеральный закон «О probation в Российской Федерации» является нормативным основанием для применения probation - комплекса мер по отношению к настоящим и бывшим осужденным, находящимся в трудной ситуации, включая их ресоциализацию, социальную адаптацию.

Цели probation определены федеральным законом и включают в себя коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, в отношении которых применяется probation, предупреждение совершения ими новых преступлений.

Задачами probation являются создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется probation, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Закон устанавливает правовые и организационные основы деятельности органов, учреждений и организаций в сфере probation, а также регулирует их взаимодействие с другими органами власти, институтами гражданского общества, СМИ и общественными организациями. Определены конкретные меры ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, а также категории лиц, на которые направлены указанные меры [33].

В последние два десятилетия исследователи в области права, педагогики и юридической психологии отмечали важность развития в рамках существующей системы исполнения наказаний функций социальной интеграции лиц, подвергнутых уголовному наказанию, в

особенности — связанного с лишением свободы. В связи с этим принятие федерального закона о пробации обусловлено:

- крайней степенью актуальности в связи с постоянно меняющейся социальной динамикой и вызовами, с которыми сталкиваются осужденные к различным видам наказания;

- стремлением государства эффективно управлять процессами ресоциализации и социальной адаптации, что, в свою очередь, направлено на снижение уровня преступности.

Особенно важным является учет разнообразных ситуаций и потребностей отдельных лиц, что подчеркивается введением индивидуальных программ. Развитие системы пробации отражает стремление оптимизировать использование ресурсов, предоставляемых государством и религиозными организациями, в целях более эффективной реабилитации и вовлечения осужденных в общественную жизнь.

Таким образом, актуальность темы пробации проявляется в необходимости создания сбалансированной и комплексной системы, которая бы успешно способствовала ресоциализации осужденных и защищала их права в современном обществе [33].

Правовым основанием института пробации выступает федеральное законодательство, которое расширяет правовые основы взаимодействия учреждений и органов, исполняющих наказания. Актуальность закона о пробации связана, скорее, с повышением эффективности исправления осужденных и предупреждения новых преступлений. С принятием закона появились новые возможности для взаимодействия между осужденными, учреждениями, органами исполнения наказаний, государственными органами и общественностью, а также появлением необходимости совершенствования уголовно-исполнительного права.

Важное значение для теоретического понимания и практического применения процедур пробации должны иметь ее основополагающие принципы, перечисленные в законе о пробации:

- 1) приоритет прав и законных интересов человека и гражданина;
- 2) гуманизм;
- 3) соблюдение законности;
- 4) рациональность применения мер принуждения, мер исправительного, социального и иного характера и мер стимулирования правопослушного поведения;
- 5) учет индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей;

6) открытость (прозрачность);

7) преемственность, непрерывность, добровольность при применении probation.

В.А. Громов рассматривает следующие проблемные вопросы, требующие решения в этой связи:

1. Сопоставление целей probation целям наказания и целям уголовно-исполнительного законодательства. Это предусматривает анализ коррекции социального поведения, ресоциализации и предупреждения новых преступлений.

2. Определение критериев оценки достижения целей probation, таких как коррекция социального поведения и ресоциализация.

3. Конкретизация статуса действий администраций учреждений и органов, исполняющих наказание, связанных с исправлением осужденных. Это включает проведение воспитательной работы и воздействие со стороны различных общественных субъектов.

4. Уточнение полномочий уголовно-исполнительных инспекций, центров probation и других учреждений, их соотношение с функциями, предусмотренными уголовно-исполнительным законодательством, и их ориентация на цели probation.

5. Требуется исследование роли различных участников probation, включая религиозные, общественные и медицинские организации, в достижении целей probation.

6. Необходимо уточнение правового положения как осужденных, отбывающих наказание, так и лиц, подлежащих probation.

7. Определение организационно-правового статуса центров probation, включая правовое положение лиц, содержащихся в них, условия их размещения [33].

Отдельное внимание в Законе о probation уделяется проблеме взаимодействия её субъектов. Эффективное взаимодействие между сотрудниками правоохранительной деятельности (ФСИН России, полиции) и общественными организациями в сфере социальной поддержки играет ключевую роль в решении проблем ресоциализации и социальной адаптации бывших осужденных.

Значительное влияние религиозных организаций проявляется на этапе постпенитенциарной probation. Согласно Закону о probation религиозные организации могут создавать центры для предоставления временного пребывания лицам, находящимся под probation. Данный закон включает различные формы probation — такие как исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная, и предостав-

ляет инструмент в виде индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации с индивидуализированными мерами, адаптированными к конкретным обстоятельствам и характеристикам личности. Классификация видов probation основана на правовом статусе лица и комплексе соответствующих мероприятий [11].

1) исполнительная probation — вид probation, применяемый в отношении лиц, не связанных с изоляцией осужденных от общества, а также в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера;

2) пенитенциарная probation — вид probation, применяемый в отношении осужденных, находящихся в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, представляющий собой совокупность мер, направленных на исправление осужденных, а также на подготовку осужденных, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из указанных учреждений;

3) постпенитенциарная probation — вид probation, применяемый в отношении лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, представляющий собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию.

Следует уточнить категорию лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, характерной для исполнительной и постпенитенциарной probation.

А.М. Смирнов предложил критерии для определения наличия трудной жизненной ситуации [107]:

- отсутствие социальных связей;
- отсутствие востребованных профессиональных навыков и трудоустройства;
- отсутствие жилья;
- отсутствие образования;
- трудности в реализации права на социальное обслуживание;
- трудности в получении медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации;

– трудности в обеспечении гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Отдельно следует упомянуть проблему деятельности центров пробации. В упомянутом законе содержатся лишь самые общие положения на этот счет. Это, во-первых, оказание помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, а во-вторых (в том числе), предоставление временного места пребывания. В этой связи сама по себе идея центров пробации представляется довольно емкой, и при грамотном развитии она может придать серьезный импульс осуществлению пробации. Уже сегодня в ряде регионов страны существуют различные формы организации помощи бывшим осужденным, как правило, включающие комплекс аспектов: проживание, трудоустройство, социально-бытовое обеспечение, культурное развитие и т. д. [34].

Осуществление учета участников пробации возложено на Федеральную службу исполнения наказаний. К осужденным, находящимся на учете у сотрудника уголовно-исполнительной системы, при исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера попутно могут быть применены меры пробационного характера, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц.

Для эффективной деятельности пробации высокие требования необходимо предъявлять к компетентности субъектов пробации. Так, Е.А. Соколова предложила их классифицировать на следующие группы: основные (обязательные) и вспомогательные (участие при необходимости) [108].

Кроме непосредственных субъектов, на которых федеральный закон прямо возлагает обязанность участвовать в мероприятиях пробации, в числе которых федеральные органы исполнительной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации; учреждения уголовно-исполнительной системы; государственные учреждения службы занятости населения; организации социального обслуживания, также привлекаются другие участники, привлекаемые к процедурам пробации при необходимости на договорной основе и во взаимодействии с указанными субъектами пробации [33].

К ним отнесены:

- органы местного самоуправления;
- коммерческие и некоммерческие, в том числе религиозные, социально ориентированные некоммерческие организации;

- организации и общественные объединения;
- негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, предоставляющие социальные услуги;
- организации, осуществляющие образовательную деятельность;
- научные организации;
- медицинские организации;
- индивидуальные предприниматели;
- общественные наблюдательные комиссии и граждане.

Принимая во внимание известную новизну практики пробации для российского общества, можно ставить вопрос о компетентности представителей субъектов пробации и иных лиц, привлекаемых к реализации соответствующих мероприятий, наличии у них специальных знаний и навыков, развитии необходимых личностных качеств и, как следствие, необходимости их профессионально-педагогической подготовки различного вида и уровня в зависимости от вовлеченности в процедуры пробации.

Таким образом, психолого-педагогические аспекты функционирования института пробации в современной России, выявленные на основе анализа положений федерального закона, определяются целью коррекции социального поведения, ресоциализации, социальной реабилитации и социальной адаптации лиц, в отношении которых применяется пробация, и задают направления совершенствования научно-методической базы подготовки кадров для системы пробации.

1.2. Психолого-педагогические основания деятельности служб пробации зарубежных стран

Анализируя зарубежный опыт службы пробации, можно отметить, что данный институт имеет достаточно глубокую историю, значительный опыт деятельности ее реализации. Для более подробного рассмотрения психолого-педагогических методов и средств деятельности сотрудников службы пробации необходимо прежде всего остановиться на организационных аспектах осуществления пробации, которые в разных странах различаются.

Институт пробации активно применяется в большинстве зарубежных государств, где работа с лицами, осужденными к наказаниям, которые не связаны с изоляцией от общества, или освободившимися

из мест лишения свободы, организуется специально создаваемыми службами.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что служба пробации в зарубежных странах помимо выполнения основных функций, направленных на предотвращение и сокращение рецидива преступности среди осужденных, со временем стала выполнять и иные задачи, связанные с осуществлением социально-реабилитационной деятельности в отношении более широкого круга лиц, преступивших закон [110].

Одним из первых международных документов, провозглашающих и регламентирующих необходимость социальной реабилитации правонарушителей, подвергнутых преследованию в установленном законом их страны порядке стала «Конвенция о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными»¹. В ее развитие 26 января 1970 года была принята Резолюция (70)1 «Практическая организация по надзору и последующему наблюдению за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными лицами», предусматривающая развитие вопросов оказания помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, выстраивание отношений между субъектом, подвергаемым пробации и уполномоченным на ее осуществление служащим, нацеленных на предоставление помощи в решении личных проблем².

Базовым международным правовым актом в сфере исполнения уголовных наказаний осужденных без изоляции от общества являются Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, принятые резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года (Токийские правила). При этом следует отметить, что создание службы пробации не провозглашено в Токийских правилах напрямую, но в то же время некоторые аспекты в них заложены и активно применяются в странах ближнего зарубежья [28].

Токийские правила регламентируют «оказание осужденным психологической, социальной и материальной помощи, предоставление возможности для укрепления связей с обществом для облегчения

1 Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями : [ETS № 51] : [рус., англ.] : заключена в Страсбурге 30 нояб. 1964 г.

² Резолюция (70)1 т. д. Практическая организация по надзору и последующему наблюдению за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными лицами т. д. : [принята Комитетом министров Совета Европы 30 янв. 1970 г.]. – [Страсбург] : Совет Европы, 1970.

их возвращения к нормальной жизни в нем, а также необходимость приложения усилий персоналом пенитенциарной системы для ознакомления с биографией, личностью, наклонностями, уровнем умственного развития, системой ценностей и особенно с обстоятельствами, которые привели к совершению правонарушения»¹.

Обеспечение пробации представляет собой достаточно сложную структуру. Служба пробации может иметь не только государственное, но и внеполицейское, внепенитенциарное происхождение, зачастую функции в соответствующей сфере возлагаются на гражданские ведомства и волонтеров [110].

Вне зависимости от специфики организации деятельности и структуры построения службы пробации в зарубежных странах на инспекторов службы пробации возложен примерно одинаковый перечень обязанностей, который включает [110]:

- надзор за исполнением осужденным назначенного судом наказания, альтернативного лишению свободы;
- осуществление консультаций и оказание помощи по исполнению возложенных судом обязанностей; поддержка социальной адаптации осужденного (содействие в поиске работы, учебы, места жительства).

Кроме того, деятельность сотрудников службы пробации протекает во взаимодействии с полицией. Полиция играет важную роль в системе надзора над осужденными в рамках исполнительной и постпенитенциарной пробации. Сотрудники полиции обязаны информировать инспекторов службы пробации о возможном нарушении лицом, находящемся в юрисдикции пробационного центра, условий отбывания наказания, либо совершении им правонарушения [96].

Из стран ближнего зарубежья Республика Казахстан стала одной из первых, где реализуется служба пробации. В соответствии со ст. 5 Закона Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI ЗРК «О пробации»² определена форма социально-правовой помощи, представляющая комплекс мер, реализуемых на основании индивидуаль-

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 01.02.2025).

² Закон Республики Казахстан от 30.12.2016 № 38-VI т. д. О пробации т. д. (с изм. и доп. по состоянию на 27.06.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36232217 (дата обращения: 01.02.2025).

ной программы оказания социально-правовой помощи субъектами, осуществляющими пробацию, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию лиц, в отношении которых применяется пробация.

В законе определено, что пробация — это «система видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими [28]. В казахстанской модели различают досудебную, приговорную, пенитенциарную и постпенитенциарную пробацию [74].

В Республике Казахстан в 2018 году согласно Плану мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, внедрены в деятельность службы пробации современные методы изучения личности, в том числе система предупреждения рисков, основанная на анализе оценки рисков рецидива преступлений и возможностей социальной реабилитации (Risk-needs-responsibility) с целью индивидуализации процесса ресоциализации [38].

Полномочия по осуществлению пробации в Республике Кыргызстан возложены на Департамент пробации при Министерстве юстиции. Для обеспечения ресоциализирующего эффекта при работе с осужденными проводятся мероприятия по изучению личности осужденного и коррекция его поведения, формирование правопослушного образа жизни, координации реализации социальных и реабилитационных программ в отношении осужденных.

В основе пробации в Республике Кыргызстан лежит оказание осужденному психолого-педагогической помощи и поддержки, в том числе¹:

- изучение личности клиента пробации и коррекция его поведения, формирование правопослушного образа жизни;
- профилактика совершения клиентами пробации правонарушений;
- координация реализации социальных и реабилитационных программ в отношении клиентов пробации.

¹ Закон Республики Кыргызстан от 24.02.2017 № 34 «О пробации». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111517/edition/14118/ru> (дата обращения: 28.07.2025).

Психолого-педагогическая работа с осужденными, не изолированными от социума, осуществляется органом пробации на основе изучения их личностных особенностей и имеющейся жизненной ситуации. Следует отметить, что непосредственно при участии самого осужденного составляется план пробационного надзора (план ресоциализации осужденного), а также индивидуальная программа оказания ему социально-правовой помощи.

Т.В. Филоненко рассматривает установленные системы пробации некоторых зарубежных стран [125]. Так, следуя ее оценке, специфика японской системы пробации заключается в активном привлечении волонтеров, добровольных сотрудников службы пробации. Отмечается, что в ней действуют две системы пробаторов (сотрудников службы реабилитации): профессиональные (PPO — Professional Probation Officers) и добровольные (VPO — Voluntary Probation Officers) пробаторы. Деятельность профессиональных ориентирована на особо опасных правонарушителей, в то время как добровольные пробаторы работают с правонарушителями низкого уровня риска.

Мероприятия по реабилитации многоплановые и включают в себя следующие программы:

- «дневные офисы», ориентированные на повседневную работу надзирателей, включающую контроль и консультирования;
- прогрессивную реабилитацию в зависимости от уровня риска противоправного поведения и категорированная реабилитация, учитывающая отдельные категории правонарушителей и их конкретные проблемы.

Опираясь на выполненную А.Ф. Реховским с соавторами оценку пенитенциарной системы Южной Кореи, можно выделить ключевые черты, объясняющие ее высокое положение среди других моделей пробации в регионе [102].

Корейская модель прошла четыре этапа институционального развития: в 1980–1990-е годы происходило внедрение национальной системы пробации, в 2000-е — системная институционализация, в 2010-е — акцент сместился на обязательную реабилитацию и управление условным правосудием, а с 2020-х годов система совершенствуется в области электронного мониторинга. Так, уровень рецидива среди лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, стабильно составляет около 2% в течение последних десяти лет.

Система включает три вида контроля:

- условное осуждение,
- надзор после освобождения
- условно-досрочное освобождение.

Ключевым элементом является дифференцированный подход с классификацией лиц, подвергающихся пробации на три уровня риска. Для группы высокого риска предусмотрено не менее четырёх встреч в месяц.

Среди инноваций — фармакотерапия для лиц, склонных к сексуальному насилию, и частная тюрьма под управлением церковной организации с показателем рецидива 10% против 23% в обычных учреждениях.

Международное признание корейской модели подтверждается тем, что более 15 стран из Азии и Южной Америки направили своих представителей для изучения опыта, а Монголия активно внедряет корейскую систему электронного мониторинга при поддержке правительства Южной Кореи. Целостный подход, учитывающий как личность правонарушителя, так и его отношения с обществом, делает корейский опыт особенно ценным для создания дифференцированных программ реабилитации.

Основной проблемой, связанной с исполнением пробации, следует считать проблему адекватной оценки результатов работы сотрудников службы и, в целом, эффекта соответствующей реабилитационной практики.

Обязанность правонарушителя просто поддерживать контакт с сотрудниками службы пробации привела к кризису этого института именно в тех странах, где он глубоко укоренился и считался «основой альтернативных мер наказания» — в странах Великобритании, США [114]. Для преодоления этого кризиса на правонарушителей, подлежащих пробации, были возложены более жесткие и обременительные обязанности, которые проявлялись в том, что правонарушители, помимо выполнения работ, находятся под более строгим контролем сотрудника службы пробации, заключающемся в более частых контактах и наблюдении сотрудника за жизнью осужденного к альтернативным мерам наказания.

К сотрудникам службы пробации предъявляются очень высокие требования. Они касаются образовательного уровня сотрудников, их специализации, а также личностных качеств.

Так, в большинстве европейских стран (например, Австрии, Дании, Великобритании, Нидерландах, Италии, Испании и Люксембурге) к сотрудникам службы пробации предъявляются квалификационные требования по уровню образования. Предпочтение отдается лицам, имеющим степень бакалавра права, психологии, теологии, педагогики или социальной работы. В ряде государств, в частности Франции, Германии и Ирландии, помимо аналогичных требований к уровню образования предъявляются дополнительные требования к стажу (опыту) работы.

В отношении уровня образования требуется по меньшей мере степень бакалавра в области социальной работы, уголовного правосудия, психологии или в какой-либо смежной области. Большинство инспекторов службы пробации являются социальными работниками. Такой сотрудник должен обладать знаниями в областях юриспруденции, психологии, социологии, педагогики, социальной медицины, а также теории и методов социальной работы.

С сотрудниками служб пробации проводятся различные обучающие занятия, в основном в виде тренингов, на которых они получают специальные знания, касающиеся методов работы с клиентами с наркотической и алкогольной зависимостью, а также страдающими психическими расстройствами.

Как правило, службы пробации в разных странах осуществляют работу со следующими категориями осужденных:

- условно осужденные;
- осужденные, в отношении которых была применена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания;
- осужденные, у которых заканчивается срок отбывания наказания;
- условно-досрочно освобожденные;
- лица, к которым применяются наказания, альтернативные лишению свободы;
- лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы и нуждающиеся в постпенитенциарной адаптации и ресоциализации.

Повышенные требования предъявляются к индивидуально-психологическим качествам сотрудников служб пробации с учетом особенностей их деятельности. Это сострадание, гуманность, эмоциональность, требовательность к себе и к другим людям, общительность.

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о том, что сотрудниками служб пробации успешно реализуются программы работы с различными категориями осужденных с учетом уровня риска рецидивов. Данные программы направлены на коррекцию навыков правоопослушной жизни в обществе, приемам самоконтроля поведения и в более широком плане способствуют изменению образа мышления криминально настроенных лиц, что в итоге приводит к снижению уровня преступности.

Разработка новых методов воздействия должна быть направлена на устранение модифицируемых факторов риска повторных правонарушений. Как правило, психологическое вмешательство лиц, в отношении которых осуществляется пробация, направлено на конкретные целевые группы:

- женщины;
- несовершеннолетние;
- лица, употребляющие наркотики;
- лица с психическими расстройствами;
- лица, совершившие сексуальные и другие насильственные преступления.

Таким образом, программы подготовки сотрудников службы пробации также вариативны и включают в себя как установление навыков взаимодействия с клиентами, формирование навыков консультирования, так и групповые формы работы, включающие проведение тренингов [21].

Сотрудник службы пробации также может оказывать помощь в профорientации, в установлении более доверительных отношений с членами семьи, оказать помощь при разного рода зависимостях, и осуществлять другие возможные действия, направленные на оказание помощи клиенту.

Теоретический анализ исследований, посвященных организации службы пробации, позволил выделить систему оказания психологической помощи и социально-педагогической поддержки осужденных, действующую в различных странах.

Практические психологи с клинической направленностью успешно работают в службах пробации зарубежных стран. Люди, в отношении которых осуществляется пробация, могут получать клинические психологические услуги в общине.

По мнению зарубежных исследователей D. A. Crighton, G. J. Towl, доля лиц, у которых есть какие-либо расстройства психики

или проблемы с психическим здоровьем, среди преступников, проходящих через суды, непропорционально выше, чем всего населения в целом [160]. Кроме того, само нахождение в пенитенциарном учреждении является травмирующей ситуацией для человека, увеличивая риск психических расстройств.

В Дании в последние годы наблюдается увеличение количества предусмотренных оснований для установления надзора за правонарушителями. При этом на фоне остальных четко выделяются две группы поднадзорных лиц: одну составляют водители, привлеченные к ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения и имеющие возможность избежать тюремного заключения путем прохождения курса лечения от алкоголизма; в другую группу входят душевнобольные правонарушители, число которых за последнее десятилетие удвоилось [96].

Представляет интерес роль психологов в службе пробации Великобритании. Психологи в Национальной Службе Пробации Великобритании заняты с 2001 года [160].

В службе пробации работают психологи разных профилей: клинические, консультирующие, судебные, педагогические, специалисты в области психологии здоровья и профессиональной психологии. Большие возможности возникают для судебных психологов в контексте психологического сопровождения осужденных к альтернативным мерам наказания и изменения их поведения. Изначально специализировавшиеся как прикладные психологи в службе пробации они выступают как судебные специалисты, а затем вовлекаются в работу с группами осужденных, где они выступают уже в роли организатора программ и/или руководителя деятельностью сотрудников службы пробации. Психологи занимаются распределением осужденных по группам и наблюдением за работой сотрудников службы пробации и клиническим вмешательством в различные аспекты работы с осужденными.

Клинический психолог, психолог-консультант в области образования и профориентации, психологии здоровья совместно с судебными психологами проводят отдельную работу в таких направлениях, как, например, развитие когнитивных навыков. Поскольку судебные психологи сравнительно недавно работают в службе пробации Великобритании, их причастность к формированию когнитивных навыков «групповой работы» пока минимальна.

Психологи ответственны за проведение психометрических тестов, которые обеспечивают краткосрочные оценки и выявляют потребности и потенциальные возможности в работе с осужденными [160].

Существует проблема в поиске индивидуальных подходов к работе с осужденными, которые не допущены к групповой работе, например, из-за низкого уровня интеллекта. В дополнение к этому, роль психолога жизненно важна в определении возможных методов индивидуальной работы сотрудников службы пробации с клиентами.

Подводя итоги, отметим, что принятие Закона о пробации в России породило необходимость разработки организационно-правовых и психолого-педагогических основ пробации. Организационно-правовые аспекты института пробации выстраиваются на основе соответствующего федерального закона и содержат положения, регулирующие деятельность органов, учреждений и организаций в сфере пробации, а также регулируют их взаимодействие с другими органами власти, институтами гражданского общества, СМИ и общественными организациями. Определяются конкретные меры ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, а также категории лиц, на которые направлены указанные меры.

Психолого-педагогические аспекты функционирования института пробации в современной России предполагают коррекцию социального поведения, ресоциализации, социальной реабилитации и социальной адаптации лиц, в отношении которых применяется пробация, и задают направления совершенствования научно-методической базы подготовки кадров для системы пробации.

Полезным для становления отечественного института пробации является опыт служб пробации стран ближнего и дальнего зарубежья. Зарубежный опыт деятельности института пробации имеет достаточно большую историю. В этой связи рассмотрены организационные аспекты деятельности пробации, модели ее реализации в разных странах, проанализирован психолого-педагогический опыт, включающий применяемые программы в работе с осужденными, а также требования к квалификации и профессиональным качествам сотрудников службы пробации.

1.3. Криминализация личности и рецидив преступлений как вызов институту пробации

В течение последних десятилетий проблема рецидивной преступности остается одной из наиболее актуальных и сложных для криминальной и пенитенциарной психологии. Проблема рецидивной преступности представляет собой серьезную угрозу не только обществ, но и государству, поскольку заключается и в устойчивости антиобщественного поведения лиц, подвергнутых мерам уголовно-правового воздействия, и в неэффективности данных мер, не позволивших предотвратить совершение новых преступлений.

Действительно, как показывает анализ статистических данных, доля рецидивной преступности в общей структуре преступлений в Российской Федерации стабильно высока, при этом более двух третей всех преступлений совершается лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности [50]. Применяемые методы профилактики повторной преступности демонстрируют неудовлетворительную эффективность. Объяснение этому видится в недостаточной теоретической проработке проблемы рецидива. Объяснительные модели рецидива преступлений, как и криминализации лиц, подвергшихся административному или уголовному преследованию, остаются разрозненными и представлены концепциями философских, юридических, психологических и социологических наук. Каждая из них предлагает свое видение причин и условий рецидива преступлений. Однако маловероятно, чтобы какая-либо отрасль наук была способна предложить решение этой проблемы, поскольку рецидив преступления является сложным и неоднородным психосоциальным явлением. В нем тесно переплетены присущие криминогенной личности (психологические и социально-психологические) причины и внешние — социальные, правовые, экономические условия.

Поэтому, как нам представляется, многомерные причинно-следственные связи между ними не могут быть адекватно описаны инструментарием одной науки. Вследствие этого, приступая к разработке теории противодействия рецидиву, целесообразно конкретизировать исследовательскую задачу.

В контексте данной монографии ею является анализ социально-психологических факторов, препятствующих или, напротив, способствующих криминализации личности после отбытия уголовного наказания. Этот ракурс представляется перспективным направлением

ем, дополняющим существующие теории и практики декриминализации и ресоциализации данной категории лиц.

Для определения предметного поля исследования необходимо уточнить содержание понятия «криминализация» применительно к лицам, уже имеющим и опыт совершения преступления и отбывания уголовного наказания.

В уголовно-правовой науке криминализация — это процесс оценки опасности социального поведения человека, *«обстоятельств, отражающих... общественную опасность деяния и свидетельствующих о необходимости введения уголовно-правового запрета»* [77]. Ключевыми обстоятельствами здесь выступают: характер и способ совершения деяния, его последствия, отношение субъекта к содеянному и его мотивация.

При анализе рецидива уголовно-правовой подход акцентирует повторность как квалифицирующий признак, указывающий на устойчивую антиобщественную направленность личности, требующую ужесточения мер воздействия к ней. Таким образом, криминализация в уголовно-правовой трактовке подразумевает увеличение общественной опасности лица, подвергшегося уголовному преследованию, и предполагает усиление карательного воздействия со стороны государства за криминальное поведение.

В социологической трактовке «криминализация» — это процесс наделения человека определенными характеристиками (например, статуса «рецидивиста»), играющими роль катализатора преступного поведенческого акта [109]. Предполагается, что социальное исключение и стигматизация, с которыми сталкивается освобожденный из мест лишения свободы индивид, побуждают его к антиобщественному образу жизни, а также поиску связей с криминогенными лицами, которые для него выступают единственным ресурсом адаптации к социальным условиям жизнедеятельности вне стен пенитенциарного учреждения.

В психологическом контексте понятие «криминализация» раскрывает внутриличностные предпосылки формирования преступного поведения. Процесс криминализации подразумевает формирование совокупности социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе взаимодействия с другими людьми [5], и завершается образованием криминальной личности.

В контексте рецидива ключевым становится вопрос об устойчивости этой системы свойств и возможности ее трансформации.

Криминальность с психологической точки зрения не всегда является следствием клинических отклонений, а чаще связана с устойчивой противоправной направленностью личности, сформированной и подкрепленной длительным пребыванием в криминогенной социальной среде. Таким образом, «криминализация» отражает не только общественно опасный статус лица, но и процесс формирования индивидуально-психологических особенностей (мотивов, ценностей, представлений) способствующих воплощению этого статуса в поведении.

Считая криминализацию личности и рецидив преступлений вызовом институту probation, необходимо рассмотреть научные представления, объясняющие их формирование.

К наиболее исторически раннему объяснению причины преступлений и невозможности исправления преступника следует отнести концепцию болезни. Согласно ей, преступление является следствием заболевания, затрудняющим индивиду контроль над поведением. В такой трактовке преступник мог быть представлен жертвой аномалии развития или приобретенной болезни. Так, В. М. Бехтеревым выделялись четыре группы преступников:

- (а) преступники по страсти — порывистые, импульсивные;
- (б) преступники с недостатками чувственной, нравственной сферы, которые совершают преступление умышленно, хладнокровно;
- (в) преступники с нарушениями интеллекта;
- (г) преступники, имеющие слабую силу воли, ленивые, склонные к употреблению алкогольных напитков [20].

Наиболее ранним способом противодействия выступало уничтожение или изгнание подобных лиц, а с развитием общества ею стала изоляция в рамках специальных учреждений.

Представителями данной концепции ведется дискуссия о «внеличностной» (генетической, нейрофизиологической [1]) детерминации преступного поведения, и, как следствие, о невозможности контроля человеком своего поведения.

Вторым объяснением выступает нарушение социализации, проявляющееся в недостатке воспитания либо неправильном его осуществлении, в совокупности приводящим к криминогенным изменениям личности. Значительный комплекс исследований отечественных и зарубежных криминологов и психологов характеризует различные криминогенные стили воспитания (игнорирование, потворствование, жестокость и насилие, асоциальное влияние) и раскрывает их антиобщественные последствия. Так, рассматривая вызванные ими изме-

нения на разных уровнях организации личности, можно выделить психодинамические (например, антиобщественные потребности и мотивы), регулятивные (например, неспособность следовать правилам, нормам, ценностям) разновидности нарушений.

Вместе с тем для социализирующего подхода описанные криминальные особенности личности считаются обратимыми. Поэтому их исправление осуществляется повторным воспитанием, которое может проводиться как в условиях изоляции от общества, так и без такового. Воспитание может осуществляться различными социальными институтами и, как следствие, иметь различные формы. В их числе можно выделить социально-нормативную (предполагающую принуждение к труду, обучению), религиозную (соблюдение религиозных норм), социально-психологическую (развитие личности методами консультирования, тренинга) и иметь индивидуальные или групповые подвиды.

Третьим объяснением формирования личности преступника выступает неравенство возможностей, предоставляемых обществом для удовлетворения потребностей личности. В рамках такого подхода личность становится заложником собственных дефицитарных, бытийных и метапотребностей [192], обостренных в условиях дефицита средств их насыщения.

Преступление выступает антиобщественным, но, с позиции нуждающегося, оправданным способом восполнения необходимого и отсутствующего ресурса. Соответственно, формирование личности преступника рассматривается следствием двух видов противоречий:

- во-первых, внутри общества, декларирующего определенные потребности, но не позволяющего их удовлетворять, что побуждает к поиску антиобщественных и, в том числе, противозаконных способов достижения желаемого;

- во-вторых, между институтами социальной помощи с ограниченными возможностями ее предоставления и нуждающимся человеком [176].

Интересно, что в ряде государств, признающих свою ответственность за преодоление подобных противоречий, личность преступника рассматривается в ряду других лиц (больных, инвалидов), чье социальное функционирование невозможно без институциональной поддержки. Ее мерами выступают не только пособия или иные виды помощи, но и, например, декриминализация определенных видов антиобщественного поведения (прием наркотиков) или мелких хищений.

Следует подчеркнуть, что подобный подход отчасти снимает проблему вины за совершение преступления, поскольку обязывает как общество, так и государство оказывать помощь требующему ее человеку, а также стимулирует совершение антиобщественных действий, позволяя объяснять их состоянием необходимости. Подобное перераспределение ответственности между индивидом и государством, в краткосрочной перспективе снижающее риск преступлений доступом к определенным, а в долгосрочной может привести к еще большим последствиям.

Четвертое объяснение формирования личности преступника предлагает социально-когнитивный подход к регуляции социального поведения. Согласно ему человек в процессе жизнедеятельности адаптируется к нормам и правилам поведения в обществе, однако соблюдает их, считая частью чуждого ему и внешнего для него социального контроля. При этом он использует нормы в своих интересах, оставаясь аморальным к общественным ценностям и циничным к интересам других людей. Таким образом, преступник — человек, чья моральная ответственность отчуждена настолько, что позволяет ему нарушать нормы ради достижения личностно-значимых целей.

В отличие от других подходов, социально-когнитивный подчеркивает утилитарное значение преступления для преступника. Оно не является целью, а скорее выступает инструментальным средством, при этом риск, связанный с последствиями изобличения и уголовного преследования, в полной мере оценивается личностью. Вина за совершенное деяние отчуждается, равно как и отрицается поражение в правах. Соответственно, преступник рассматривает правовой контекст социальных отношений избирательно, считаясь лишь с угрозами своему благополучию и отрицая моральные запреты на антиобщественное поведение.

Профилактика криминализации заключается в психологическом воздействии, нацеленном на изменение отношения к регуляции социального поведения, принятии моральной ответственности за правопослушное поведение.

Подводя итоги, можно заключить, что через различия в научных представлениях о криминализации и рецидиве преступления к настоящему времени приводят к многообразию подходов в профилактике этих негативных явлений. Анализ понятия «криминализация» выявил необходимость его интегративного понимания: как правового (усиление общественной опасности), социологического (стигматизация и

социальная эксклюзия) и, что наиболее важно для пробации, психологического (формирование устойчивой противоправной направленности личности) процесса.

Появление и развитие нового для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации института пробации позволяет расширить представление о криминогенной личности, обеспечивая индивидуализированные формы реагирования как в рамках исполнения наказания, так и профилактической деятельности органов внутренних дел. В этой связи целесообразной видится интеграция подходов на основании одного, личностного подхода к пониманию причин и условий рецидива преступлений. Методологически это позволит синтезировать понимание биосоциальных предпосылок, дефектов социализации и, главное, ориентировать на психологическую диагностику а затем и коррекцию ядра личности — ее потребностно-мотивационной и ценностно-смысловой сфер, ответственных за регуляцию социального поведения.

Подобный подход позволит придать ключевое значение личности, а не отдельным ее криминогенным свойствам, выражающимся как в детерминации, так и регуляции криминального поведения. Кроме того, полагая, что криминальная личность формируется в ходе психосоциального развития, это позволяет связать воедино и криминогенное значение психических аномалий и проблем социализации. Наконец, считая криминальное поведение дефектом регуляции личностью своего социального поведения, это создает предпосылки для психологической коррекции компонент ее направленности (потребностно-мотивационной, ценностно-смысловой).

Данные выводы составляют основу представления о криминальной личности, которые будут использоваться в дальнейших частях монографии для описания психологических особенностей лиц, подвергнутых уголовному наказанию и причин, побуждающих их к повторному совершению преступления.

Выводы по первой главе.

Формирование института пробации в Российской Федерации предполагает не просто дополнение ранее существовавшей системы исполнения наказания, но и ее трансформацию по повышению эффективности ресоциализации и реинтеграции лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Соответствующие цели обозначаются в федеральном за-

коне и реализуются в исполнительной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации, представляя собой комплекс последовательных мер социально-правового, психолого-педагогического и иного характера, применяемых и к осужденным, и к отбывшим наказание лицам. Поэтому становление института пробации нуждается не столько в наделении новыми контрольно-административными функциями, но и в пересмотре научно-методологических основ ее осуществления. Опыт зарубежных служб пробации показывает, что эффективность применяемых мер обеспечивает опора на методологически обоснованную совокупность методов, средств и форм воздействия, учитывающую психологические закономерности криминализации и декриминализации лиц, отбывающих и отбывших наказание.

Потенциально существенным для повышения эффективности является расширение психолого-педагогических составляющих пробации. В настоящее время они ориентированы на выявление и коррекцию индивидуально-психологических особенностей, побуждающих к совершению новых преступлений; психологическое сопровождение на этапе отбывания наказания, связанного с лишением свободы, подготовки к освобождению из исправительного учреждения и иные функции¹.

Зарубежный опыт показывает, что эффективное осуществление пробации обеспечивается посредством индивидуализации применяемых программ психолого-педагогического воздействия, охватывающих не только особенности личности, но и социально-психологические способности, оценивающие не только субъекта, подвергающегося пробации, но и его окружение.

Реализация данных задач обуславливает необходимость изучения причин и условий криминализации, особенностей жизнедеятельности данной категории лиц. Криминализацию личности необходимо понимать не только как правовой статус, но и как психологический процесс формирования устойчивой противоправной направленности, возникающий, в том числе, из-за невозможности разрешения трудной жизненной ситуации, проблем, препятствующих реинтеграции в общество после освобождения или ресоциализации.

¹ Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Таким образом, для целей пробации ключевым является не диагноз «криминальная личность», а оценка конкретных потребностей и факторов риска, побуждающих к противоправному поведению человека. Данные потребности опосредуют связь между «трудной жизненной ситуацией» (объективной) и реальной угрозой рецидива (субъективной).

Следовательно, эффективная пробация должна быть нацелена не на абстрактную «социальную помощь» или общее «перевоспитание», а на целенаправленное устранение или смягчение этих конкретных дефицитов через индивидуальную программу, включающую трудоустройство, получение жилья, психологическую коррекцию установок и развитие социальных навыков. Такой подход позволяет иначе операционализировать цель пробации — профилактику рецидива — через научно обоснованную работу с лицом, подвергающимся пробации, рассматривая его не объектом контроля, а субъектом жизнедеятельности, находящимся в состоянии криминологической индивидуальной нуждаемости [119]. Это означает, что оно испытывает дефицит в ресурсах (материальных, социальных, психологических), который в прошлом послужил условием совершения преступления, а в настоящем создает высокую вероятность рецидива.

Данная нуждаемость формируется на пересечении нескольких ключевых факторов:

1) структурных дефицитов (отсутствие жилья, легального дохода, образования, социальных связей), прямо побуждающих к криминальному пути удовлетворения потребностей;

2) дефектов социализации и регуляции, выражающихся в слабо развитых навыках социального взаимодействия, искаженном правосознании, неспособности к планированию жизнедеятельности, контролю над социальным поведением;

3) стигматизации и социальной эксклюзии, когда статус «бывшего осужденного» блокирует легальные пути реинтеграции, оставляя либо криминальные, либо маргинальные.

Все изложенное ориентирует на необходимость изучения и более глубокого анализа психологических особенностей лиц, подвергнутых уголовному наказанию, раскрытию закономерностей психологии превенции лиц, в отношении которых применяется пробация, определения психолого-педагогических основ взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с лицами, в отношении которых осуществляется пробация. Рассмотрению этих вопросов посвящены следующие главы монографии.

Глава 2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ, РАНЕЕ ПОДВЕРГНУТЫХ УГОЛОВНОМУ НАКАЗАНИЮ

2.1. Индивидуально-психологические особенности совершеннолетних лиц, склонных к рецидиву преступления

Согласно статистике, значительная часть преступлений в России совершается ранее судимыми лицами — более трети расследованных уголовных дел, при этом показатели рецидива оказались более устойчивыми по сравнению с общей преступностью [70]. Наибольшую криминальную активность проявляют условно осужденные, уровень рецидива среди которых достигает 40,7% [36]. Несмотря на предпринимаемые усилия и полученные результаты, осуществляемая работа по предупреждению повторных преступлений не может оцениваться однозначно положительно.

Анализируя причины проблемы, следует допустить, что рецидив является не только индикатором неэффективности мер пенитенциарного воздействия и постпенитенциарного контроля, но и отражением криминогенной устойчивости психологического склада личности, не поддающегося профилактическому воздействию.

Современные исследования преступности совершеннолетних лиц демонстрируют сложный комплекс взаимосвязанных факторов, определяющих криминальное поведение в данной возрастной группе. Эмпирические данные И. С. Дроздова показывают, что *«более половины (58 %) всех рецидивистов совершают новые преступления в первый год после вступления приговора суда в законную силу, причем 31 % — в первые шесть месяцев»* [36]. Это свидетельствует о том, что период сразу после осуждения и начала отбывания наказания (особенно не связанного с лишением свободы) является временем психологической нестабильности и криминального риска.

Согласно анализу статистических данных, выполненному О.В. Филипповой, в 2023 году 73,9% рецидивистов находились в возраст-

ном диапазоне от 26 до 45 лет — периоде наибольшей продуктивной трудовой активности человека, однако в данном случае имеющийся потенциал реализован ими не на созидание, а на разрушение [124].

Важным условием понимания психологических аспектов личности рецидивиста является анализ причин совершения повторных преступлений. Как отмечают исследователи, рецидивная преступность в структурном плане повторяет общую преступность, однако с существенным смещением в сторону корыстных и насильственных деяний: лидируют общеуголовные составы, и прежде всего против собственности (42,7%), против личности (16,6%) и против здоровья населения (11,9%) [123].

По данным исследования Ю.Е. Суслова с соавторами, в котором осужденные сами анализировали причины, повлиявшие на совершение ими первого преступления, 38,2% отнесли к таковым нахождение в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, 38,1% — неблагоприятное материальное положение, 34,8% — негативное влияние окружения [112].

Примечательно, что те же самые факторы приводили их к совершению повторного преступления (неблагоприятное материальное положение/отсутствие работы — 42,2%, нахождение в состоянии алкогольного или наркотического опьянения — 36%, негативное влияние окружения — 31,1%).

Опрос сотрудников правоохранительных органов и судей выявил субъективное мнение о причинах повторных преступлений:

- отрицательные морально-психологические качества осужденного, вера в безнаказанность (65,6% опрошенных);
- материальная нужда, низкий уровень доходов (50,6%);
- влияние окружающих лиц, в том числе криминальной среды (48,1%).

Исследование А. Ф. Федорова на выборке из 250 уголовных дел в Сибирском регионе показало, что среди повторно осужденных:

- 73,3% не имели постоянного источника дохода (при среднероссийском показателе среди преступников 65,7%);
- 58% находились в состоянии алкогольного опьянения в момент совершения преступления (при среднем показателе 29,5%);
- 22,8% были так или иначе связаны с незаконным оборотом наркотиков;
- только 40% имели полное среднее образование, а 47,3% — образование от 5 до 9 классов;

– лишь 13% состояли в брачных отношениях [121].

В российской криминальной психологии представлено несколько трактовок психологической сущности рецидивной преступности.

По мнению М. И. Еникеева, рецидивная преступность *«это проявление устойчивых антисоциальных качеств индивида...»* [40]. В его представлении дефекты саморегуляции в сочетании с антисоциальными ценностными ориентациями и ситуативно-средовой зависимостью выступают основными психологическими характеристиками рецидивиста.

Следует согласиться с этим, учитывая, высокий уровень специального рецидива (например, 57% среди осужденных за кражи) [36], который указывает на устойчивость преступных навыков и установок данной категории лиц.

Проводимые исследования выявляют различные комплексы психологических особенностей преступников-рецидивистов.

В частности, Е. А. Антонян выделяет следующие морально-психологические характеристики [3]:

- эмоциональная нестабильность (конфликтность, агрессивность, несдержанность);
- эгоизм, самоутверждение;
- примитивность эмоциональных реакций;
- высокий уровень тревожности, ожидание угроз и насилия;
- отсутствие сочувствия;
- обидчивость и мстительность (приобретенные в исправительных учреждениях);
- зависимость от ближайшего окружения.

А. Н. Баламут, изучая осужденных в исправительных учреждениях особого режима, выявил такие негативные особенности, как агрессивность, значительный уровень конфликтности, отсутствие целей на будущее, зависимое поведение, уход в себя [13].

В. Н. Кудрявцев характеризует рецидивистов как лиц, неустойчивых по характеру, имеющих антиобщественные убеждения и привычки, слабое правосознание, низкие желания и интересы, аморальных в способах их удовлетворения [79].

Конечно, психологический портрет рецидивиста невозможно составить без учета патопсихологических особенностей.

Данные П. Б. Афанасьева указывают на высокую распространенность психических аномалий среди лиц, совершающих тяжкие насильственные преступления: *«25% лиц, привлеченных к уголовной*

ответственности... лица с аномалиями психики в рамках вменяемости», среди которых диагностируются алкоголизм (5,21%), органическое поражение головного мозга (4,16%), олигофрения (3,13%) и наркомания (2,08%)» [10]. Эти состояния напрямую влияют на механизм преступного поведения, искажая восприятие социальных норм, снижая способность к самоконтролю и адекватной оценке последствий своих действий.

Анализ индивидуально-психологических особенностей лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, свидетельствует о различных конфигурациях черт, имеющих криминогенное значение. Так, в рамках выполненного нами изучения лиц, осужденных за совершение насильственных преступлений, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Свердловской области, были выявлены специфические черты, свойственные криминогенным лицами и отсутствующие у правопослушных.

Методической основой для выбора черт стал комплекс свойств личности, склонной к деструктивному поведению [44]. Ранее комплекс свойств уже изучался на различных выборках, а уровень его выраженности и распределение свойств оценивались применительно к правонарушающему, преступному, самоповреждающему и другим разновидностям деструктивного поведения.

Исследование проводилось путем опроса экспертов. Всего измерялось 16 свойств, каждое из которых рассматривалось в двух диапазонах проявления — максимальном и минимальном (к примеру: «зависимый – независимый»). Свойства располагались попарно, применялась семибалльная шкала измерения. Набор свойств предлагался психологу для проведения экспертного оценивания личности осужденного. В выборку вошли лица, отбывающие наказание по приговору суда в исправительных учреждениях ФСИН России по Свердловской области. Всего обследовано 540 осужденных (71% мужчин; средний возраст 33,4 года; $SD=7,45$ лет). Из них лиц, осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений, 227 человек.

В результате был получен профиль личностных свойств каждого обследуемого, которые, затем соотносились со средними значениями по выборке правопослушных лиц. Результаты позволяют описать психологические предпосылки повторного совершения преступления, присущие криминогенным лицам.

*Характеристика свойств личности осужденных
за совершение корыстно-насильственных преступлений*

<i>Оцениваемые черты личности</i>	<i>Осужденные за совершение корыстно-насильственных преступлений (n=540)</i>	
1. Впечатлительный или хладнокровный?	3,1	Впечатлительные
2. Возбудимый или уравновешенный?	3,6	Менее уравновешенные
3. Несговорчивый или сговорчивый?	4,1	Несговорчивые
4. Независимый или подчиняющийся?	3,1	Склонные к подчинению
5. Расчетливый или безрассудный?	2,4	Расчетливые
6. Необязательный или обязательный?	4,1	Обязательные
7. Самолюбивый или самоотверженный?	3,2	Скорее альтруистичные
8. Агрессивный или дружелюбный?	3,7	Скорее агрессивные
9. Расточительный или аскетичный?	3,8	Более расточительные
10. Семейный или несемейный?	3,2	Несемейные
11. Стремящийся или уклоняющийся?	3,1	Более уклоняющиеся
12. Ценящий или обесценивающий?	3,0	Скорее увлеченные
13. Включенный или отчужденный?	3,2	Скорее отчужденные

Выявленный профиль личностных свойств осужденных за корыстно-насильственные преступления демонстрирует комплекс сочетаний личностных черт, потенциально связанных с криминогенным поведением. В частности, нервно-психическая неустойчивость (впечатлительность — 3,1, низкая уравновешенность — 3,6), сочетается с индивидуальными предпосылками социальной дезадаптации (несговорчивость — 4,1, отчужденность — 3,2), включающей несговорчивость и отчужденность.

Данная картина соответствует исследованиям, выявившим у рецидивистов эмоциональную нестабильность, конфликтность, агрессивность и несдержанность.

Парадоксальное сочетание склонности к подчинению (3,1) с упрямством (4,1) объясняет феномен криминальной конформности, свойственный криминогенным лицам — «коммуникативные особенности, которые не обеспечивают эффективного взаимодействия и взаимопонимания с людьми» [99]. Это создает почву для их вовлечения в преступные группы, и, при одновременной неспособности социальному взаимодействию и нежеланию критически оценивать свои действия, создает предпосылки рецидива преступления.

Следует акцентировать внимание на таком комплексном личностном образовании, как «личностная зрелость». Его показателями выступают чувство ответственности, социально-опосредованное представление о самореализации [101]. Результаты сопоставления правопослушных и криминогенных лиц подтверждают значимое их различие, выражающееся в личностной незрелости.

Так, результаты дисперсионного анализа ($F=4,12$, $p=0,005$) выраженности данных характеристик в выборке правопослушных лиц и осужденных подтверждают значимое влияние личностной незрелости на криминализацию.

Можно заключить, что личностная незрелость проявляется в неспособности к ответственному поведению и правопослушному решению жизненных проблем. Этот вывод согласуется с существующими представлениями о том, что, осознавая у себя наличие проблем с алкоголем, незаконным потреблением наркотических средств, лишь малая часть лиц, отбывающих уголовное наказание, стремится к получению квалифицированной психологической помощи [112].

Особого внимания заслуживает феномен институциональной зависимости, когда в период нахождения в местах лишения свободы многие значимые вопросы решаются не осужденным, а сотрудником учреждения. Это формирует устойчивый паттерн пассивности и безответственности, крайне затрудняющий последующую ресоциализацию.

Следует акцентировать внимание на особенностях когнитивной сферы лиц, подвергнутых уголовному наказанию, но вновь склонных к совершению преступления. Когнитивные способности играют существенную роль в адаптации лиц, отбывших уголовное наказание, поскольку они определяют способность к усвоению социальных норм, новых видов профессиональной деятельности и освоению новых знаний.

В академической литературе отмечается, что эффективное социальное поведение соотносится с высоким уровнем когнитивных способностей субъекта, а неэффективное — с низким. Схожие представления существуют относительно рефлексивных способностей личности. Субъект с высоким уровнем рефлексивных способностей готов к быстрому и точному отслеживанию логических отношений и закономерностей, способен к выработке альтернатив при принятии решения [62]. В совокупности когнитивные способности и навыки рефлексии не только повышают эффективность деятельности, но и влияют на

приспосабливаемость субъекта к изменяющимся условиям ее осуществления.

В ряде исследований низкий уровень рефлексии, слабые когнитивные способности указывают в качестве причин асоциального и преступного поведения [26]. Конечно, данные отношения не имеют характера прямой обусловленности, вместе с тем они способствуют, во-первых, недооценке последствий собственных действий, во-вторых, снижению возможности к самоконтролю и саморегуляции, в-третьих, повышают ригидность (жесткость) действий, что снижает их адекватность быстро изменяющимся обстоятельствам.

В частности, готовность к криминальному насилию традиционно связывается с проявлением психопатических черт личности и объясняется генетическими или органическими особенностями нейрофизиологии процессов головного мозга. Однако большая часть совершаемых насильственных преступлений имеет корыстную мотивацию, строится на рациональной основе, на искаженных представлениях о возможности избежать уголовного наказания [55].

Зарубежные исследователи уделяют внимание подобным когнитивным искажениям. В частности, ряд концепций описывает «черты» мышления, присущие преступникам подобного вида. К примеру, в концепциях «криминального мышления» ими выступают узость и ригидность мышления [цит. по: 53].

В концепциях криминальной идентичности к свойствам мышления преступника относят сниженную критичность, неспособность к представлению себя в будущем [148]. Интересно, что описания этих свойств дополняются методами эмпирической оценки — каждая из концепций имеет свой психодиагностический инструментарий. Однако на русскоязычной выборке данные инструменты не адаптированы, хотя имеют перспективы применения для изучения социальной адаптации, ресоциализации осужденных.

Исследования стилей принятия решений криминогенными лицами показывают, что у правонарушителей по сравнению с правонарушителями повышена чувствительность к вознаграждению, снижена чувствительность к наказанию и наблюдается высокая скорость временного дисконтирования, то есть они склонны выбирать немедленные, но меньшие выгоды, игнорируя отложенные, но более серьезные негативные последствия. Это свидетельствует о нарушении процессов рационального выбора в пользу иррационального, импульсивного варианта мышления [223].

В целом исследователи связывают низкие когнитивные способности и способности к рефлексии с риском криминального поведения. Однако роль когнитивных способностей и рефлексии в сохранении (продолжении) криминального поведения не всегда подвергается эмпирической оценке в контексте психологической профилактики риска рецидива преступления. Поэтому в рамках проведенного нами исследования ставилась цель выявления отношений между уровнем рефлексии и когнитивных способностей у осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений и их правопослушным поведением в местах отбывания наказания.

В выборку вошли лица, отбывающие наказание по приговору суда в исправительных учреждениях ГУ ФСИН России по Свердловской области. Всего обследовано 540 осужденных (71% мужчин; средний возраст = 33,4 года; SD=7,45 лет). Из них лиц, осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений — 227 человек.

Выборка осужденных была подвергнута экспертной оценке психологами учреждений. Всего было сформированы две подгруппы:

а) с просоциальной направленностью (ориентированные на соблюдение требований режима исполнения наказания, активно трудящиеся, повышающие свой уровень образования, осуществляющие сотрудничество с администрацией) — 117 человек;

б) с криминальной направленностью (нарушающие режим отбывания наказания, демонстрировавшие асоциальные интересы — приверженность криминальным ценностям и культуре) — 110 человек.

Методами исследования выступали: когнитивная проба «Исключение понятий» и экспертная оценка. Проба «Исключение понятий» применялась для исследования аналитико-синтетической умственной деятельности. Использовались показатели: количество правильных обобщений, количество правильных исключений, доля обобщений по латентным признакам.

Экспертная оценка психологом осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении, предполагала оценку комплекса показателей из 30 показателей. В исследовании использовался показатель «Способность к самоанализу поведения (рефлексии)». Он оценивался по пятибалльной шкале (очень низкий, низкий, средний, высокий, очень высокий).

Полученные результаты обобщались и обрабатывались с помощью статистической программы Statistica for windows 6,0. Статистическая оценка выполнялась методом однофакторного дисперсионного

анализа. Изучались значения показателей «количество правильных обобщений», «количество правильных исключений», «доля обобщений по латентным признакам» и «способность к самоанализу поведения» в группах с криминальной и просоциальной направленностью. Результаты статистического анализа показали, что осужденные за совершение корыстно-насильственных преступлений имеют низкие значения показателей по методике «Исключение понятий» (среднее значение = 29,9 баллов) по сравнению с осужденными за насильственные преступления (среднее значение = 31,9 баллов), корыстные преступления (35,3), аддиктивные преступления (33,4) и преступления по неосторожности (32,1). Значения показателя «Способность к самоанализу (рефлексии)» не различались в разных группах преступников.

Дальнейший анализ проводился внутри группы осужденных за совершение корыстно-насильственных преступлений. Сравнение осужденных с криминальной и просоциальной направленностью показало, что вторые успешнее выполняют операцию исключения ($F_{\text{крит}}(7,389)=5,58, p<0,001$), при обобщении понятий используют абстрактные признаки, а не конкретные ($F_{\text{крит}}(7,389)=3,93, p<0,04$). Оценка способности к рефлексии в группах осужденных с криминальной и просоциальной направленностью выявила статистически значимые различия ($F_{\text{крит}}(1, 399)=19,14, p<0,001$).

Проведенное исследование показало, что преступления корыстно-насильственной направленности отличаются от других видов преступлений осознанным применением насилия для удовлетворения корыстных побуждений.

В отличие от насильственных преступлений, подчас обусловленных слабостью процессов мышления и регулятивных механизмов, этот вид преступлений характеризуется большей осознанностью и целенаправленностью. Коррекционное воздействие на лиц, совершивших подобные преступления, как правило, не отличается от других категорий преступников. Традиционно оно нацелено на изменение отношения к мотивам социального поведения, трансформации системы ценностей осужденного. Вместе с тем принципиально значимым является изменение отношений данной категории лиц к оценке криминального поведения, заключающееся в полном (объективном) определении негативных последствий, вызванных уголовным преследованием и последующим за ним наказанием.

Полученные нами результаты указывают на существование альтернативного ресурса профилактики криминального поведения, базирующегося на когнитивных способностях и рефлексии осужденного. Об этом свидетельствуют, во-первых, низкие результаты когнитивной пробы «Исключение лишнего» у лиц, осужденных за корыстно-насильственные преступления по сравнению с другими категориями осужденных. Это, по-видимому, подтверждает идею о когнитивных искажениях, влияющих на предпочтение криминального поведения социальному, например высказанных П.А. Гнездовой [32].

Во-вторых, на роль когнитивных факторов в сохранении криминальной направленности указывают различия по когнитивным показателям и рефлексии между осужденными с просоциальной и криминальной направленностью поведения. Они чаще анализируют собственное поведение и оценивают его, чем осужденные с криминальным поведением. Кроме того, они более логичны и обоснованны в своих рассуждениях, поскольку допускают меньше ошибок при обобщении и исключении. Конечно, обсуждаемые результаты имеют ограничения, а выводы нуждаются в дополнительной проверке. Но в целом изучение когнитивных способностей лиц, осужденных в связи с проявлением криминального насилия (грабежей и разбоев), указывает на существование отношений между когнитивными способностями и способностями к рефлексии, с одной стороны, и готовностью к криминальному поведению — с другой. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости проведения углубленного изучения когнитивных особенностей и, при необходимости, повышения их уровня, поскольку ясно, что их коррекция будет способствовать более правильной и точной оценке последствий криминального поведения и позволит снизить риск рецидива.

Характеризуя психологические особенности лиц с разным временным промежутком между совершаемыми ими преступлениями, Н.А. Цветкова указывает на существенные различия в регуляторной сфере [129]. Так, механизм «скорого» рецидива в значительной степени обусловлен недостаточным внутренним контролем, несформированностью моральных запретов и импульсивным, необдуманном характером поведения. В свою очередь, «отсроченный» рецидив характерен для лиц, которые, хотя и способны какое-то время удерживаться от преступлений, обладают внешней, а не внутренней системой регуляции поведения, склонны к манипуляции и самооправда-

нию, а свою жизнь воспринимают как результат действия внешних сил, а не собственных усилий.

Отдельного внимания заслуживает феномен демонстративного позитивного поведения, не отражающего реальных изменений в ценностно-мотивационной сфере. И.С. Дроздов отмечает парадокс: «Попадающая часть (97,3 %) осужденных без лишения свободы *«признают свою вину и раскаиваются в содеянном... Между тем каждый третий (33 %) из них совершает новое преступление»* [36]. Это говорит о том, что такое поведение зачастую является манипулятивной стратегией, направленной на получение уголовно-правовых «преференций» в виде снижения меры наказания, а не следствием раскаяния.

Более глубокий анализ механизма преступного поведения при тяжких насильственных преступлениях, проведенный П. Б. Афанасьевым, позволяет выявить доминирующие мотивы: «неприязнь (69,3%), злость (18,8%) и корысть (5,7%)» [10]. В целом, исследователь характеризует мотивацию рецидивистов как насильственно-эгоистичную, агрессивно-мизантропическую (в разной степени межличностной злобности). Эмоциональная сфера таких лиц характеризуется доминированием негативных аффектов — гнева, отвращения, презрения, что формирует устойчивую готовность к агрессивному реагированию на фрустрирующие ситуации.

Структура личности рецидивиста также характеризуется выраженной деформацией ценностно-смысловой сферы. Парадоксальным, на первый взгляд, представляется тот факт, что у осужденных с коротким интервалом между преступлениями показатели осмысленности жизни, особенно осмысленности жизненных целей, были достоверно выше, чем у тех, кто рецидивировал спустя много лет. Н. А. Цветкова выдвигает предположение, что, *«выходя на свободу, отбыв наказание по первой судимости, они уже допускали или даже планировали совершение нового преступления»* [129].

Таким образом, высокая осмысленность жизни может быть не просоциальной, а криминальной, когда жизненные цели и планы строятся в русле продолжения противоправной деятельности. Эти данные красноречиво свидетельствуют о социальной исключенности и глубокой дезинтеграции личности рецидивиста. Ю. М. Антонян с соавторами, анализируя этот феномен, выделяет такие аспекты индивидуального отчуждения, как социальная изоляция, бессилие, бессмысленность, нормативная дезориентация и самоотстранение [7].

В целом, характеризуя ценностно-смысловую сферу преступника, можно выделить несколько ключевых особенностей.

1. Инверсия общественно-значимых ценностей. Формируется устойчивая иерархия ценностей, где доминируют криминальные установки (эгоизм и гедонизм, власть и доминирование над окружающими). Законопослушный образ жизни воспринимается нецелесообразным, указывающим на виктимность его субъекта. Участники неформальных групп, разделяющие криминальные ценности, считают насилие допустимым и оправданным способом достижения необходимых целей, отстаивания интересов, демонстрации статуса [43]. Как отмечают Н. А. Коломытцев и Л. Н. Одинцова, рецидивисты открыто противопоставляют себя правопорядку, а их смысловым ядром является криминальная субкультура [69]. Она выступает универсальной основой для выстраивания отношений между криминогенными лицами различных возрастных групп, но при этом ориентирует на проявление эгоизма и обесценивание других людей.

2. Инструментальное отношение к жизни и другим людям. Другие люди воспринимаются преимущественно как инструменты для достижения корыстных или личных целей, объекты манипуляции. Ценности эмпатии, взаимопомощи и социальной ответственности вытеснены. Это подтверждается исследованиями, указывающими на бесчувственность и жестокость неоднократно судимых лиц, совершающих насильственные и корыстно-насильственные преступления.

3. Парадоксальная осмысленность криминальной деятельности. Исследование Н. А. Цветковой продемонстрировало противоречие в том, что у рецидивистов с коротким интервалом между преступлениями показатели осмысленности жизни, и особенно, осмысленности жизненных целей, были достоверно выше, чем у тех, кто рецидивировал спустя годы [129]. Это свидетельствует не об отсутствии смыслов, а об их криминальном содержании. Выходя на свободу, такой человек уже планирует новое преступление, которое не только не выходит за пределы его представлений, а, напротив, поддерживает приемлемый для него образ жизни.

4. Гедонистическая и потребительская ориентация. Доминирует стремление к сиюминутному удовольствию (включая одобрение нахождения в состоянии алкогольного или наркотического опьянения). Это подтверждается данными А. Ф. Федорова о высоком проценте рецидивистов, совершающих преступления в состоянии опьянения и не имеющих постоянной работы [121]. Кроме того, выделяет-

ся гедонистическая ориентация — стремление к потреблению различных благ без приложения усилий к их получению, которая вместе с криминальной направленностью побуждает к совершению правонарушений и преступлений.

5. *Внешний локус контроля.* Рецидивисту свойственно перекладывать ответственность за свою жизнь на внешние обстоятельства: «виновато» государство, общество, жертва, «не повезло». Собственная воля и способность к изменению жизни не признаются в качестве сил, позволяющих воздействовать на ситуацию. Более того, изучение представлений рецидивистов показывает отсутствие у них планов и целей на будущее, что также указывает на внешний локус контроля [99].

Можно заключить, что ценностно-смысловая сфера рецидивиста представляет собой сложную систему регуляции противоправного поведения, где криминальные цели, ценности и установки становятся центральным смыслообразующим стержнем. В этой связи особую опасность представляет негативное влияние неоднократно судимых лиц на социальное окружение вне стен исправительного учреждения. Поскольку для данной категории лиц характерна не просто личностная деформация, а внутренняя, глубокая идентификация с криминальной субкультурой, они могут выступать субъектами распространения криминальных ценностей, актуализируя тем самым криминальную субкультуру [137]. Несмотря на сложность психолого-педагогической работы с данной категорией лиц, следует отметить, что преодоление рецидива невозможно без целенаправленного психокоррекционного воздействия на ценностно-смысловую сферу личности.

Можно заключить, что психологический портрет рецидивиста через призму криминологических и криминально-психологических исследований характеризуется синтезом устойчивых личностных деформаций, деформированной ценностно-смысловой сферы, ориентированной на криминальные ценности, в совокупности препятствующих реинтеграции и ресоциализации. Это личность, для которой противоправное поведение становится не просто способом решения жизненных проблем, а единственно возможным образом жизни, детерминированным как внутренними психологическими механизмами, так и внешними социальными условиями, среди которых ключевую роль играют и объективные предпосылки социальной дезадаптации (отсутствие трудовой деятельности, жилья, поддержки семьи и род-

ственников) и субъективные особенности (индивидуально-психологические, регулятивные, ценностно-смысловые), препятствующие правопослушному образу жизни.

Психология повторного преступления — это системный феномен, коренящийся в устойчивой деформации личности, подкрепленной неблагоприятными социальными условиями и часто отягощенной психическими аномалиями. Комплекс психолого-педагогических мер по снижению риска рецидива должен быть направлен на перестройку криминогенных компонент личности (как правило, обладающей устойчивым комплексом антиобщественных личностных черт, дефектами саморегуляции и криминальным опытом), что невозможно без специализированных методов воздействия. Однако наряду с психологическими свойствами личности предметом изучения должно выступить самосознание криминогенной личности, являющееся регулятором преступного поведения. Обращение к нему позволяет выявить представление криминогенной личности о правопослушном и противоправном поведении, понять внутреннюю логику принятия осознанного решения о преступлении.

2.2. Представление криминогенной личности о себе и его зависимость от социального окружения, способствующие рецидиву преступления

Изучение представлений криминогенной личности о себе является одним из ключевых аспектов психологического анализа возможностей рецидива преступлений и эффективности мер пробации.

Категория представлений о себе является достаточно обширной и включает в себя такие результаты самосознания, как самоотношение и самооценку. При этом представление является наиболее типичным и простым образованием, составляющим содержание более сложных форм самосознания — «образа Я», «Я-концепции». Таким образом, представление о себе может быть определено как элемент (составляющая) самоотношения, отражающее знание и отношения к себе, возникающее на основе обобщения субъектом имеющейся и полученной от окружающих информации о себе. Последнее является необходимым условием ее формирования, поскольку содержание самоотношения основывается на оценке окружающими людьми [81].

Наиболее сложным и комплексным представлением о себе является Я-концепция, которая интегрирует когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты [131]. У криминогенной личности эта система приобретает специфические характеристики, обусловленные образом жизни и криминальной направленностью. Их изучение представляет существенный интерес в свете возможности репрезентировать регуляцию криминогенной личностью своего правонарушающего поведения.

Анализ исследовательских позиций позволяет охарактеризовать различные интерпретации функции представлений криминогенной личности о себе. Так, в интеракционистской трактовке представление о себе как о преступнике складывается на основе оценок значимых других и маркирования окружением [141]. Соответственно, стигма «преступника» не только предписывает определенные модели взаимодействия, но и трансформирует самовосприятие индивида.

С социально-психологических позиций представление криминогенной личности о себе приобретает форму криминальной социальной идентичности. D. Boduszek и P. Hyland выделяют три ее компонента: когнитивную центральность (осознание групповой принадлежности), внутригрупповой аффект (эмоциональная привязанность) и внутригрупповые связи (идентификация с членами группы) [148]. Эти компоненты демонстрируют, как групповые нормы интериорируются в самоотношение. Можно констатировать, что, несмотря на различия в социологических и социально-психологических подходах к описанию представления криминогенной личности о себе, они сохраняют единство в понимании начала его формирования — осознание субъектом своей принадлежности к социальной категории преступников.

Несмотря на существенное значение данного представления для понимания причин рецидивной преступности, оно до сих пор не имеет единого концептуального оформления и методики изучения. С учетом имеющихся в академической литературе данных можно предполагать, что у криминогенной личности представление о себе образует сложное и противоречивое образование, формируемое под определяющим влиянием социального окружения. Его наиболее разработанными в криминальной психологии формами выступают самоотношение, криминальная идентичность и образ «Я».

Самоотношение криминогенной личности является динамическим образованием самосознания, имеющим эмоционально-оценоч-

ный характер. Ключевой характеристикой самоотношения является противоречие между самомнением (самооценкой) и социальной оценкой, а также порождаемой ими тревогой и неуверенностью в собственной ценности для общества [132]. Важно подчеркнуть, что подобное противоречие по-разному может влиять на побуждение к совершению преступления — либо прямо подталкивая к нему (фактически являясь мотивом), либо выступая условием (мотивировкой), снижающим чувство вины и тревоги.

Зарубежные исследования разрабатывают оба объяснения с позиции механизмов психологической защиты, реагирующих на обесценивание самооценки преступника. Так, D. R. Cressey этим объясняет существование гиперболизированного чувства собственного достоинства рецидивиста, его гордости за свой «статус» в криминальной иерархии и презрение к правопослушной части общества [159]. Предложенная им концепция нейтрализации демонстрирует, что в ответ на социальное стигмирование криминогенные лица формируют защитный механизм по типу «осуждение осуждающих». Преступник обесценивает тех, кто его осуждает, тем самым поддерживая свою самооценку и позитивный образ себя.

Схожим образом о самоотношении криминогенной личности рассуждает Н. S. Becker [145]. В рамках разработанной им концепции «Наклеивания ярлыков» (Labeling Theory) предполагается, что нарушение закона субъектом запускает в отношении него общественную реакцию осуждения. Это приводит к закреплению в мнении окружающих статуса «преступник», что, в свою очередь, инициирует у субъекта отождествление с этим статусом. Затем, при идентификации с ним это представление побуждает к совершению нового преступления, поскольку «снимает» запрет на нарушение закона, распространяющийся на правопослушных граждан, но не на «преступников».

Отождествление себя с социальной категорией преступников может способствовать нейтрализации чувства вины и тревоги за совершаемые преступления. Следуя концепции нейтрализации негативных переживаний, предложенной G. Sykes и D. Matza, возможность совершения нового преступления объясняется субкультурными представлениями, выполняющими роль психологической защиты [215]. Согласно их интерпретации, большинство рецидивистов не только не отрицают норм правового поведения, но, напротив, признает их, вырабатывают, формируя арсенал убеждений для их временного «отключения» в момент совершения преступления. Эти инструменты

нейтрализации выполняют не просто функцию оправдания, они позволяют индивиду сохранить позитивное самоотношение, несмотря на совершение противоправных действий.

Как указывают М. Kaptein и М. Van Helvoort, инструменты нейтрализации выступают своеобразным «буфером» между общественными представлениями о морали и конкретным аморальным поступком, защищая самоотношение преступника от переживания вины и социального осуждения [183]. В числе указанных инструментов выступают:

а) отрицание ответственности («Это не я, меня заставили». «Меня обманули, использовали»;

б) отрицание жертвы («Это не я — она сама виновата». «Он меня спровоцировал»);

в) отрицание ущерба («Ничего я не сделал — это врачи не вылечили». «Это он упал, я лишь толкнул», «Украли сами — свалили на меня»);

г) осуждение осуждающих («Кто тут без греха», «А сами лучше?», «Не зарекайтесь от тюрьмы»);

д) отсылка к моральным побуждениям («Я спасал человека», «Я не мог подставить своих»).

Основным источником техник нейтрализации является неформальный (субкультурный) пенитенциарный дискурс. В среде осужденных вырабатываются, циркулируют и применяются данные объяснения, становясь альтернативной моралью и, вместе с этим, нравственной основой оценки себя. Кроме того, данные представления могут искажать восприятие рецидивистами правовой реальности, подменяя ее общесоциальную трактовку на приемлемую для криминальной личности [113].

Психологическая необходимость техник нейтрализации объясняется S. Maruna и R. Mann тем, что они представляют собой наиболее простые и эффективные психологические средства защиты представления о себе [191]. Они позволяют рецидивистам поддерживать относительно целостное и непротиворечивое самоотношение, где он остается «хорошим» или, по крайней мере, «справедливым» в своей собственной системе координат, несмотря на постоянные нарушения закона и моральных норм общества. Однако негативным является то, что сильные техники нейтрализации повышают устойчивость и осужденных и отбывших наказание к методам исправления, требующим признания вины за совершенные деяния.

Одним из социально-психологических образований, используемых в криминальной психологии для объяснения самоотношения криминогенной личности, выступает криминальная идентичность. Криминальная идентичность определяется как :

(а) результат самоопределения индивида по отношению к преступным группам;

(б) часть Я-концепции, отражающая отношение к себе как к преступнику [73].

Её формирование исследователи связывают с нарушениями социальной интеграции, исключением из просоциальных сообществ и влиянием криминальной субкультуры, которая предоставляет ценностно-смысловые основания для оправдания антиобщественного поведения [42].

Согласно исследованиям, проведённым в русле теории идентичности Дж. Марсии, криминальная идентичность может рассматриваться как результат представления личности о себе из-за дефектов регуляции социального поведения, неадекватного самоотношения и влияния криминального окружения [189].

В свою очередь, R. Paternoster и S. Bushway определяют криминальную идентичность с интерактивных позиций, характеризуя ее как «преступное Я», проявляющееся во взаимодействиях и взаимоотношениях с другими преступниками [201]. При этом, как показывают исследования, криминальная идентичность отрицательно связана с психологической устойчивостью. Объяснение этому видится в том, что ни низкая самооценка, ни отсутствие долгосрочных социально значимых жизненных целей не способствуют формированию просоциальной идентичности, а противоречие между самоотношением и отношением окружающих снижает социальную адаптированность личности [46].

Несмотря на применение понятия криминальной идентичности для изучения криминогенных лиц, его применение в психологических исследованиях представляется проблематичным по нескольким причинам.

Во-первых, оно не имеет четкого концептуального оформления и операционализации, что приводит к методологической путанице с уже разработанными и применяемыми в психологической диагностике конструктами. Фактически, без проработки психологического содержания научное представление о криминальной идентичности бо-

лее состоятельно в предметном поле интеракционистского подхода, нежели психологического.

Во-вторых, акцент на идентичности как на устойчивом образовании может создавать избыточный акцент на сфере самоотношения, отвлекая от иных компонент механизма регуляции криминального поведения, что особенно важно в контексте психокоррекционной и профилактической работы.

В-третьих, понятие криминальная идентичность в психологическом исследовании уступает методологически более точному и содержательно большему по объему понятию «представление о себе», заключающему в себе и когнитивные и эмоционально-оценочные составляющие самосознания криминальной личности.

Ряд исследований социально-психологических предпосылок рецидива акцентируется на вопросах влияния социального окружения на формирование образа «Я» преступника. С практической точки зрения данный предмет исследования является источником важной информации о личности преступника, его антиобщественной направленности и риске преступного поведения. Содержание социальных связей также раскрывает содержание личностных структур, помимо прочего, характеризуя условия и отношения, в которых формируется преступный образ жизни. Поэтому изучение личности подозреваемого, обвиняемого, а затем осужденного и отбывающего наказание в местах лишения свободы предполагает выявление его представлений о себе и системы социальных связей.

Вместе с тем образ «Я» преступника и система его социальных связей с окружающими людьми описываются и изучаются дифференцировано, отношения между ними не прослеживаются. В то же время существующие исследования показывают, что данные образования взаимодействуют друг друга [175]. В этой связи целесообразно рассмотреть их характеристики относительно друг друга, выявить возможную функциональную связь и ее эффект.

Образ «Я» регулирует взаимодействие с окружающими людьми, определяя формально-стилевые характеристики общения и совместной деятельности в зависимости от самоопределения (самокатегоризации). Так, на предкриминальном этапе представление о себе как жертве обстоятельств, профессиональном преступнике, соучастнике или мстителе обосновывает причину преступления, влияет на формирование отношения к этому событию, в том числе преодолению чувства вины. На посткриминальном этапе новообразования и противо-

речия «образа Я» свидетельствуют либо о возвращении к правопослушному образу жизни, либо об усилении криминализации. Его изменения отражаются в самопрезентации окружающим в ходе совместных действий [224]. В этих процессах образ «Я» выполняет функцию модератора социального взаимодействия. Соответственно, вне зависимости от направленности личности (противоправной или правопослушной) новые составляющие самопредставления и самоотношения находят свое выражение во взаимодействии с другими людьми.

Криминальная субкультура играет ключевую роль в формировании и поддержании представления о себе. Она не только предоставляет нормы и ценности, оправдывающие преступное поведение, но и выполняет регулятивную, коммуникативную и координационную функции, облегчая взаимодействие между лицами, разделяющими криминальные убеждения [43]. Как отмечают Н. П. Барабанов с соавторами, криминальная субкультура создает альтернативную систему права, основанную на «понятиях», что подрывает авторитет официальных правовых норм и затрудняет реинтеграцию осужденных в общество [14]. Более того, распространение криминальной субкультуры в молодежной среде, особенно через цифровые платформы, усиливает вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. Однако, даже выполняя роль морального основания взаимодействия криминогенных лиц, криминальная субкультура не влияет на все сферы жизнедеятельности рецидивиста.

Это объясняется неустойчивым характером образа «Я» и самооценки, который изменяется в зависимости от принадлежности собеседника к определенным группам, наличия или отсутствия у него криминального/правопослушного статуса. Так, криминальный образ «Я» релевантен соответствующему сегменту социального окружения (бывшим или нынешним осужденным), где он может демонстрировать высокий уровень контроля и манипулятивного поведения, тогда как социальный образ «Я» присущ социально-нормативным группам, входящим в состав окружения (родственники, члены рабочего коллектива и др.). Самооценка рецидивиста также ситуативна и неустойчива: она может быть высокой в условиях группы, где действуют нормы криминальной субкультуры, и крайне низкой при взаимодействии с «правопослушной группой», статусы в которой опосредованы характером трудоустройства, объемом и качеством социальных связей, финансовой состоятельностью.

В завершении параграфа охарактеризуем психологический механизм формирования самоотношения криминогенной личности. Необходимость обращения к данному аспекту обусловлена задачами психолого-педагогического воздействия на лиц, подвергающихся пробации, в том числе лиц, склонных к рецидиву преступления.

Отсутствие единой теоретической рамки, обобщающей исследования самосознания криминогенной личности и объясняющей психологию участия его дериватов («представления о себе», «самоотношение», «образ Я») в побуждении к рецидиву затрудняет практическую превентивно-профилактическую работу специалистов. В рамках выполненного анализа нами выдвигается предположение о формировании представления личности о собственной криминогенности, которое может выступить основанием для разработки соответствующих программ работы с данной категорией лиц. В качестве методологического основания нами используется модель формирования представления о себе в контексте социального присутствия [49], рассмотренная применительно к криминогенной личности.

Формирование представления криминогенной личности о себе осуществляется в условиях нарушения правовой нормы и подкрепляется за счет присутствия других лиц, способных оценить данный факт. Иными словами, представление личности о собственной криминогенности формируется в условиях девиантной социальной среды, где присутствие значимых других (членов криминальных групп, авторитетов, лиц с противоправным опытом) становится доминирующим источником информации о себе, вытесняя или искажая влияние просоциального окружения.

Согласно концепции У. Джемса, «социальное Я» субъекта формируется через признание, которое он получает от своего окружения [181]. Для криминогенной личности таким окружением становится референтная группа, чьи нормы и ценности, часто противоправные, признаются и интериоризируются. Это подтверждается концепцией «зеркального Я» Ч. Кули, где самооценка складывается через восприятие оценок значимых других [158]. В условиях криминальной субкультуры эти оценки направлены на одобрение агрессии, доминирования, пренебрежения социальными нормами, что формирует позитивное самоотношение к девиантному поведению.

Самоопределение криминогенной личности, понимаемое как представление о своей уникальности и отличии от других, в данном контексте приобретает форму противопоставления себя просоциаль-

ному обществу. Как отмечают Н. R. Markus и S. Kitayama, в разных культурах самоопределение может быть индивидуалистическим или коллективистским [190]. Однако в криминальной среде часто наблюдается парадоксальное сочетание: с одной стороны, подчёркивается индивидуальность через демонстрацию собственной непокорности закону и обществу (индивидуалистический аспект), с другой — самоопределение жестко привязано к групповым нормам и ролям внутри криминальной иерархии (коллективистский аспект). Это согласуется с концепцией М. Brewer о двух базовых социально-психологических потребностях личности: сохранять индивидуальность, оставаясь одиноким, или потерять свою уникальность, стать похожим на других, но принадлежать к группе [151].

Криминогенная личность находит баланс, демонстрируя уникальность в рамках «криминальной» системы норм и ценностей, например, через специфические татуировки, жаргон или «заслуги» в противоправной деятельности. Однако неясное или конфликтное самоопределение, в котором субъект не способен отделить себя либо от правопослушной, либо от правонарушающей части его социального окружения, как показано в работах Р. W. Linville, коррелирует с низкой самооценкой и подверженностью внешнему влиянию [187], что в условиях криминального окружения может только усиливать зависимость от группы и её лидеров.

Еще одним компонентом самоотношения выступает представление о своей компетентности и эффективности в социальном взаимодействии. Согласно А. Bandura, самоэффективность — это убеждённость в способности организовать и выполнить действия для достижения цели [143]. У криминогенной личности оно формируется через успешность в противоправных действиях и подкрепляется опытом успешных преступлений, одобрением соучастников, страхом, который субъект внушает окружающим. V. Gecas подчёркивает, что представление об эффективности своего влияния формируется на основе предыдущего опыта, оценок других и эмоциональных переживаний успеха и неудач [172].

Для криминогенной личности именно криминальная активность становится основным каналом самореализации, поскольку в просоциальных сферах (учёба, работа) она часто терпит неудачи из-за стигматизации или отсутствия поддержки окружения.

Отождествление с социальными ролями у криминогенной личности происходит через интериоризацию ролей, предписанных

криминальной субкультурой. Оценка степени отождествленности, по L. Festinger, происходит в рамках референтной криминальной группы, где успех измеряется в параметрах силы, влияния, материальной выгоды от противоправных действий [170]. Это создаёт тенденцию самоусиления: чем больше успехов в противоправной деятельности, тем выше самооценка и тем сильнее фиксация на самовоплощении себя в криминальной среде.

Согласно S. Stryker, социальное поведение во многом зависит от степени вовлечения (разделения, принятия) в социальные роли [214], а их иерархия в представлении криминогенной личности отражает иерархию правопослушных — правонарушающих ценностей. Для криминогенной личности наиболее значимыми становятся роли «вора», «авторитета», «бойца» и т. п., которые обеспечивают понимание и принятие в криминальном окружении.

Как показала N. Ellemers с коллегами, негативная оценка криминальной общности извне (например, со стороны правоохранительных органов) воспринимается криминогенной личностью как личная угроза, вызывая защитную агрессию и укрепляя идентификацию с группой [169]. Это объясняет, почему изоляция от общества не всегда приводит к раскаянию, а, напротив, усиливает криминальную направленность.

В свою очередь, по L. Smith-Lovin, эмоциональная составляющая роли связывает роль с эмоциональными состояниями, которые субъект испытывает в процессе ее осуществления [212].

В криминальном контексте социальные и групповые роли связаны с эмоциями страха, уважения, азарта, что усиливает их привлекательность и ценность для криминогенной личности. Кроме того, в условиях денидвидуализации, описанной S. D. Reicher и M. Levine, чрезмерное отождествление с группой может приводить к потере индивидуальной ответственности, но при этом удовлетворяет потребность в принадлежности, что снижает чувство вины, подменяя его ощущением причастности к преступной группе [206].

Представление о влиянии значимых других на свои решения и действия для криминогенной личности проявляется только на основе вовлеченности окружающих во взаимодействие с ней. Объяснение этому может быть дано на основе теории привязанности, согласно которой ранние формы соучастия окружающих (например, помощь родителей ребенку) могут быть нарушены, а ребенок не получать соответствующей психологической помощи и поддержки.

Применительно к криминогенной личности это компенсируется поиском лично значимых фигур в криминальной среде [150]. Референтные лица — криминальные авторитеты, члены группировок — становятся необходимыми участниками деятельности, от них ожидают помощи в принятии решения (совета, одобрения), поддержки (в ситуации выбора, ощущения вины). Их влияние на самооценку и принятие решений криминогенных лиц крайне велико, особенно в подростковом возрасте, когда потребность в референтной группе максимальна [179]. Интересно, что для криминогенной личности доверительные отношения в группе криминально-направленных лиц обеспечивают ощущение поддержки и значимости, которые не были получены в семье и иных просоциальных группах. Это подтверждается исследованиями, где недостаток соучастия с просоциально направленными группами коррелирует с переживанием одиночества и депрессии [165].

Таким образом, формирование самоотношения криминогенной личности представляет собой комплексный процесс, где присутствие криминогенных лиц влияет на все компоненты «образа Я», самоотношения и самооценки, трансформируя их по криминогенному типу.

Самоопределение строится на противопоставлении просоциальному миру, самовоплощение — на успехах в противоправной деятельности, отождествление — на криминальных ролях, а соучастие — на влиянии криминального окружения. Это создаёт устойчивую девиантную идентичность, где самооценка и самоуважение напрямую зависят от соответствия нормам криминальной субкультуры.

Противодействие этому процессу требует не только коррекции поведения, но и реконструкции всей системы представлений о себе через изменение социального присутствия — включения в просоциальные группы, формирования новых референтных связей и пересмотра ролевых идентификаций.

В качестве вывода отметим, что детерминация представления криминогенной личности о себе внешними оценками, групповыми нормами и социально-культурными стандартами концентрирует внимание на взаимодействии криминогенной личности с обществом. Раскрытие механизма социальной обусловленности индивидуального представления открывает перспективы для разработки эффективных программ психологической коррекции, направленных на реконструкцию Я-концепции и формирование просоциальной идентичности.

2.3. Психология рецидивной преступности в разные возрастные периоды

В настоящее время рецидивная преступность остается одним из наиболее устойчивых и социально опасных проявлений криминальной активности, выступая индикатором эффективности института пробации, а также мер психолого-педагогической профилактики. Ее анализ осуществляется посредством изучения психологии личности преступника, факторов и условий криминализации и декриминализации. Понимание того, почему субъект возвращается к противоправной деятельности, каковы психологические причины и условия рецидива, невозможно без обращения к специфике различных возрастов.

Анализ статистических сведений о состоянии рецидивных преступлений в целом демонстрирует антиобщественную направленность совершающих их лиц. Об этом говорит то, что более половины повторных преступлений совершаются лицами, не отбывшими наказание за предыдущие преступления, треть преступлений совершается в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, а предметом посягательств выступает чужая собственность, оборот наркотических средств, безопасность движения и эксплуатации транспорта [50]. Все перечисленное показывает, что рецидивная преступность является результатом продолжающейся криминализации мировоззрения криминогенных лиц, на которую не в полной мере влияют институты и субъекты профилактики преступлений.

Однако следует принимать во внимание, что такая тенденция характерна для лиц среднего и старшего возраста, тогда как рецидивная преступность среди несовершеннолетних снижается. Так, например, количество подобных преступлений в 2024 году по сравнению с 2021 уменьшилось на более чем на 15%¹. При этом повторная преступность совершеннолетних лиц возрастает².

С учетом изложенного ясно, что криминальное поведение на протяжении жизни демонстрирует сложную динамику, обусловлен-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года. URL: [https://media.mvd.ru/files /application/2315310](https://media.mvd.ru/files/application/2315310) (дата обращения: 01.04.2024).

² Основные статистические показатели состояния судимости в России // Судебный департамент Верховного Суда Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 01.01.2025).

ную взаимодействием индивидуальных, социальных и ситуационных факторов, которые по-разному проявляются в различные возрастные периоды. В частности, в академической литературе показано, что криминальное поведение сопряжено с аномальным развитием личности, обусловленным нарушением формирования личностных уровней регуляции.

Данное нарушение проявляется в несоответствии проблем развития и ресурсов, используемых для их преодоления. К схожему выводу приходит D. Robson с соавторами, демонстрируя, что низкий уровень саморегуляции в дошкольном возрасте положительно связан с последующими экстернализирующими проблемами, включая агрессивное и криминальное поведение, а в младшем школьном возрасте — отрицательно связан с успеваемостью и положительно — с депрессивными симптомами и употреблением психоактивных веществ в подростковом периоде [207]. Этот дефицит имеет нейробиологическую основу, что подтверждается исследованиями импульсивности, связывающими ее со сбоями в когнитивных функциях, особенно с нарушениями в лобной доле мозга, ответственными за внимание, контроль, рабочую память и преодоление жизненных затруднений.

Криминогенный комплекс черт личности несовершеннолетнего, эмпирически обнаруженный Е. Б. Кирилловой, включает и индивидуально-типологические черты и социальные свойства, по своему генезу относимые к различным этапам развития личности и механизмам регуляции их проявлений [64].

Действительно, исследования, опирающиеся на факторную модель черт личности (HEXACO) [193], показывают, что ядро индивидуально-психологических особенностей, свойственных криминальной личности, составляют низкие показатели по чертам «Согласие» и «Добросовестность», а также низкий уровень показателя «Честность – Смирение» [209]. Изучение влияния данных характеристик на криминальное поведение объясняет устойчивость криминальной направленности лиц в условиях психолого-педагогического воздействия.

Так, M. DeLisi отмечается, что низкая «Добросовестность» проявляется в некомпетентности, бессистемности, непослушании правилам, отсутствии стремления к достижениям, слабой самодисциплине и необдуманности [163]. Низкий уровень выраженности характеристики «Согласие» влечет за собой недоверие (восприятие других как угрозы), неподчинение, эгоизм, коварство, самовозвеличивание и черствость. В совокупности этот профиль создает устойчи-

вую предрасположенность к антисоциальным действиям, поскольку индивид не испытывает внутренних моральных ограничений и не видит ценности в следовании социальным нормам.

Важнейшим механизмом криминализации на этапе подросткового, юношеского возрастов является формирование когнитивных искажений и криминальных стилей мышления [54]. Исследования G. Walters показывают, что их истоки лежат в условиях первичной социализации. Девиантное поведение и установки родителей, трудные ситуации в семье способствуют развитию ригидного, схематичного мышления с узким диапазоном («когнитивной близорукостью»), низкой степенью структурированности и неспособностью выстраивать адекватные социальным условиям стратегии обработки информации [220].

Предложенная А. Bandura с соавторами теория морального отчуждения подчеркивает роль социального окружения в формировании представлений, оправдывающих криминальное поведение, демонстрируя, что под их влиянием усваиваются не только образцы поведения, но и оправдывающие их установки [144].

Наконец, разработанный Е. И. Ильянковой механизм вовлечения несовершеннолетнего в преступление акцентирует внимание на криминогенном значении травматического опыта, полученного на ранних стадиях возрастного развития [60].

Основным объяснением причин рецидива преступлений относится нарушение социализации на разных этапах возрастного развития. Их психологические последствия, в том числе проявление индивидуально-психологических особенностей, побуждающих к правонарушающему поведению, подвергаются изучению у несовершеннолетних правонарушителей (Н.А. Белевич, И.С. Ганишина, М.Л. Мельникова, С.И. Моисеева, А.В. Найденова, Н.В. Федорова и др.).

Криминогенные последствия нарушений социализации связываются с повышенной восприимчивостью к криминальным нормам и ценностям (В.Г. Белов, Е.Н. Кондрат, О.А. Попова, Е.Р. Чернобородов и др.), подверженностью влиянию криминальной субкультуры.

Последствием нарушений социализации, раскрывающие уровень предрасположенности личности к криминальному поведению, выступает криминальная зараженность. В криминальной психологии данное образование представлено и как первичный признак криминогенности, свидетельствующий о риске криминального поведения (по А.Г. Ковалеву) [68], и как вторичный, указывающий на определенный

уровень морально-нравственного развития личности, в определенной ситуации способствующий совершению преступления (по А.М. Рябкову) [104]. По мнению О.В. Шатрова, А.А. Канчуриной криминальная зараженность является разновидностью отношения личности, отображенного в виде точки в системе координат, образованных криминальными – правовыми, моральными – аморальными и нравственными – безнравственными осями (измерениями) [133].

Исследователями показано, что в подростковом и раннем взрослом возрасте преступность часто связана с процессами социализации, влиянием сверстников и низким самоконтролем. Согласно концепции криминального жизненного пути, раннее вовлечение в противоправную деятельность может быть связано с отсутствием прочных связей с институтами социализации — семьей, школой, законопослушным окружением [208].

Рассматривая предложенную Т. Е. Moffit классификацию преступников, следует согласиться с тем, что образ жизни криминогенной личности, вставшей на путь правонарушений с подросткового возраста, обусловлен накоплением ранних дефицитов психического развития. Низкий самоконтроль, импульсивность и негативный личностный профиль приводят к школьной неуспеваемости, отвержению правопослушными сверстниками и кумулятивному накоплению неблагополучия [197]. В этот период негативное значение приобретают эмоциональные реакции на оценки окружающих. Например, концепция криминальной девиации L.W. Sherman [210] акцентирует внимание на предположении о том, что санкции, воспринимаемые как несправедливые и стигматизирующие, могут провоцировать дальнейшее противоправное поведение, особенно у лиц, имеющих высокий уровень социальной дезадаптации и отрицание чувства стыда. Это подтверждается исследованием L. A. Bouffard и N. L. Piquero, где ими было показано, что сочетание восприятия санкции как несправедливой, слабой связи с социальным окружением и отрицания стыда увеличивает вероятность повторного совершения преступления [149].

По мере взросления характер преступности меняется. Для совершеннолетних преступников, особенно вовлеченных в организованную преступность, характерно осознанное и более продолжительное участие в преступлениях. Так, исследование G. M. Campedelli с коллегами на основе анализа криминального опыта членов итальянских мафий выявило пять основных траекторий: с низкой частотой, высокой частотой, ранним началом, умеренной и высокой вовлечен-

ностью [153]. Важно отметить, что многие из этих лиц продолжали активную преступную деятельность далеко за пределы молодости — вплоть до 40–50 лет, несмотря на усилия правоохранительной системы. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что вступление в организованные преступные группы становится негативной точкой поворота, закрепляющей криминальное самоотношение и продлевающей продолжительность периода криминализации. При этом, как показывают E. R. Kleemans и C. J. de Poot, для таких криминогенных лиц характерна высокая частота правонарушений, насильственных преступлений и эскалация тяжести деяний, что подчеркивает роль криминального опыта и криминального окружения [184].

В зрелом и пожилом возрасте на первый план выходят иные мотивы. Согласно данным исследований, раннее вовлечение в преступность усиливает связь с криминальным окружением и снижает шансы на декриминализацию. Вместе с тем с возрастом происходит снижение преступной активности [203]. Это связано с комплексом физиологических изменений и психологических факторов (снижение физических сил, уровня импульсивности, потребности в получении новых и острых ощущений).

Однако для криминогенных лиц с устойчивой криминальной направленностью криминальный образ жизни может по-прежнему оставаться приемлемым. При этом даже для данной категории лиц, как отмечает Ю. М. Антонян, в разные возрастные периоды возможны процессы декриминализации [4]. Они обусловлены социальным влиянием, вовлекающим криминогенную личность в правопослушное социальное функционирование (получение работы, брак, изменение социального окружения посредством переезда). Тем не менее для лиц, вовлеченных в организованную преступность, такие возможности ограничены в силу как внутренних установок, так и внешних факторов (включая стигматизацию и стереотипизацию).

Выводы о возрастной динамике преступности подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к осуществлению probation, а также профилактике рецидива. Обобщая, можно заключить, что для подростков и молодежи ключевыми являются меры, направленные на укрепление социальных связей, развитие эмоциональной компетентности, формирование правосознания и альтернативных законных перспектив [219]. Для зрелых лиц, неоднократно совершавших преступления, важны меры, направленные на разрыв криминальных сетей, реинтеграцию через программы реабилитации

и ресоциализации, а также создание возможностей профессиональной самореализации. При этом необходимо учитывать, что для лиц с высоким уровнем криминализации традиционные меры декриминализации могут быть менее эффективными в силу укоренённости в криминальной субкультуре и наличия устойчивых криминальных связей.

В целом, криминализация и декриминализация личности представляют собой не линейные, а сложные динамические и зачастую нелинейные процессы. Они определяются непрерывным взаимодействием индивидуальных диспозиций (личностные черты, нейрокогнитивные функции, стили мышления) и социального контекста (семейное окружение, группа сверстников, социальные связи, последствия отбывания наказания и наличия судимости) на протяжении всей жизни. С учетом изложенного следует согласиться с А. А. Глуховым в том, что *«...необходимо изучать личность преступника-рецидивиста в совокупности психологических характеристик, которые во взаимодействии с внешними условиями вызывают совершение повторного преступления»* [31].

Ранние личностные и когнитивные дефициты создают уязвимость, которая в условиях неблагоприятной среды реализуется в виде криминального образа жизни. В то же время, даже при сформированной криминальной направленности, готовность к правопослушному образу жизни, поддержка социального окружения, наличие социально-правовой помощи, трудоустройство могут выступать факторами ресоциализации, перевешивая влияние криминального опыта.

Таким образом, эффективная профилактика рецидива требует комплексного подхода, учитывающего как индивидуально-психологические и возрастные особенности рецидивистов, так и социально-психологические условия их жизнедеятельности, социальной, правовой и психологической помощи.

Эффективная профилактика рецидива невозможна без индивидуальной психологической диагностики и психокоррекционной работы, направленной не на формальное «раскаяние», а на трансформацию мотивационной сферы, развитие навыков самоконтроля и легальных стратегий разрешения жизненных трудностей. Как подчеркивают В. Н. Казанцев, Н. А. Тулкинбаев, ключевая задача психосоциальной работы с осужденными — *«помочь осужденному увидеть цель и смысл своей жизни, продемонстрировать, как он ее может изменить, каким образом он может стать успешен, на какие базо-*

вые личностные качества и стратегии поведения ему стоит опираться» [61]. Без решения этих психологических задач меры уголовно-правового воздействия будут продолжать демонстрировать ограниченную эффективность, о чем и свидетельствуют показатели рецидивной преступности в России.

Выводы по второй главе.

Установлено, что когнитивные свойства, характерологические особенности и индивидуальные представления лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, могут препятствовать их успешной адаптации к социальным условиям жизнедеятельности после освобождения. Ими выступают:

- когнитивные искажения в оценке последствий криминального поведения, приводящие к неполному (частичному) осознанию негативных последствий уголовного преследования;
- негативные индивидуально-психологические особенности (повышенной сензитивностью, эмоциональной неуравновешенностью, ригидностью, внушаемостью) а также повышенный уровень личностной незрелости (как интегрального образования, характеризующего регулятивные и ценностно-смысловые основания взаимодействия криминогенных лиц);
- субъективные представления о допустимости криминального поведения и признание криминального образа жизни как альтернативны право- послушному поведению.

Полученные в ходе исследования результаты показывают, что предпосылками трудностей в социальной адаптации выступают индивидуально-психологические особенности, относимые к когнитивным способностям, в том числе и рефлексии, а также комплекс характерологических проявлений, объединяющий индивидуально-типологические свойства (черты), личностные качества и межличностные особенности.

Установлена роль самоотношения и самоидентификации в реинтеграции лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Показано, что самоотношение данной категории лиц, во-первых, подвержено искажениями и изменяется вследствие негативного влияния социального окружения, во-вторых, подвержено трансформации вследствие социальной стигматизации и механизмов психологической защиты, стремящейся снизить чувство вины, обеспечить самооправдание за совершение правонарушения (преступления).

Показано, что криминализация и декриминализация личности представляют собой сложные, нелинейные процессы, определяемые постоянным взаимодействием индивидуально-психологических особенностей и социального контекста на протяжении всего жизненного пути.

Психологические причины и условия рецидива имеют выраженную возрастную динамику. Так, в подростковом и юношеском возрасте рецидив связан с нарушениями ранней социализации, дефицитами саморегуляции и нейрокогнитивного развития (импульсивность, низкий самоконтроль), формированием когнитивных искажений. Ранние личностные дефициты в неблагоприятных условиях приводят к криминализации, а последующее криминальное окружение закрепляет и усиливает криминальную направленность. Ключевую роль играет влияние девиантной группы сверстников и криминальной субкультуры. В зрелом возрасте у лиц с устойчивой криминальной направленностью рецидив обусловлен глубоко усвоенным криминальным самоотношением, интеграцией в криминальное взаимодействие. Традиционные факторы декриминализации (брак, трудоустройство) для них часто теряют эффективность.

В целом можно заключить, что рецидивная преступность является результатом устойчивого симбиоза специфически организованной личности и социальной среды. Устойчивость рецидива обеспечивается совокупностью представлений о себе, выполняющих защитную и регулятивную функции при совершении преступления, и подкрепляется возрастно-специфическими психологическими механизмами взаимодействия с окружением.

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕВЕНЦИИ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОБАЦИЯ

3.1. Концептуальные основания превентивной психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел

Одним из наиболее перспективных развивающихся направлений в юридической психологии является превентивная психология — направление, в рамках которого изучается природа и механизмы отклоняющегося поведения с позиции междисциплинарного и системного подходов, а также предлагаются научно обоснованные рекомендации по коррекционно-реабилитационной работе и психологическому предупреждению, диагностике и коррекции отклоняющегося поведения.

В отечественной психологии в качестве объекта исследований превентивных психологов выступают преимущественно социально-дезадаптивные дети и подростки (иначе — «трудновоспитуемые», «педагогически запущенные»), чьё отклоняющееся поведение носит формы агрессивного, корыстного или социально пассивного саморазрушающегося характера. По мнению С. А. Беличевой и других специалистов в области превентивной психологии, взрослые не являются объектом превентивной психологии, так как выступают в качестве таковых в правовой и криминальной психологии [18]. Правда, на наш взгляд, согласиться с такой слишком радикальной позицией не представляется возможным. Поскольку в криминальной психологии личность рассматривается исключительно как субъект преступления.

Понимание превенции с точки зрения первоначальной этимологии (превенция от позднелат. *praeventio* — опережаю, предупреждаю) предполагает акцентирование внимания не только и не столько на ее предупредительном потенциале, сколько на представлении о любом опережающем правовом, педагогическом, психологическом и ином воздействии. При этом в рамках превенции в одинаковой степени предполагается перспективное моделирование ситуаций как противоправного, так и правомерного характера. В такой широкой трактовке

функциональной направленности институт психологии юридической превенции существенным образом расширяется и охватывает как отрасли права, так и другие системы регулирования общественных отношений в сфере безопасности.

Требуется прояснения и сам смысл превенции, так как содержание превентивных мер непосредственно связано с динамикой Я-личности во времени и пространстве. Если превенция — это опережающее воздействие на личность в настоящем времени для того, чтобы как можно раньше предупредить совершение ею в будущем возможной ошибки (в «мыслях», «намерениях», «целях», «чувствах», «установках», «поступках»), то какими способами можно всё это прогнозировать? Далее, насколько коррелирует «опережающее воздействие» с возрастом и полом человека [117], с уровнем его собственной идентичности и подлинностью существования согласно модели самовосприятия во времени и пространстве? Ведь человек верит, что он в будущей версии собственного «Я» будет более совершенными, чем его нынешнее «Я», не смотря на то, что это нынешнее «я» кажется более подлинным, чем «Я» из прошлого.

Возникает вопрос о том, на какую временную перспективу рассчитывается «опережающее воздействие»? Не впадаем ли мы в ловушку собственных представлений о будущем человека? Учитывая при этом, что будущее уже присутствует здесь и сейчас в повседневных действиях человека, «в ментальной матрице личности». Другими словами, для того чтобы система превентивных воздействий достигала своих целей, она должна содержать в себе не только знание закономерностей природы девиантного и криминального поведения, но и модель развития человека, четкие ориентиры его непрерывного движения вперед с тем, чтобы быть адекватной будущей версии его более совершенного «Я» [72].

Правоохранительные органы, осуществляя правоприменительную деятельность в рамках презумпции правомерного сознания и поведения субъектов регулятивных правоотношений, направляют свои усилия на обеспечение стабильности сложившегося правопорядка и его позитивную коррекцию. В свою очередь, когда действия правоохранительных органов направляются на недопущение совершения противоправных поступков и противодействие фактическим правонарушениям, то безусловным приоритетом обладает презумпция «потенциальной виновности» субъектов охранительных правоотношений, воспринимаемых правоприменителями в качестве потенциальных

(фактических) правонарушителей. При этом потенциал психологической науки в юридической превенции в равной степени может быть задействован как в сфере регулятивного, так и в сфере охранительного воздействия на субъектов права.

В отечественных научных традициях к отклоняющимся видам поведения обычно относят как преступное (делинквентное), так и непротивоправное (уголовно не наказуемое) аморальное поведение (например, систематическое пьянство, стяжательство, сексуальные и другие формы асоциальной распущенности), а также различного рода аддикции. В сфере правоохранительной деятельности выделение видов девиантного поведения является достаточно условным, так как игнорирование норм служебной этики довольно часто перерастает в правонарушение или преступление.

В настоящее время многочисленные вопросы правоохранительной практики напрямую связаны с определением места психологии в оптимизации процесса выбора средств превентивного воздействия по следующим основным направлениям:

- определение эффективности антикоррупционной экспертизы законодательных актов и вероятностная оценка коррупционных рисков в деятельности государственных служащих;
- обоснование целесообразности ужесточения, либо, напротив, либерализации применения норм права в деятельности различных государственных и общественных институтов;
- прогнозирование наиболее вероятных коллизий и конфликтов в области трудовых и социальных отношений с предложением наиболее действенных средств их оптимизации.

Эти и многие другие направления правоприменительной деятельности основаны на использовании как правовых, так и психологических средств превентивного воздействия, что позволяет говорить об усилении практической значимости института психолого-юридической превенции и подчеркивает необходимость его всестороннего изучения [115].

Прежде всего требуют уточнения границы понятия «психологическая превенция», так как его научный статус еще до конца не устоялся. В последнее время под предлогом комплексного или междисциплинарного характера функций и объектов превентивного воздействия предмет психологической превенции расширяет свои границы. Очевидно, что расширение объема правовых норм в психологической превенции вполне обоснованно, так как они призваны поддерживать в ней

определенный порядок, организовывать ее. Тогда как психология реализует свою основную функцию — систематизация знаний о психике человека, его ментальной структуры и побудительных механизмов поведения, придавая правовым воздействиям адресный характер.

Границы «психологической превенции» — это вопрос наличия или отсутствия четких критериев для установления меры превентивного воздействия по отношению к некоторым видам преступлений, правонарушениям и девиантным видам поведения. Например, меры психологического воздействия на рецидивистов значительно усложнились в связи с отменой прогрессивной шкалы наказаний и субъективным характером оценки разновидностей рецидива преступлений — простой, опасный и особо опасный. Во многом по этой причине обострилась проблема превенции рецидивной преступности и возникла необходимость модернизации всей существующей системы мер противодействия ее опасным посягательствам.

Для того чтобы понять и осуществить прогноз поведения лиц, которые по новому законодательству были осуждены к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, потребовались знания и технологии юридической психологии [56]. Точно так же значительный рост преступлений в киберпространстве заставил правоохранительные органы спешно разрабатывать комплекс мер по эффективной превенции данного вида посягательств.

В зависимости от того, на какой социальный объект направляются меры психологической превенции, можно трактовать ее в широком и узком смысле слова. В широком — это все институты гражданского общества, прежде всего семья, органы просвещения и образования. Превентивные меры делятся на три типа: первичные, вторичные и третичные.

Первичная превенция преимущественно направлена на сохранение и развитие условий, способствующих здоровью, сохранению жизни детей, предупреждению негативного воздействия. Она является массовой и наиболее эффективной.

Вторичная превенция направлена на предупреждение различных форм асоциального поведения, под которым понимается форма дезорганизации индивида в группе лиц или в обществе, где обнаруживается несоответствие ожиданиям, сложившихся в обществе, его нравственным требованиям. Выделяют следующие типы асоциального поведения личности:

- конфликтно-ситуативный — с преобладанием положительной направленности;
- ситуативный — с незначительной отрицательной направленностью;
- неустойчивый — с преимущественно отрицательной направленностью;
- устойчивый — с отрицательной направленностью.

Основной задачей вторичной превенции является недопущение трансформации отрицательной направленности в правонарушающие и криминальные формы поведения, что выступает объектом уже третичной превенции в узком смысле слова.

Психологическая превенция в узком смысле — это приоритетные направления деятельности правоохранительных органов, среди них — недопущение совершения противоправных поступков и противодействие фактическим правонарушениям.

Объектами пристального внимания органов внутренних дел являются потенциальные правонарушители и бывшие преступники, освободившиеся из мест отбывания наказания, а также активные члены экстремистских, террористических и организованных преступных групп. Под число лиц, относящихся к объекту профилактического воздействия, подпадают и лица, совершившие правонарушения, связанные с наркотиками, и лица, осужденные условно за преступления в исследуемой сфере. Также в структуре органов внутренних дел имеется подразделение, сотрудники которого специально занимаются профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних. Рост правонарушений и преступлений, как правило, свидетельствует о низкой эффективности, в том числе и превентивной деятельности подразделений и служб органов внутренних дел, а потому сотрудников критикуют и наказывают, снижается рейтинг доверия полиции.

В содержание деятельности некоторых служб и подразделений кроме стандартных критериев оценки качества деятельности указывается и такой критерий, как «предупреждение преступлений» [78]. При этом психологическая превенция не существует отдельно от правовой, педагогической и иных видов превенции [66]. А потому встраивается в контекст профессиональной деятельности органов полиции, когда каждый успешный случай борьбы с преступностью является предупредительным сигналом для потенциального правонарушителя и одновременно укрепляет мотивы правопослушного поведения лояльных граждан.

Превентивная психология совместно с превентивной педагогикой в органах внутренних дел осуществляет меры превентивного воспитания и обучения, психологической коррекции и поддержки сотрудников, находящиеся в неблагоприятных условиях жизнедеятельности. При этом превентивная психология аккумулируют идеи, принципы и методы не только друг друга, но также социологии, права, медицины, управления и информационных технологий. Границы психологической превенции проходят там, где возникает необходимость в быстром купировании случаев проявления тяжелых психических состояний в форме депрессии, обострения психопатических тенденций в поведении личности сотрудника, импульсивности и агрессии, грубости и лжи, наркомании и алкоголизма. Система психологической превенции направлена на то, чтобы не допустить дезорганизации индивида в группе и его дальнейшего «скатывания» к криминальной форме поведения.

Превенция ситуаций как противоправного, так и правомерного характера позволяет контролировать целый ряд негативных тенденций в обществе и правоохранительных органах, бороться с их причинами, а не тратить значительные ресурсы на восстановление нарушенных прав и интересов.

Система превентивной психологии — это организованная и целеустремленная деятельность, направленная на укрепление и развитие правопослушного, находящегося в рамках юридической этики поведения, а также предупреждение и преодоление отклонений в поведении личности, ее асоциального, неморального поведения, а именно:

- правонарушений (немотивированная агрессия и жестокость, превышение служебных полномочий, укрывательство преступлений, искажение служебной информации и других действий, приводящих к нарушениям закона);
- культивирование нездорового образа жизни в виде вредных привычек (алкоголизм, наркомания, табакокурение, токсикомания); половых нарушений и их последствий (половой разврат, венерические болезни и СПИД, половое насилие);
- тяжелых психических состояний с последствиями (депрессия, импульсивность, агрессивность, обострение психопатических тенденций).

Выполнение практических задач в системе органов внутренних дел основывается на конкретной теоретической базе. В связи с расширением предмета изучения юридической психологии и присоеди-

нения к ней психологии безопасности стало больше научных исследований по данной предметной области. В частности, особую актуальность приобретают проблемные вопросы безопасности личности в сфере правоохранительной деятельности. Так, исследуются проблемы психологии личности и деятельности в чрезвычайных и экстремальных ситуациях, а в данном контексте формирование и развитие личности в опасных профессиях, глобальные проблемы терроризма и экстремизма, проблемы суицидов.

Однако среди многих важнейших задач в сфере указанной проблематики высокую актуальность имела ранее и не утратила по настоящее время проблема превенции преступного поведения. Объектом превенции служат как несовершеннолетние, так и взрослые правонарушители.

В энциклопедическом словаре указано, что понятие «превенция» происходит от латинского слова *praeventio* — опережаю, предупреждаю. Существуют различные понимания «психологической превенции», продиктованные в большей степени спецификой профилактических мероприятий в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Психологическая превенция в системе органов внутренних дел представляет собой реализацию мер психологического воздействия на личность с целью недопущения совершения ею возможных противоправных действий. Речь идет об осуществлении опережающего психологического воздействия по отношению преступлениям, правонарушениям и девиантным формам поведения.

В современной превентивной психологии выделяют также следующие функции:

- диагностическая — выявление причин и факторов отклонений в поведении;
- реабилитирующая — направленная на преодоление негативных проявлений в поведении;
- координационная — объединение усилий всех воспитательных институтов (семьи, школы, общественности, средств массовой коммуникации);
- корректирующая и прогностическая — исправление существующих проблем и предвидение будущих возможных негативных явлений в поведении.

Очевидно, что обеспечение эффективного функционирования правовой системы государства неизбежно требует системного мони-

торинга ее состояния и мер своевременного реагирования, в том числе и превентивного характера.

Современная охранно-защитная концепция профилактики предполагает переход от административно-карательных мер к всесторонней медико-психологической, психолого-педагогической и социально-правовой помощи и поддержке сотрудников и их семей, различных социальных групп населения, в том числе детей группы социального риска, подростков с отклонениями в психическом и социальном развитии. Весь этот широкий и во многом новый фронт решаемых в превентивной практике задач не может быть развернут без должного психологического обеспечения, а потому требует интенсивного развития прикладной отрасли юридической психологии — превентивной психологии.

Задача превентивной психологии — вооружить широкий круг практических работников (практических психологов, воспитателей, сотрудников отделов по профилактике правонарушений несовершеннолетних) психологическим знанием для предупреждения, диагностики и коррекции как противоправного, так и правомерного характера поведения несовершеннолетних, а также взрослых правонарушителей.

Превентивная психология предлагает методы предупреждения, диагностики и коррекции противоправного поведения несовершеннолетних. В России значительное внимание уделяется подготовке специалистов практической работе с детьми и подростками, отличающимися девиантным поведением; психологизации воспитательно-профилактической деятельности; признание роли медико-психологической помощи в коррекции и реабилитации [57].

Формирование сознания несовершеннолетнего происходит в ситуации трансформации общепринятых ценностей, осложнения социально-экономических и политических условий общественного развития, в результате чего наступает отстранение от следования общепринятым институтам общества (семья, школа и т. д.), что обуславливает расширение границ воздействия негативных явлений на развивающуюся личность.

Отечественные и зарубежные исследователи едины во мнении, что преступность несовершеннолетних обусловлена взаимодействием внешних (кризис родительской семьи, социальное неравенство, социально-педагогическая некомпетентность взрослых, лояльность системы правосудия, несовершенство системы профилактики и др.)

и внутренних (соматических, психофизиологических, психологических и социально-психологических) факторов [29].

Источником всех отклонений в поведении несовершеннолетних, таких как безнадзорность, правонарушения, употребление психоактивных веществ, является социальная дезадаптация. Согласно теории социального контроля именно социальные связи ограничивают импульсивные и девиантные побуждения.

Привязанность к родителям, стабильность семьи и привязанность к школе являются одними из этих социальных связей. Когда привязанность человека к этим социальным субъектам распадается, высок риск формирования различного рода отклонений (от семейных, социальных, институциональных, организационных или уставных правил и норм). Для того чтобы определиться с конкретной помощью (набором услуг) несовершеннолетнему, необходимо выявить проблемы его самого и его окружении, приведшие к социальной дезадаптации.

Системным основанием превентивной психологии является психологическая помощь, которая имеет два ведущих направления — психологическая превенция (предупреждение, психопрофилактика) и психологическая интервенция (преодоление, коррекция, реабилитация). Традиционно большинство психологов правоохранительных органов в процессе оказания помощи сотруднику предпочитают обращаться к ресурсам психологического консультирования. Это первичный вид психологической помощи, ориентированный на психическую норму, тогда как психологическая коррекция рассматривается как второй, более высокий уровень, направленный на исправление или компенсацию нарушений в структуре личности, а психотерапия представляется еще более сложным уровнем психологической помощи, так как она ориентирована на глубинную работу по трансформации личности. С позиций психологического консультирования превентивная деятельность — это упреждающая помощь, предотвращающая развитие нежелательных осложнений. Цель психологического консультирования — культурно-продуктивная личность, обладающая чувством перспективы, действующая осознанно, способная разрабатывать различные стратегии поведения и способная анализировать ситуацию с различных точек зрения [136].

Особенно востребован потенциал превентивной психологии в экстремальных условиях деятельности. Когда требуется психологическое обеспечение надежности деятельности за счет актуализации ресурсов устойчивости (совладания), сохранения активности челове-

ка для реализации желаемых параметров жизнедеятельности на протяжении определенного отрезка времени [25].

Система психологической превенции как составная часть общего психолого-педагогического потенциала подразделений и служб оказывает влияние на смысло-жизненные ориентации, позитивное самоотношение, духовные и профессиональные ценности, отношение к трудностям и превратностям жизни, на жизнестойкость, на обеспечение процесса реализации «предел-опыта» субъекта правоохранительной деятельности.

Сегодня приходится считаться с тем, что превентивные меры направляются в основном на сохранение и развитие положительного характера активности личности в условиях негативного информационно-психологического давления и манипуляции [2]. В эпоху, когда «возможно все», под формальным лозунгом модернизации и отказа от всего старого, традиционного разрушаются исторические ценности, нарушается преемственность развития общества и личности, в молодежную среду активно продвигаются модели «клипового» мышления. В этой связи человек нуждается в особом критическом мышлении, способности оценивать и сравнивать явления в историческом контексте «вечных ценностей». Однако таких людей — исключительных, сумевших, несмотря на информационно-технологическое давление, сохранить способность к «длинной мысли» [86] не только в пространстве, но и во времени, не так уж и много.

Таким образом, превентивная психология как отрасль юридической психологии имеет тенденцию к охвату общих и специфических областей проявления человеческой психики. Вместе с усложнением правоохранительной деятельности и эволюцией научных достижений происходит трансформация различных составляющих превентивной психологии, изменяется ее роль в системе психологического обеспечения органов внутренних дел. Она все больше приобретает признаки полифункциональности, а ее связи с антропоцентризмом, характерным для современной научной парадигмы, превращает превентивную психологию в интердискурсивное образование, в пространство междисциплинарных исследований, поскольку научной интерпретации подвергается целый спектр проблем, волнующих все общество.

Вместе с тем в современной психологии уже сложилась достаточно устойчивая тенденция рассмотрения проблем отклоняющего поведения в контексте предмета девиантологии. Во многом по этой

причине в юридической психологии недостаточное внимание уделяется развитию собственной идеологии превентивной функции, дискуссионными остаются вопросы о ее категориях и базовых теориях как прикладной отрасли, структуре и способах осуществления превентивной функции.

Зависимость современного человека от информации, перемещение его общественного «бытия» в виртуальную реальность, где консолидируются различные институциональные дискурсы от экономического до правового, требует от субъектов правоохранительной деятельности переосмысления сложившегося положения дел. Верное разрешение указанных теоретических проблем будет способствовать повышению эффективности профилактической деятельности органов внутренних дел [63].

3.2. Проектирование правопослушного поведения постпенитенциарной личности

Проективная (или проектная) деятельность относится к разряду инновационной, творческой деятельности, предполагает преобразование и конструирование реальности, строится на базе соответствующей технологии, которую можно унифицировать, освоить и усовершенствовать.

Проектирование разделяется в зависимости от характера объекта, целей и способа проектирования. Так, согласно природе объекта проектирование может быть:

- социальным (создание моделей общественных отношений, социальных институтов, новых форм социального устройства и общественной жизни, разработка систем управления, законов и т. д.);
- психолого-педагогическим (создание моделей и образов идеального человека в рамках этических и педагогических систем, самопроектирование личностью своего развития).

По способу проектирования выделяются аналитические, проективные, технологические методы. Кроме того, в зависимости от способа проектирования выделяют:

- философско-теоретическое проектирование — конструирование моделей мира и человека на основе рационального мышления;
- духовно-ценностное проектирование — создание в рамках религиозно-этических систем идеала, воплощающего представление конкретной культуры о человеческом совершенстве [85].

Комбинация различных способов проектирования в соотношении с теми или иными составляющими природу объекта и сферу его функционирования дает нам множество вариантов проектной деятельности в виде специализированных технологий.

Особое место в системе специализированных технологий занимает социально-культурное проектирование, которое представляет собой мировоззренческую и идейно-технологическую основу целого ряда профессий социально-культурной, социально-педагогической и культурологической направленности. Каждая из этих профессий имеет свой предмет, цели, задачи и специфические средства их решения, но в своей сущности представляет собой разновидность проектной деятельности — ее исходным результатом должен стать проект, предназначенный для практической реализации [84].

Деятельность сотрудников службы пробации во многом тождественной проектной деятельности, целью которой является коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация и создание условий для построения новой реальности, нового образа жизни лицам, в отношении которых применяется пробация¹.

Проектирование правопослушного поведения постпенитенциарной личности предполагает оценку вероятности совершения рецидивов. Это обусловлено рядом обстоятельств. Люди, освобожденные из мест лишения свободы, имеют более высокий риск повторного правонарушения. Обычно от трети до половины из них совершают повторные преступления в течение двух лет. Поэтому прогностическая функция в превентивной психологии ориентирована на выявление сохранных форм девиантного поведения личности именно на срок до двух лет. Использование прогнозирования необходимо для эффективного осуществления профилактической работы в системе органов внутренних дел.

Используя прогностические оценки и выводы, можно предупредить возможное рецидивное поведение личности в качестве объекта профилактики. Для прогнозирования способов социального (в т. ч. противоправного) поведения личности надо иметь в виду уровень ее индивидуализированности, оценивать то, что делает её не похожей на других в силу ее специфического опыта пребывания в местах лишения

¹Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

свободы, а также оценивать ее способность включаться в отношения в качестве общественного субъекта [67]. Прогнозирование при этом обеспечивает надежность реализации проекта, его успешность во времени и условиях.

Психологическое прогнозирование в системе органов внутренних дел реализуется, исходя из природы объекта наблюдения и воздействия. Профилактической деятельностью в той или иной степени занимаются различные подразделения органов внутренних дел.

В большей степени данное направление деятельности реализуется в подразделениях по делам несовершеннолетних и в работе участковых уполномоченных сотрудников полиции. При этом сложность профилактической работы заключается в необходимости выбора оптимальных средств психологического воздействия в зависимости от категории лиц, состоящих на профилактическом учете. Это могут быть:

- мероприятия по предотвращению повторных преступлений лицами, состоящими под административным надзором, а также лицами, условно осужденными, направленные на выявление уровня риска совершения повторных правонарушений и коррекцию криминальных установок;

- работа с несовершеннолетними правонарушителями по коррекции смысловых ориентаций и регуляции поведения;

- профилактическая работа с лицами, страдающими алкогольной и наркотической зависимостью, а также коррекция их мыслей, чувств и модели поведения. Среди различных психотехнологий профилактики и оказания психологической помощи вследствие доказанной десятилетиями эффективности наибольшую популярность приобрела когнитивно-поведенческая терапия [178].

Инструменты оценки рисков повторных преступлений разрабатываются с учетом особенностей лиц, в отношении которых осуществляется пробация риска рецидива. Качественный уровень процесса прогнозирования рисков повторных преступлений неоднократно осужденных во многом зависит от результатов диагностики комплекса следующих факторов: образование, трудоустройство, различного рода зависимости. Интегральным криминогенным фактором является образ жизни постпенитенциарной личности. При этом для того, чтобы поменять модус образа жизни такой личности необходимо учитывать уровень ее сензитивности к воздействиям со стороны ре-

цидивистов и преступников, устойчивость намерения встать на путь ресоциализации [180].

Исследование криминогенных факторов риска, проведенное Dadashazar N. на основе методики оценки повторных правонарушений LSI-R между взрослыми мужчинами-рецидивистами по сравнению с осужденными, однократно совершающими преступления, позволило выявить значимые различия по категориям рецидивизма низкого риска, рецидивизма умеренного риска и рецидивизма высокого риска. Согласно полученным результатам, группа рецидивистов имела более высокие баллы по LSI-R [161]: по субшкалам (факторам риска) образования и занятости, финансов, семейных отношений, наличия жилья, социального окружения и проблем с алкоголем/наркотиками. То есть, согласно данным исследования, эти факторы риска у неоднократно осужденных более выражены.

В настоящее время в нашей стране обостряется проблема рецидивной преступности в связи с отсутствием однозначных, четких критериев оценки различных по своему социально-психологическому статусу субъектов пробации. Это обусловлено, в том числе, недостаточным уровнем развития в структуре пробации практики системного прогнозирования рецидивной преступности. Очевидно, что прогнозирование риска рецидива лиц, в отношении которых осуществляется пробация, должно осуществляться с опорой на научные модели прогнозирования, с применением надежных инструментов моделирования и оценки повторных правонарушений, созданных с учетом мониторинга компетентными сотрудниками уровня и тенденций современной преступности. Это обуславливает уверенность в достижении достоверности прогноза.

Таким образом, можно сделать вывод, что для повышения надежности оценки риска повторных правонарушений необходимо профессиональное использование сотрудниками современных клинических, математико-статистических инструментов. При этом для получения комплексной оценки осужденного с учетом его индивидуально-психологических особенностей необходимо обязательное участие психолога.

Для наиболее полной оценки риска рецидивной преступности целесообразно воспользоваться зарубежным опытом.

Прогнозирование риска повторных правонарушений активно применяется в современной социальной практике. В службе пробации оценка риска повторных правонарушений происходит на этапах

досудебного исследования личности в целях определения вида и тяжести наказания и послесудебного исследования личности осужденного для прогнозирования его последующего поведения.

Исследования показывают, что профессионалы службы пробации способны отличать правонарушителей высокого риска от тех, кто представляет риск незначительный. Они делают это, опираясь на свои собственные личные впечатления [200].

Однако исследователи (Н. J. Steadman, J. Monahan, P. Robbins) утверждают, что этот вид профессионального (или клинического) суждения ограничен опытом лица, принимающего решения, и может приводить ко множеству неточностей в виде ненадежных оценок, явившихся основой дискреционных (интуитивных) решений, отражающих предубеждения и стереотипы лиц, дающих оценку [213].

Инструменты оценки рисков повторных преступлений разрабатываются с учетом особенностей лиц, в отношении которых осуществляется пробация и риска рецидива. Стандартизированные инструменты разрабатываются с учетом оценки риска и криминогенных потребностей осужденного [205]. Данные методики ориентированы на последующее проведение профилактических и реабилитационных мероприятий (консультационных программ) среди осужденных, направленные на эффективный прогноз предупреждения рецидивной преступности, психолого-профилактические мероприятия в зависимости от уровня риска повторных правонарушений.

Для оценки долгосрочного рецидива учитываются потенциальные, статические факторы риска (такие как возраст первого правонарушения и предшествующее уголовное преступление). Однако оценка изменения уровня риска правонарушителей требует также учета динамических (изменчивых) факторов риска. Возникает вопрос о поиске наиболее полезных динамических факторов риска, которые поддаются преднамеренному вмешательству, например, злоупотребление психоактивными веществами, безработица.

В настоящее время обостряется проблема рецидивной преступности в нашей стране, отсутствуют ясные представления о субъектах пробации. Это обусловлено недостаточным опытом прогнозирования рецидивов преступлений. Прогнозирование риска рецидива лиц, в отношении которых осуществляется пробация, должно осуществляться с опорой на теоретические модели прогнозирования, с применением надежных инструментов оценки повторных правонарушений, созданных с учетом современных реалий с целью достижения досто-

верности прогноза. Кроме того, применение указанных методов также возможно при условии высокой компетентности сотрудника, осуществляющего данный прогноз.

Психологи в службе пробации приобретают опыт использования таких инструментов оценки последних поколений, как Level of Service Inventory – Revised (LSI - R) — (Andrews, Bonta, 1995), «Руководство по оценке риска насилия» (VRAG), (Harris, Rice, a. Quinsey, 1993), «Шкалу HCR – 20» (Webster, Douglas, Eaves, a. Hart, 1997), Psychopathy Checklist - Revised (PCL-R) – Пересмотренный перечень психопатических черт, разработанный R.D. Hare (1991) «Профили управления осужденными в исправительных учреждениях для применения альтернативных мер наказания» (COMPAS) (Brennan, Oliver, 2000).

Указанные методики и шкалы оценки риска противоправного поведения имеют свое практическое значение, являются наиболее валидными и надежными и пересматриваются с учетом современных реалий.

Одним из основных понятий, появившихся в результате исследований канадских специалистов, является понятие динамических факторов риска (Andrews, Bonta, Hoge, 1990). Под ними подразумеваются факторы, которые меняются с течением времени и по-разному проявляются в различных ситуациях. Изменение установок, ценностей, убеждений — гораздо более реалистичная цель коррекционной работы, чем просто идентификация статических предпосылок криминального поведения [15].

Динамические факторы риска подразделяются на стабильные динамические и острые динамические. Стабильные динамические факторы подвержены долгим изменениям со временем, тогда как острые факторы изменяются быстро и связаны с такими явлениями, как алкогольное или наркотическое опьянение или колебания настроения.

На сегодняшний день актуальной задачей в области осуществления профилактической работы является индивидуальный прогноз совершения повторных правонарушений несовершеннолетними правонарушителями. Более достоверный прогноз осуществляется посредством инструментов оценки риска повторных правонарушений. Оценка риска повторных правонарушений необходима для построения адекватных программ вмешательства для несовершеннолетних в соответствии с прогнозируемой склонностью совершения повторных правонарушений.

Учет основных факторов риска, на которых можно сосредоточиться, позволяет сотрудникам служб пробации зарубежных стран добиваться наилучших результатов в работе со своими делами, работая над изменением преступного поведения и, в конечном итоге, повышая безопасность общества. В настоящее время накоплен более чем 100-летний опыт работы с оценкой повторных правонарушений. Ведущие инструменты оценки рисков/потребностей сосредоточены на индивидуальном интервью сотрудника с клиентом. Хотя самоотчет правонарушителей является основой оценки криминального риска/потребностей, собеседование не должно быть единственным источником информации для оценки.

Эндрюс и Бонта утверждают, что «есть два основных эмпирических способа проверки (методики) адекватности теоретического понимания преступного поведения [0]. Один из них связан со способностью точно предсказывать вариации преступного поведения. Второй включает в себя возможность влиять на преступную деятельность путем преднамеренного вмешательства. Таким образом, разработка теории преступления позволяет одновременно:

а) понять, как личность и преступность взаимосвязаны (что затем может быть включено в оценку риска вероятности его повторного возникновения);

б) определить конкретные коррекционные мероприятия.

Прогноз безопасности личности и общества предполагает использование методов диагностики и коррекции противоправного поведения. Для диагностики криминальной направленности и криминальных установок в зарубежной криминальной психологии разработан и активно применяется в социальной практике работы с правонарушителями инструментарий, позволяющий оценить риск повторных правонарушений. Одной из эффективных практик за рубежом служит модель «*Риска — Потребности — Ответственности*», включающая в себя оценку риска совершения повторных правонарушений, или риска девиантного поведения [194].

Принцип риска эффективного вмешательства основан на определении вероятности того, что постпенитенциарный субъект совершит повторное преступление. Он также определяет уровень риска тех правонарушителей, которые являются наиболее подходящими целями стратегии рецидивизма или снижения риска. Имеется в виду степени и характер тяжести совершения рецидивов. Правонарушитель может иметь высокий риск повторного совершения преступления, но не обя-

зательно совершить насильственное или серьезное преступление, или же низкий риск, но все же вероятность совершения нарушений в рамках испытательного срока или условно-досрочного освобождения существует. Эффективные программы снижения рецидивизма ориентированы на правонарушителей средней и высокой степени риска, то есть на тех, кто с большей вероятностью совершает повторные преступления [221].

Warren R. K. отмечает, что участие в данных программах правонарушителей с низким уровнем риска является пустой тратой исправительных ресурсов, поскольку, по определению, правонарушители с низким уровнем риска потенциально не должны совершать повторное преступление. Предоставление большего количества услуг, чем необходимо, правонарушителям с низким уровнем риска истощает ресурсы, которые следует направить на правонарушителей более высокого уровня риска. Более того, исследование показало, что размещение правонарушителей с низким уровнем риска в более структурированных и интенсивных программах вместе с правонарушителями с более высоким риском на самом деле увеличивает риск повторного совершения правонарушителями с низким уровнем риска. Преступники с низким уровнем риска редко влияют на поведение преступников с более высоким риском. Напротив, преступники из группы более высокого риска влияют на преступников из группы низкого риска, бросая вызов их просоциальному мышлению, знакомя их с антисоциальными сверстниками и используя манипуляции и тактику применения силы. Кроме того, участие правонарушителей с низким уровнем риска подрывает такие просоциальные факторы, как занятость, семейные связи и позитивные отношения со сверстниками, которые в первую очередь делают правонарушителей с низким уровнем риска.

Данные обстоятельства нацеливают на проектирование программы ресоциализации, учитывающей в большей степени контроль социальных связей и оказание консультационной помощи постпениденциарной личности правонарушителей с низким уровнем риска, при этом необходимость в более серьезном коррекционном воздействии отсутствует.

Принцип риска также определяет уровень услуг, которые должны получать правонарушители. Более интенсивные программы лечения и вмешательства должны реализовываться в отношении правонарушителей из группы повышенного риска, а также более широкое использование социального контроля за поведением правонарушителей,

таких как более интенсивное проведение коррекционных мероприятий во время испытательного срока, центры дневного отчета, тесты на наркотики, частые контакты с сотрудниками службы пробации, домашнее содержание под стражей и электронный мониторинг [156].

Преступников высокого риска следует отличать от преступников крайне высокого риска или преступников самого высокого риска, которые глубоко вовлечены в криминальную субкультуру. R. Warren К. отмечает, что преступники с крайней степенью высокого риска, как правило, не реагируют на исправительные программы [221].

С правонарушителями крайне высокого риска, которые не являются агрессивными или опасными, можно по-прежнему безопасно обращаться в обществе, но только посредством применения санкций и внешнего контроля. Они должны получать санкции, обеспечивающие высокий уровень структурирования, подотчетности, надзора или лишения дееспособности, чтобы, по крайней мере в то время, пока они находятся под исправительным надзором, риск, который они представляют, эффективно управлялся. Для этой группы хронических правонарушителей с чрезвычайно высоким риском, которые не поддаются вмешательству, наиболее эффективным фактором снижения рецидивизма является время или возраст, по истечении/достижении которых они завершают криминальный путь.

Принцип необходимости заключается в выявлении характеристик или потребностей обвиняемого, на которых должно быть направлено лечение. У правонарушителей обычно имеется множество потребностей, лишь некоторые из которых связаны с риском преступного поведения. Принцип потребности определяет наиболее подходящие потребности правонарушителей, на которые следует ориентироваться. Эффективные программы должны быть нацелены на «криминогенные потребности», т. е. те ценности, отношения или поведение правонарушителя, которые наиболее тесно связаны с вероятностью совершения преступления. Это потребности, правильное удовлетворение которых приведет к снижению преступного поведения. Удовлетворение некриминогенных потребностей может принести некоторую пользу правонарушителю, но поскольку эти потребности не связаны с вероятностью преступного поведения, это не снизит вероятность рецидива. Криминогенные потребности, наиболее прогнозирующие вероятность преступного поведения, следующие:

- низкий самоконтроль, т. е. импульсивное поведение;
- асоциальная личность, т. е., отсутствие эмпатии;

- антисоциальные ценности, избегание правопослушного поведения;
- криминальные связи в социальном окружении;
- злоупотребление психоактивными веществами;
- неблагополучная семья.

Правонарушители с большей вероятностью совершают преступные действия, когда у них мало возможностей контролировать свое поведение.

Правонарушители с антисоциальными чертами личности не заботятся о том, как их действия повлияют на других, и поэтому часто не испытывают угрызений совести за свои действия. Антисоциальные ценности позволяют правонарушителям дистанцироваться от общества, его норм и ценностей. Эти правонарушители уходят из основного сообщества и имеют мало контактов с его другими членами, не вовлеченными в преступное поведение. Правонарушители, которые общаются с другими преступниками, с большей вероятностью совершат новые преступления.

Существует тесная связь между злоупотреблением психоактивными веществами и преступностью. Большинство заключенных совершили свои преступления под воздействием наркотиков. Отсутствие положительных семейных ролевых моделей из-за семейной дисфункции также связано с преступным поведением.

Яркими примерами некриминогенных потребностей являются низкая самооценка, недостаточная физическая подготовка и тревожность. Нет никаких доказательств того, что удовлетворение этих потребностей снизит рецидивизм. Хотя борьба с злоупотреблением психоактивными веществами и низким самоконтролем может снизить рецидивизм. Повышение самооценки или физической подготовки вряд ли повлияет на преступное поведение в будущем.

Чем больше криминогенных потребностей правонарушителя учитывается при лечении, тем выше вероятность снижения уровня преступного поведения.

Определение степени риска повторного совершения правонарушения, который представляет правонарушитель, а также криминогенных потребностей правонарушителя требует тщательной оценки соответствующей информации о каждом правонарушителе. Зачастую определение риска основывается исключительно на характере совершенного преступления и предшествующей судимости.

Хотя оба эти фактора являются законными факторами риска, особенно предыдущая криминальная история, они не являются достаточной основой для точной оценки. Некоторые правонарушители с низким уровнем риска совершили тяжкие преступления, а некоторые с высоким риском — лишь незначительные преступления. Рассмотрение только характеристик правонарушений не соответствует научно обоснованной практике прогнозирования рецидивов. Характеристики личности правонарушителя также обладают большой прогностической ценностью, в большей степени, чем характеристики самого правонарушения.

Принципы вмешательства и реагирования предполагают учет следующих вопросов:

- 1) на каких правонарушителей лучше всего ориентироваться для участия в программах по снижению рецидива или риска;
- 2) на какие характеристики или потребности этих правонарушителей должны быть нацелены эти программы;
- 3) каким образом программы по снижению рецидивизма должны удовлетворять потребности этих правонарушителей.

Преступное поведение, характерное для большинства правонарушителей средней и высокой степени риска, представляет собой скорее хронический, а не острый характер. Поэтому, аналогично медицине, ответ на вмешательство должен обеспечивать подход непрерывного ухода, основанный на модели оказания хронической помощи, а не на подходе неотложной помощи. Хроническое поведение не решается с помощью определенного фиксированного количества или продолжительности вмешательства. Например, как и в случае с наркозависимостью и лечением психических расстройств, промежуточной целью является привлечение и удержание правонарушителя на соответствующем уровне ухода и наблюдения до тех пор, пока правонарушитель не сможет успешно управлять своим собственным уходом и поведением [221].

Одним из ключевых положений модели RNR в том, что сотрудники должны сосредоточиться на группах высокого риска правонарушителей, затрачивая при этом минимум времени и ресурсов на профилактическую работу с правонарушителями с низким риском рецидива [157]. Причина заключается в том, что интенсивный контроль, как правило, приводит к перемешиванию правонарушителей с низким и высоким риском. Размещение правонарушителей с низким и высоким риском в одной группе, проведение коррекцион-

ных мероприятий по той же программе, потенциально может привести к негативному социальному воздействию на правонарушителей с низким уровнем риска под влиянием правонарушителей высокого риска.

Индивидуальное прогнозирование риска совершения повторных преступлений в настоящее время является наиболее актуальным и активно развивающимся направлением в работе с лицами, неоднократно совершающими преступления. Данный вид деятельности предполагает использование знаний в области превентивной психологии, применения методов прогнозирования рецидивной преступности, исследования статических и динамических факторов риска повторных правонарушений, а также социальных и эмоциональных факторов, в том числе таких, как чувство вины. Более достоверный прогноз возможен при использовании инструмента оценки риска повторных правонарушений, которая необходима для построения адекватных программ вмешательства в соответствии с прогнозируемой склонностью лица к совершению повторных правонарушений.

В России адаптировалась методика структурированной оценки риска совершения повторных правонарушений и возможностей ребёнка пройти реабилитацию под названием «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ). Данный инструмент позволяет оценить риск совершения повторного правонарушения, а также возможности личности несовершеннолетнего, его окружения и потенциала реабилитационного пространства с целью формирования программы индивидуального социально-психологического сопровождения несовершеннолетнего, направленной, в конечном счёте, на изменение его поведения [90]. Также разработана программа для оценки риска рецидивной преступности лиц, подвергнутых административному надзору, для реализации в системе правоохранительных органов [50].

Диагностика противоправного поведения предполагает учет как статических, так и динамических факторов совершения повторных правонарушений. Под статическими факторами подразумеваются индивидуально-психологические особенности поднадзорного лица, такие как мотивация, темперамент, характер, а также девиантная «карьер» поднадзорного. Динамические факторы предполагают те характеристики, которые подлежат изменению с течением времени. Они включают образование, деятельность, образ жизни поднадзорного лица, а также криминальные установки.

Психодиагностика является промежуточным направлением с целью оказания дальнейшей психологической помощи лицам, в отношении которых осуществляется пробация.

Проектирование постпенитенциарной личности включает также разработку и применение реабилитационных программ.

Инструменты четвертого поколения определяют области, в которых необходимо изменить стратегии вмешательства (исправления), чтобы снизить уровень риска. Они также учитывают особые факторы реагирования, которые помогают выстроить программу реабилитации с учетом ее предельных возможностей.

Таким образом, зарубежный опыт инструментов оценки риска повторных правонарушений включает четыре поколения — 1) клиническая экспертиза; 2) актуарные методы, предусматривающие статические факторы риска; 3) факторы риска и потребности; 4) факторы риска, потребности и возможности — и учитывает как общий уровень оценки риска рецидивизма, так и оценивает вероятность рецидива в зависимости от специфики совершенного преступления.

Инструменты оценки риска насилия в судебной психиатрии ранее традиционно были сосредоточены исключительно на факторах риска. Учет возможностей позитивной психологии позволил создать основанный на сильных сторонах подход к воздействию и в оценку риска насилия: были включены защитные факторы, т. е. ресурсные характеристики личности, которые учитывает структурированная оценка факторов защиты от риска насилия (SAPROF) [162].

Компетентные медицинские, юридические или другие профессиональные услуги основаны не на методе проб и ошибок, а на разумном применении принципов практики, основанных на специализированных знаниях и понимании в соответствующей профессиональной области.

Таким образом, компетентность специалистов заключается в применении принципов практики, основанных на том, что, как известно в профессии, является наиболее эффективным в исправлении поведения лиц, в отношении которых осуществляется пробация. Правонарушителей нельзя случайным образом распределять по каким бы то ни было программам, которые могут оказаться доступными.

В русле позитивной психологии создано инновационное направление ресоциализации (вмешательства) не только в общей психиатрии, но и в психиатрии судебной. Поощрение здорового образа жизни у психически больных пациентов и их окружения может внести цен-

ный вклад в процесс лечения и реинтеграции. Поэтому воздействие, направленное на снижение рецидивизма насилия, должно быть сосредоточено не только на уменьшении факторов риска, но и на укреплении защитных факторов. Подходы, основанные на сильных сторонах, принимаются клиницистами, ищущими обнадеживающие и позитивные альтернативы подходу, ориентированному исключительно на риск [162].

Более того, связь этого позитивного профилактического подхода со структурированной оценкой личных и ситуативных сильных сторон при оценке риска фактически не существовала до начала данного столетия. Для того чтобы программы вмешательства, направленные на усиление защитных факторов, были значимыми, необходимо иметь возможность оценить наличие защитных факторов, которые эмпирически связаны со снижением риска насилия.

Таким образом, проектирование правопослушного поведения постпенитенциарной личности предполагает технологии оценки риска рецидивов, которые включают также сильные стороны, являющиеся значительным ресурсом для реабилитации постпенитенциарной личности.

3.3. Вина, стыд, совесть в системе пробации

Вина, совесть и стыд — моральные эмоции, имеющие особое значение в системе регулирования поведения лиц, в отношении которых применяется пробация, а также занимающие важную ступень в процессе их реабилитации.

Связь между моральными стандартами и моральными решениями и/или моральным поведением во многом зависит от моральных эмоций. Моральные стандарты представляют собой знания человека и усвоение моральных норм и условностей. Моральные стандарты людей частично продиктованы универсальными моральными законами, а частично — культурно-специфичными запретами [188].

Существует множество потенциальных объяснений несоответствия между поведенческими решениями (намерениями) и реальным поведением как в моральной, так и в неморальной сферах. Теория поля, сама основа социальной психологии, подчеркивает изменчивость индивидуального поведения как функцию ситуационного контекста; межличностные переговоры могут подорвать связь между намерением и поведением, а диффузия ответственности может подорвать спо-

способность человека действовать в соответствии с глубоко укоренившимися убеждениями.

Теория запланированного поведения Айзена предлагает хорошо интегрированную модель того, как установки, нормы и воспринимаемый контроль влияют на поведенческие намерения и последующее поведение. Как и в случае со связью между намерениями и поведением в целом, связь между моральными намерениями и моральным поведением также является важным вопросом. Первоочередной интерес представляют запреты на поведение, которое может иметь негативные последствия для благополучия других и в отношении которого существует широкий общественный консенсус, что такое поведение является «неправильным» (например, межличностное насилие, преступное поведение, ложь, мошенничество, воровство). Естественно, люди время от времени лгут, обманывают и воруют, даже если они знают, что такое поведение считается неправильным по моральным и социальным нормам. Моральные эмоции обеспечивают мотивационную силу — силу и энергию — для того, чтобы делать добро и избегать плохих поступков.

Научный анализ сущности совести обычно начинается с рассмотрения этимологического значения слова «совесть» и выделения в нем приставки «со-» в сочетании со словами «весть», «ведать», «знать» [75], что позволяет трактовать совесть как совместное знание, то есть социально обусловленный феномен. При этом под знаниями, связанными с понятием «совесть», имеются в виду моральные знания, т. е. знания норм и правил поведения, принятых в обществе.

В психоанализе совесть трактуется с позиции ее двойственности, одной стороны, в качестве добродетельного начала в человеке, способствующего его моральному самоконтролю и нравственной самооценке, а с другой стороны, ее суровость и агрессивность порождают в человеке страх и обостряют у него чувство вины, что может привести к психическому расстройству [58]. С точки зрения Фрейда, совесть — это внутреннее восприятие недопустимости проявления имеющихся у человека желаний [171].

В советской научной литературе проблема совести не изучалась психологами, так как считалась проблемой нравственной сферы, которая не поддается психологическим исследованиям. Хотя в последнее время появляются психологические исследования, где совесть является предметом изучения [58].

М. Хайдеггер указывает, что совесть, выполняя критическую функцию, всегда говорит по поводу совершенного или планируемого поступка и дает понять, когда человек виновен. Он пишет: «Весь опыт и толкования совести едины в том, что «голос» совести как-то говорит о «вине» [127, с. 306]. Это означает, что человек должен поступать «по совести», т. е. совершать правильное с его точки зрения поступки.

При определении совести некоторые авторы ссылаются на уровень когнитивного морального развития [173], другие — на уровень эмоционального морального развития [168], третьи — на способность к когнитивной и аффективной эмпатии [177] или на суперэго [154], всякий раз актуализируя разные структурные элементы совести.

Е. П. Ильин отмечает, что совесть — это нравственное качество личности, связанное с субъективным осознанием личностью своего долга и ответственности как перед отдельными людьми, так и перед обществом [58].

В свою очередь, стыд — также социально обусловленная эмоция, формирующаяся в онтогенезе в ходе сознательного усвоения этических норм и правил поведения конкретного общественного строя, конкретной культуры [58].

В концепции Ж.-П. Сартра стыду придается философско-антропологическое значение, поскольку оно связано с рождением самосознания субъекта. Стыд определяется как «механизм социального контроля», осуществляющийся в тех контекстах, которые предполагают возможность непосредственного взаимного наблюдения.

Чувство стыда можно расценивать как индикатор моральных, ценностных конфликтов. Стыд возникает от того, что индивид признает свой социальный статус и несет ответственность за его утрату, или несоответствие ему. Угроза стыда является мощным фактором моральной саморегуляции индивида [85].

Этимологически понятие «стыд» происходит от более старого слова, означающего «покрывать»; как таковое покрытие себя, буквально или образно, является естественным выражением стыда. Стыд — это эмоция, которая тесно связана с чувством вины. Стыд — это когда человек чувствует разочарование по поводу чего-то в своей основной природе. Первоначальный стыд зарождается в нас как нейронный или биологический эффект, он связан с радостью и удовольствием, поэтому мы наиболее уязвимы для стыда, когда что-то мешает стимулу постоянного чувства удовольствия.

Ранние исследования не проводили различий между виной и стыдом. Однако большинство исследователей утверждают, что стыд и вина отличаются друг от друга, и что их различия имеют значение [195].

В философском контексте вине был присвоен онтологический статус, описывающий нереализованные стремления человека.

И. А. Белик в проведенном исследовании установила, что феномен вины включает в себя понятие онтологической вины, чувства и эмоции вины [17].

Е. В. Короткова дает определение вины, в основе которой лежат наиболее зрелые способы конструирования, представляет собой сознательное отношение человека к своему или чужому поступку, которое на основе интерпретации и рефлексии, утверждает нравственные ценности и смыслы личности [76].

По мнению Е. П. Ильина, вина — не что иное, как эмоциональное обострение совести. Переживание вины связано с формированием у человека нравственных норм поведения (совести) [58]. Однако усвоение правил поведения еще не означает возникновения убеждений, и сложившиеся взгляды автоматически не определяют правильное поведение.

Чувство вины возникает в момент, когда человек осознает свою ответственность за причиненный ущерб другому человеку. Но чувство вины — неприятная эмоция, вследствие этого люди с недостаточно развитым чувством ответственности склонны проецировать любые обвинения на кого-то другого. Такие проекции вины дают преимущества временного освобождения от неприятного напряжения, но лишают субъекта идентичности и ответственности.

Феноменологические исследования подчеркивают центральное место раскаяния по отношению к вине [186].

Считается, что чувство вины — это негативная эмоция, связанная с чувством смущения, вины и ответственности за негативные обстоятельства, с которыми сталкивается кто-то другой. Чувство вины очень сильно, когда человек чувствует себя ответственным, осужденным и заслуживающим наказания. Это может сделать человека больным, подавленным и неспособным общаться с людьми. Люди чувствуют вину, признавая моральные ценности общества, а не из страха перед наказанием.

Даже среди людей, уже находящихся в группе высокого риска совершения преступлений, склонность к чувству вины, по-видимому, выполняет защитную функцию.

Способность личности переживать чувство вины способствует формированию модели морального поведения на протяжении всей жизни, мотивируя людей принимать на себя ответственность и принимать меры по исправлению положения после случайной неудачи или проступка. Напротив, авторы некоторых исследований связали стыд с рядом незаконных, рискованных или иных проблемных действий.

Таким образом, при рассмотрении благополучия человека, его близких отношений или общества чувство вины представляет собой моральную эмоцию вектора выбора к себе или другим.

Рассмотрев подробно феномены вины, совести и стыда, следует отметить, что вина является базовой эмоцией, отличающейся большей глубиной и интенсивностью, совесть и стыд представлены в структуре вины. При этом совесть представляет собой социокультурный феномен, т. е. формируется в социуме, а стыд выполняет роль механизма, запускающего чувство вины.

Исследователи в области психологии подчеркивают различие между стыдом и виной и ставят под сомнение функцию стыда как ингибитора аморального или противоправного поведения [216].

Большинство типов событий (например, ложь, обман, воровство, неспособность помочь другому, непослушание родителям) упоминаются некоторыми людьми в связи с чувством стыда, а другими — в связи с чувством вины. Некоторые исследователи утверждают, что стыд вызывается более широким спектром ситуаций, включая как моральные, так и неморальные неудачи и проступки, тогда как вина более конкретно связано с нарушениями в моральной сфере.

Отдельные исследователи использовали как экспериментальные, так и корреляционные методы, показывающие, что внутренние, стабильные, неконтролируемые атрибуты неудач положительно связаны со стыдом, тогда как внутренние, нестабильные, контролируемые атрибуты неудач положительно связаны с чувством вины.

Многие учёные отмечают вину и стыд как негативные эмоции, связанные с саморазрушением, дезадаптивными процессами, в том числе склонностью к совершению правонарушения.

В свою очередь, феномен совести уже традиционно приписывают к ведомству социально-нормативно-ценностной сферы отноше-

ний. Так, люди, у которых не развита совесть и они не испытывают чувства вины или угрызений совести за причинение вреда другим, являются социопатами.

Фактически, долгое время эти два термина использовались почти взаимозаменяемо. Согласно З. Фрейду, стыд — это трансформация вины, подпитываемая неприемлемыми импульсами сексуального или агрессивного характера; вина, по сути, возникает в конфликте между Эго и Супер-Эго, когда индивид нарушает интериоризированный моральный стандарт. Отмечается, что склонность испытывать «свободную от стыда» вину в ответ на явные проступки, как правило, не связана с психологическими проблемами, тогда как стыд постоянно связан с дезадаптивными процессами и результатами на многих уровнях.

С одной стороны, подчеркивается разрушительность вины. Она наказывает и причиняет боль людям за их ошибки и может привести к психопатологии (например, депрессии). С другой стороны, она описывается как «дружественная» эмоция, которая мотивирует поведение, адаптированное к социальным и культурным правилам [188].

Как продемонстрировали R. Shweder с коллегами, большинство неудач и проступков воспринимаются как имеющие отношение к сочетанию моральной этики [211]. С этой более широкой культурной точки зрения вина, совесть и стыд — это эмоции, каждая из которых, в первую очередь вызывается моральными ошибками.

В нашем случае совершенные в прошлом моральные ошибки, переживаются постпенитенциарной личностью. Изучение вины, совести и стыда имеет огромное значение для оценки и последующего вмешательства (реабилитации) постпенитенциарной личности, формировании у нее субъектных качеств. С этой точки зрения вина, совесть и стыд должны снижать вероятность рецидива и некорректного поведения.

Наш подход к пониманию моральных эмоций вины, стыда и совести при оценке постпенитенциарной личности ориентирован на их ресурсную функцию. Оптимальная выраженность моральных эмоций позволяет поддерживать необходимый уровень социальной адаптации.

Переживания вины, совести и реинтегративного стыда постпенитенциарной личности основывается на принятии им ответственности за совершенные проступки.

Выводы по третьей главе.

Превентивная психология — направление, в рамках которого изучается природа и механизмы отклоняющегося поведения с позиции междисциплинарного и системного подходов, а также предлагаются научно обоснованные рекомендации по коррекционно-реабилитационной работе и психологическому предупреждению, диагностике и коррекции отклоняющегося поведения.

Психологическая превенция в системе органов внутренних дел направлена на реализацию мер психологического воздействия на личность с целью осуществления опережающего психологического воздействия по отношению преступлениям, правонарушениям и девиантным формам поведения.

Прогнозирование в превентивной психологии ориентировано на выявление различных форм девиантного поведения личности, в том числе криминального. Применение прогноза в системе органов внутренних дел необходимо для эффективного осуществления профилактической работы. Используя прогностические выводы, можно предупредить возможное поведение личности объекта профилактики.

Прогнозирование безопасности личности предполагает использование различных инструментов диагностики противоправного поведения. Развитие превентивной психологии как перспективного направления должно учитывать тенденции развития психологической науки и практики в отношении лиц, состоящих на профилактическом учете в органах внутренних дел.

Рассмотрение вины, совести и стыда, позволяет выделить, что вина является базовой эмоцией, отличающейся большей глубиной и интенсивностью, совесть и стыд представлены в структуре вины.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ЛИЦАМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОБАЦИЯ

4.1. Прогнозирование криминализации совершеннолетних правонарушителей

Анализ представлений о причинах рецидива свидетельствует о его детерминации комплексом проблем, связанных с социальной дисфункцией и социальным исключением. Социальная дисфункция проявляется в объективных жизненных трудностях: отсутствии постоянного жилья, легального дохода, документов, что ограничивает возможности для правопослушной самореализации. Социальное исключение характеризуется нарушением или полным разрывом связей с просоциальным окружением — семьей, родственниками, бывшими коллегами, что лишает индивида критически важной эмоциональной и инструментальной поддержки. В результате, как показывают исследования, осужденные зачастую не стремятся к восстановлению утраченных социальных связей, а их попытки формирования новых отношений носят избирательный и ограниченный характер. Следствием этого становится не восстановление, а дальнейшая деградация социального функционирования, при которой социальное исключение трансформируется в устойчивое социальное отчуждение, практически всегда сочетающееся с рецидивом асоциального поведения.

Выполненные исследования системы социальных связей криминогенных лиц в разные периоды жизни показывают ее изменения, ключевыми векторами которых являются десоциализация по направлению к обществу и деградация по отношению к субъекту (криминогенному лицу). С интерактивной точки зрения они проявляются в меньшем количестве социальных связей, наличии барьеров коммуникации, меньшем числе референтных лиц, неподчинении окружающим.

С точки зрения перцепции социальные связи преступников характеризуются меньшим уровнем позитивных межличностных отношений, чувством враждебности и недоверия, низкой поддержкой и помощи близких им лиц.

Следует отметить, что криминогенным лицам свойственно противоречивое представление о себе как субъекте правопослушного со-

циального взаимодействия. На уровне самооценки наиболее заметными являются упрощения социальной идентификации (использование меньшего числа категорий, их обобщенности), снижение уровня социальной самооценки (т. е. оценки себя во взаимодействии с окружающими) и убежденности в низкой социальной эффективности — неспособности влиять на других людей, устанавливать и поддерживать с ними отношения. Обобщая полученные результаты, можно заключить, что образ «Я» преступника и система социальных связей сопряжены. Восприятие себя в качестве преступника преобразует образ «Я», изменяя самоотношение и сказываясь на социальном взаимодействии.

Описанные функциональные отношения самоотношения и социального взаимодействия преступника могут иметь и морфологическое значение. Его негативным следствием может являться социально исключенный образ жизни, субъект которого, с одной стороны, негативно оценивает себя, свои социальные перспективы и возможности, с другой — избегает установления устойчивых социальных связей, которые могут эти возможности предоставить.

Вместе с тем противоречивость и неопределенность представлений приводит к искажениям представлений личности о себе. Это, в свою очередь, выражается в (негибкости) целей, отношений, убеждений, обусловленности поведения узкоспецифичными ценностями (нормами, отношениями). Итогом является консервация и усиление криминогенного комплекса свойств личности, который выражается в интериоризации криминальных ценностей, одобрении криминального образа жизни, а также в установлении и поддержании связей преимущественно с криминальным окружением.

Как демонстрируют исследования С. Chouhy с коллегами, подобные тенденции присущи не только зрелым рецидивистам, но и молодежи, только вставшей на криминальный путь [155]. Следует отметить, что регуляторные функции выполняет и социальное окружение — члены семьи, родственники, друзья и коллеги. Конечно, их потенциал ниже, чем индивидуальный механизм регуляции, но все же он существует.

Современные представления о влиянии социального окружения объясняют его несколькими факторами преимущественно социально-психологической сущности и социально-экономическим контекстом, характеристики которого усиливают либо ослабляют их воздействие на человека. К основным факторам относят социальные (общественные)

представления о возможности совершения девиаций, антиобщественные групповые ценности и нормы, поощряющие девиации, а также влияние референтных лиц, нацеленное на побуждение к девиантному поведению. Предполагается, что все они в совокупности, либо в определенном сочетании способны подтолкнуть субъекта к конкретным девиациям. При этом их влияние разными исследователями трактуется по-разному. Ряд исследователей утверждает и эмпирически демонстрирует, что социальное влияние приводит к нарушениям либо искажениям социализации. В таком случае правонарушающее поведение становится возможным вследствие множественности оценок конкретного поведения, запрещающих его в одних сообществах и легализующих в других, равно как и разрешающих его одним группам и запрещающих другим, разрешающих в определенных социальных ситуациях и пр. Поэтому целесообразным является обращение к социальному окружению криминогенных лиц. При этом следует принять во внимание, что социальное окружение криминогенной личности представляет собой разнородную совокупность людей, групп и сообществ.

Считая окружение социально-психологической средой, способствующей снижению негативного влияния характеристик криминогенных лиц, препятствующих адаптации, его изучение, в том числе отношений к нему со стороны лиц, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся в процессе реинтеграции в общество, будет способствовать пониманию психологических причин рецидива [48].

Изучение представлений о социальном окружении позволяет сделать вывод о его разноплановом влиянии. Так, социальное окружение криминогенной личности соучаствует ее жизнедеятельности на разных этапах криминализации, выполняя:

а) инвариантные функции, обусловленные: необходимостью адаптации к социальным условиям жизнедеятельности на ее криминальном и посткриминальном этапах; изменениями самоотношения в связи с совершением преступления, уголовным наказанием, связанным с лишением свободы, реинтеграцией после освобождения из мест лишения свободы; соучастием в самореализации в разных социальных условиях жизнедеятельности;

б) вариативные функции: на докриминальном этапе (содействие противоправному образу жизни); криминальном этапе (организация преступления, содействие его осуществлению, укрывательство); посткриминальном этапе (пенитенциарной и постпенитенциарной

стадии) способствующие ресоциализации либо криминализации личности [52].

Социальное окружение выступает необходимым условием жизнедеятельности криминогенной личности поскольку:

а) обеспечивает ее социальное функционирование на криминальном и посткриминальном этапах в ситуациях адаптации к социальным условиям;

б) предоставляет социально-психологическую поддержку;

в) влияет на формирование самоотношения и самооценки на разных стадиях криминализации.

Учитывая обширное теоретическое поле концепций, рассмотрение фокусируется на роли социального окружения криминогенной личности.

Значение социального окружения видится большинству исследователей как в способности удерживать от правонарушений, так и, напротив, побуждать к их совершению. При этом если криминогенный характер окружения судимых лиц неоднократно подвергался изучению и осмыслению, то теоретические представления о сдерживающей роли окружения требуют обсуждения. Значимость их анализа обоснована не только пробелами в научном познании, но и потребностью практической деятельности. В частности, задачей профилактики преступлений, возлагаемой на сотрудников органов внутренних дел федеральным законом от 26 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», а также осуществления воспитательной работы с судимыми лицами, осуществляемой сотрудниками УИС ФСИН России в рамках пенитенциарной и постпенитенциарной пробации [37]. Решение задачи профилактики преступлений нуждается в определении методов и средств воздействия, которые будут способствовать правопослушному поведению рассматриваемой категории лиц.

Следует отметить, что взгляды зарубежных исследователей базируются на эмпирических исследованиях рецидива преступлений, состоявшихся на разных этапах жизненного пути и объясняемых разными психосоциальными особенностями социального окружения.

Анализ жизненного пути рецидивистов, выполненный J. H. Laub и R. J. Sampson, показал, что их отношения с социальным окружением характеризовались трудностями взаимодействия, непрочною связью и нестабильностью состава участников [185]. При этом, как утверждают исследователи, люди, у которых отсутствуют устойчивые

семейные и трудовые отношения, ведут более хаотичный образ жизни, склонны ассоциироваться с лицами, находящимися в схожем положении изоляции и одиночества. Эти выводы согласуются с отечественными представлениями о том, что дефекты социального функционирования, вызванные изоляцией, приводят к деформации ценностно-нормативной системы личности и ее ресоциализации в криминальной среде.

Иное значение придается социальной поддержке в работах I. F.-Dufour с соавторами. Ее функцией выступает влияние окружающих на правопослушное поведение бывшего осужденного [167]. Поддержка носит преимущественно социально-психологический характер, что подразумевает формирование мотивации к отказу от преступного поведения, личностному развитию и повышению волевых качеств криминогенной личности. Условием установления поддерживающих отношений является установление доверия между ее участниками, непрерывность оказания помощи и последовательность в ее предоставлении. Стоит отметить, что поддерживающие отношения способны сформировать не всё окружение, а лишь определенные лица, в числе которых сотрудники органов внутренних дел, службы пробации и волонтеры некоммерческих организаций.

Согласно концепции когнитивной трансформации представлений о себе, предложенной Р. Giordano с коллегами, стремление криминогенного лица прекратить противоправный образ жизни поддерживается путем образования новых социально-обязывающих видов отношений (трудоустройства, образования семьи, повышения уровня профессиональной квалификации и пр.) [174]. В свою очередь, принятие субъектом ответственности за соответствие требованиям норм (правил, традиций) должно находить поддержку лиц, являющихся соучастниками данных отношений. Эта идея находит подтверждение в результатах нашего исследования, показавшего, что успешность ресоциализации коррелирует с наличием у лица позитивных жизненных планов и поддержки в их реализации со стороны ближайшего окружения.

Таким образом, условием формирования представления о себе как правопослушном субъекте выступает взаимодействие между готовностью личности к установлению социальных отношений (семейных, трудовых, образовательных и др.) и готовностью других людей вступить в эти отношения и поддерживать их. Результаты данного исследования согласуются с этой идеей, поскольку формальная, не-

формальная и другие формы помощи соответствовали таким возможностям поддержки в изменениях, которые приводят к отказу от преступности.

Поэтому следует поддержать и позицию Р. Donatti в том, что окружение может оказывать влияние только в том случае, если индивид восприимчив к нему в силу личной заинтересованности [166]. Таким образом, социальное окружение может быть представлено в виде средства (либо условия) достижения личностно значимых целей. Однако образование отношений, дающих возможность для самореализации, может состояться лишь при условии готовности к этому самого индивида.

Еще одним объяснением подверженности криминогенной личности влиянию окружения может выступить идея ценности окружения не только для достижения эгоистических целей субъекта, но и альтруистических, направленных на соучастие личности в жизнедеятельности окружающих ее людей. В таком случае, следуя Л. И. Анциферовой, можно полагать, что степень и характер вовлеченности криминогенной личности в отношения с окружающими людьми становится показателем уровня ее развития [8].

Завершая анализ теоретических представлений, можно отметить, что роль социального окружения в нашем исследовании представлена в трех основных направлениях: поддержки социального функционирования (правовой, материальной, информационной), оказания воздействия на представление бывшего осужденного о себе (самоотношение) и соучастия в самореализации (воплощении жизненных планов).

При этом данные направления являются условно разделенными и взаимопереходящими, поскольку отражают потребности, вызванные нарушениями социального функционирования криминогенных лиц, аномалиями и дефектами представления о себе и проблемами в самореализации. Следует отметить также и то, что исходя из отношений с социальным окружением, целесообразно рассматривать его неоднородным образованием. Оно может быть разделено на микроуровень, образованный межличностными отношениями, мезоуровень, ограниченный внутри- и межгрупповыми отношениями, в которые вовлечен субъект как участник различных сообществ, и макроуровень, представляющий часть общества, с которой взаимодействует или потенциально может взаимодействовать криминогенная личность.

Таким образом, функции социального окружения являются своего рода инвариантами по отношению к криминогенной личности, позволяя удовлетворять разнородные потребности правопослушным (некриминальным) способом. Очевидно, что отсутствие подобных отношений нарушает возможности удовлетворения потребностей криминогенной личности, приводя ее к противоправному поведению. Интеграция рассмотренных моделей в практику профилактической работы, особенно в рамках реализуемой в России пробации, представляется перспективным направлением для снижения уровня рецидивной преступности.

Следовательно, психолого-педагогические меры пробации в числе прочих должны быть сфокусированы на трансформации психологических основ отношений криминогенных лиц с социальным окружением. Подобное предположение обосновано результатами выполненного нами ранее исследования криминогенных лиц, показавшего, что срыв ресоциализации и реинтеграции вызван проблемами взаимодействия с членами семьи, родственниками и неформальным окружением [47]. Его результаты свидетельствуют о более широком значении окружения, нежели оказание материальной или психологической помощи.

Рецидивисты описывают причинами неудач реинтеграции victimное воздействие окружения, неспособность критически воспринимать свои действия, отсутствие контроля со стороны близких родственников. Можно прийти к выводу, что меры профилактики повторной преступности могут быть усовершенствованы посредством изучения психологических аспектов социального функционирования неоднократно судимых лиц. Поэтому правильным будет интегративный подход, объединяющий влияние комплекса разноуровневых (с точки зрения их организации) факторов, способствующих или препятствующих правопослушному образу жизни. Данная позиция находит отражение и в современных исследованиях. Так, например, Р.А. Базаров и С.Л. Бабаян отмечают важность изучения психофизиологических особенностей личности преступника [12].

При этом в психологических исследованиях вопрос об организации личности преступника приводит к констатации ее неоднородности [196], поскольку существующие теории развивают и социологические [142] и клинико-психологические идеи [6], освещая в качестве причины рецидива разные личностные характеристики и их группировки.

В результате ряд исследователей предполагает возможность выделения единого типа личности — преступной [204], противопоставляя его правопослушной личности, а другие, напротив, считают подобное недопустимым, сосредоточиваясь на изучении комплексов черт личности [182]. Помимо этого следует отметить игнорирование таких психологических образований, как субъектность, индивидуальность, имеющих неменьшее значение для детерминации преступного поведения. В то же время, несмотря на многообразие подходов к определению причин рецидива преступлений, их воплощение в виде инструментов прогнозирования риска рецидива, востребованных для осуществления probation, крайне недостаточна.

К числу особенностей современных средств прогнозирования можно отнести и то, что они зачастую разрабатываются и апробируются в условиях пенитенциарных учреждений. Это ограничивает оценку экологической валидности инструментария, поскольку исключает вызовы и угрозы, присущие слаборегламентированным условиям жизнедеятельности. Так, для определения риска рецидива оценке подвергаются и объективные и субъективные характеристики:

- степень исправления, отношение к труду, положение в коллективе, привлечение к дисциплинарной ответственности и поощрения, отношение к семье, особые криминогенные черты, намерения после освобождения, намерения по поводу преступной деятельности [9];

- характеристики осужденного до совершения преступления, наличие места жительства, трудоустройства, наличие и поддержание им социально полезных связей; уровень образования, отношение к труду; навыки самообслуживания, признание вины и раскаяние, уровень агрессивности и конфликтности, правомерные личностные принципы, умения правомерного поведения, адекватность потребностей возможностям их удовлетворения) [22].

- недостатки (дефекты) саморегуляции, планирования и низкой самостоятельности, клинико-психологические особенности личности (агрессивность, лживость) [38];

- сознательность, лживость, педантичность, роль инициатора преступления, отсутствие мотива для совершения преступления, отношение к наказанию [39];

- криминальная зараженность, отношение к преступлению, образ жизни после освобождения, воздействие окружающих, измененное психоэмоциональное состояние, стечение обстоятельств [103].

Обобщая изложенное, можно заключить, что в большинстве методик предметом измерения становится вероятность исправления в рамках жестко регламентированной среды, где поведение индивида детерминировано внешними правилами и ограничениями. Такие подходы учитывают показатели, измеримые в регламентированной среде исправительного учреждения (отношение к труду и режиму, дисциплинарные взыскания и поощрения), а также ряд клинико-психологических особенностей (агрессивность, лживость, импульсивность), затрудняющих реинтеграцию в общество. Однако они оказываются малопригодными для прогноза поведения в нерегламентированном социальном пространстве, где освободившийся из мест лишения свободы сталкивается с необходимостью самостоятельного решения многочисленных проблем реинтеграции — трудоустройства, восстановления социальных связей, преодоления стигматизации и формирования нового, правопослушного самоотношения. Как показали исследования, ключевым контекстом, в котором разворачивается процесс реинтеграции или, напротив, криминализации, является система отношений освобожденного лица с его социальным окружением [45].

Важно акцентировать внимание на том, что социальное окружение представляет собой не пассивную «среду», а пространство социального взаимодействия, выполняющих критически важные для бывшего осужденного функции: адаптационную (помощь в решении социально-бытовых проблем), функцию формирования самоотношения и функцию соучастия в самореализации личности [51].

Возникающие дисфункции взаимодействия являются не следствием, а предиктором нарушений реинтеграции в общество, закономерно приводя к совершению правонарушений и преступления. Как показывают исследования, у лиц, склонных к рецидиву, выявлены статистически значимо более низкие показатели по всем трем функциям отношений по сравнению с правопослушными гражданами и даже с лицами, однократно совершившими преступление [45]. Это свидетельствует о том, что именно неспособность выстраивать функциональные отношения с окружением, а не только наличие криминальных черт личности, лежит в основе срыва реинтеграции.

С учетом изложенного видится целесообразной разработка прогноза, который сочетал бы оценку традиционных факторов риска с анализом социально-психологических и свойств взаимодействия с социальным окружением. Для планирования такого воздействия целесообразно проводить диагностику, основанную на оценке трех ключе-

вых критериев: уровня социального функционирования/дисфункции, степени социального вовлечения/отчуждения и направленности личности — правопослушной или криминальной.

Предлагаемая ниже модель призвана восполнить этот пробел, поскольку охватывает ключевые области социального взаимодействия и их характеристики, присущие правопослушным лицам (её воплощение в виде программы для ЭВМ получило свидетельство о государственной регистрации интеллектуальной собственности) [106]. Предлагаемая прогностическая модель включает три блока оценки риска рецидива, которые могут быть реализованы в форме опроса (анкетирования), а ответы предполагают балльную оценку.

Блок «Социальное функционирование» анализирует способность к социальной интеграции через трудовую деятельность (трудоустройство, наличие профессии, квалификация), обучение (готовность к консультациям, образование, самообразование), взаимодействие с людьми (способность подчиняться, организовывать, лидерство), умение выстраивать общение (инициативность, доверительность, убедительность), оказывать поддержку окружению (решение проблем и оказание помощи нуждающимся в ней близким родственникам). Низкие показатели здесь сигнализируют о социальной дисфункции, некомпетентности и отчуждении, тогда как высокие — о вовлеченности и альтруизме.

Блок «Направленность личности» оценивает ценностно-нормативную направленность опрашиваемого через его отношение к нормам (обесценивание/соблюдение норм и правил, побуждение других к соблюдению законов), деятельность в интересах общества (дифференцируя личные/групповые /общественные мотивы этой деятельности), границы ответственности во взаимодействии (ответственность за семью/близкое окружение/общество), ценностную ориентацию (эгоизм/групповой фаворитизм/оциальный альтруизм). Оценки за характеристики блока выявляют антиобщественную направленность и криминогенность или, напротив, просоциальную ориентацию и правопослушное поведение.

Блок «Регуляция взаимоотношений» диагностирует способность преодолевать трудности жизнедеятельности и выстраивать конструктивные отношения с близким социальным окружением. Его составляют присущие опрашиваемому стратегии преодоления трудных ситуаций (с дифференциацией на бездействие/несамостоятельность /активность и инициативу), целевые ориентиры планирования жизни

(с выделением отсутствия жизненных планов/ориентацией на личные интересы/интересы семьи, родственников, ближайшего окружения/участие в решении общественных проблем), стратегии разрешения межличностных конфликтов (враждебность/избегание/сохранение отношений). Нарушения в блоке регуляции взаимоотношений свидетельствуют о трудностях при их поддержании, особенно в трудных жизненных ситуациях, потенциальных проблемах взаимодействия и их деструктивном разрешении.

Организация измерения посредством данных блоков позволяет перейти от учета разрозненных факторов к целостной оценке способности личности к конструктивной реинтеграции, где дисфункция отношений с окружением становится ключевым предиктором рецидива. Другими словами, прогноз риска рецидива в рамках предложенной модели основывается не на сумме статических факторов, а на анализе динамической способности бывшего осужденного к конструктивному социальному функционированию, просоциальной направленности и эффективной саморегуляции в отношениях с окружающими.

Рассмотрим результаты обследования 1 545 судимых лиц, в том числе неоднократно, за совершение преступлений. Возрастная структура выборки: до 30 лет – 120 человек; до 35 лет – 430 человек; до 40 лет – 360 человек; до 45 лет – 310 человек; до 50 лет – 260 человек; старше 50 лет – 65 человек. Судимость опрошенных: а) однократное лишение свободы – 670 человек; б) повторно судимые – 565 человек; в) неоднократно судимые – 310 человек.

Опрос проводился посредством анкетирования, в котором на добровольной основе предлагалось ответить на вопросы анкеты. Бланки были индивидуальными, а персональные данные не собирались. Опрос охватил исправительные учреждения ФСИН России Архангельской, Свердловской и Омской областей.

Общий анализ результатов опроса показывает, что 90% выборки (умеренный, высокий и критический риск) демонстрируют различную степень социальной дезадаптации. Преступное поведение — это чаще не результат «врожденной склонности», а симптом нарушения интеграции индивида в социальную структуру. При этом доминирование «умеренного риска» рецидива (45% от общего числа опрошенных) показывает, что психолого-педагогическая работа может способствовать минимизации негативных предпосылок рецидива.

Охарактеризуем основные результаты, полученные в выборке опрошенных лиц изложив их последовательно, по показателям блоков и примененных критериев.

Блок 1. Социальное функционирование и уровень социальной интеграции криминогенной личности.

Показатели блока свидетельствуют о способности к интеграции в общество через труд, обучение и коммуникацию.

1.1. Способность к труду. Наиболее прогностически значимым является фактор устойчивой занятости, особенно для лиц зрелого возраста. Отсутствие работы у мужчины 40–50 лет свидетельствует не просто об отсутствии дохода, а о разрыве социальных связей, утрате профессиональных навыков. Напротив, наличие высшего образования выступает в качестве фактора, стабилизирующего жизнедеятельность, так как связано с более широкими возможностями и включенностью в нормативную среду.

1.2. Обучаемость. Способность к получению новых знаний и формированию навыков выступает предиктором уровня социального развития и способности к социальному функционированию. Её снижение, особенно с возрастом, указывает на ригидность мышления и неспособность адаптироваться к изменяющимся условиям после освобождения. Низкая обучаемость затрудняет освоение новых видов трудовой деятельности, препятствует неспособности к освоению программ профессионального образования (переподготовки, повышения квалификации).

1.3. Способность к взаимодействию с окружающими. Данная способность определяет степень социальной интеграции криминогенной личности, возможности ее вовлечения в различные сообщества. Ее низкие значения сигнализируют о трудностях с принятием социальных норм, неподчинении авторитетам.

Блок 2. Направленность криминогенной личности: ценности и мотивы жизнедеятельности.

Показатели блока характеризуют ориентацию на правопослушный образ жизни, диагностируя просоциальную мотивацию и готовность брать на себя ответственность за общественно-значимые отношения.

2.1. Правосознание. Наибольшую угрозу представляет открытое отрицание обязательности законов и социальных правил опрашиваемым лицом. Следует принять во внимание, что это может тракто-

ваться как мировоззренческая позиция, при которой противоправное поведение воспринимается как нормальное или оправданное.

2.2. Мотивационная структура. Доминирование узколичных, потребительских интересов над общественными и семейными является классическим признаком деформации ценностно-смысловой сферы. Личность, ориентированная только на себя, не испытывает внутренних моральных ограничений в ситуации нарушения прав других людей.

2.3. Социальная ответственность. Сужение круга ответственности до пределов собственной личности — важный критерий социальной отчужденности. Человек, который не чувствует ответственности ни за кого или что-либо, легко переступает через интересы других, преследуя собственные цели.

Блок 3. Саморегуляция жизнедеятельности: способность криминогенной личности управлять своей жизнью.

Критерии блока характеризуют психосоциальные способности бывшего осужденного по осуществлению жизнедеятельности. В числе измеряемых параметров выступают стратегия преодоления трудностей, планирования жизни и конфликтность как реакция на противоречия во взаимодействии с близким социальным окружением.

3.1. Преодоление трудностей. Пассивная позиция в стрессовых ситуациях — один из самых тревожных признаков. С возрастом она часто перерастает в состояние выученной беспомощности, когда человек отказывается от активных усилий, выбирая правонарушающие формы ухода от проблем.

3.2. Планирование. Способность к планированию является когнитивной основой для оценки обстоятельств и условий различных ситуаций. Неспособность строить реалистичные жизненные планы напрямую связана с импульсивностью и неумением прогнозировать последствия своих действий.

3.3. Конфликтность. Враждебность, мстительность и склонность к разрыву отношений вместо их решения свидетельствуют о низком уровне самоконтроля и эмоциональной зрелости. Это прямой предиктор агрессивно-насильственных реакций на любые трудности во взаимодействии с близким окружением.

Предлагаемая совокупность критериев измеряется посредством специального (индивидуального) бланка либо в форме электронного документа в специальной программе. Оценка риска рецидива осуществляется путем подсчета ответов на представленные вопросы.

Поскольку модель акцентирует внимание на таких факторах, как интеграция в трудовую и образовательную деятельность, качество социальных связей, уровень правосознания, ценностные ориентации и способность к планированию и преодолению трудностей, на основе комбинации этих параметров были выделены четыре основных вида сочетаний, присущих лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Рассмотрим и охарактеризуем их более подробно.

1. *Адаптивно-ориентированный тип*. Низкий риск рецидива (11%, 170 чел.). Лица с сохранной социальной адаптацией. Их криминальное поведение часто носит ситуативный характер и не является следствием асоциальности, а выступает следствием дефектов правосознания. Как правило, после освобождения трудоустроены, обладают достаточным уровнем профессионального развития, поддерживают родственные и семейные связи, способны к планированию и просоциальному поведению. У них развита способность к рефлексии, они ориентированы на социальные нормы и имеют планы на будущее. Ре-социализация этой группы наиболее вероятна при создании адекватных поддерживающих условий. Рецидив маловероятен без внешних кризисных обстоятельств.

2. *Конформно-зависимый тип*. Умеренный риск рецидива (45%, 696 чел.). Наиболее многочисленная группа, которая характеризуется ситуативной дезадаптацией. Их главная особенность — высокая внушаемость и потребность в руководстве. Они могут быть трудоустроены, но не имеют карьерных перспектив; ориентированы на помощь близким, но испытывают трудности в общении с незнакомыми. Совершение преступления для них — не норма, но возможный «выход» в условиях социальной дезадаптации или негативного влияния социального окружения. При этом данная категория опрошенных лиц, с одной стороны, декларирует (и частично испытывает) привязанность к семье, с другой — не обладает социальными навыками (коммуникация, планирование, образование) для достижения целей легитимным путем. Для них риск рецидива напрямую коррелирует с направленностью их ближайшего окружения и его возможностью оказания влияния. Поскольку их самоотношение зависит от мнения узкого круга лиц, это делает их ведомыми и уязвимыми для криминального влияния. Задача психолого-педагогического воздействия применительно к данной категории лиц — не психологическая коррекция личности, а формирование способности к взаимодействию с социальным окружением.

3. *Ситуационно-неустойчивый тип*. Высокий риск рецидива (33%, 515 чел.). Группа с признаками антиобщественной направленности, характеризующаяся нежеланием брать на себя контроль над собственной жизнью. Трудовая деятельность нестабильна, планы носят краткосрочный и гедонистический характер. Высокая импульсивность и неспособность конструктивно преодолевать конфликты выражается в отсутствии тесных связей с родственниками, малом объеме социального окружения.

Свойственная им неразвитость навыков саморегуляции социального поведения отчасти вызвана неспособностью к субъективизации жизни. Несмотря на то, что совершение преступления для них часто является следствием стечения обстоятельств или влияния негативного окружения, исходными его предпосылками выступает равнодушие по отношению к собственному жизненному пути.

4. *Асоциально-дезинтегрированный тип*. Критический риск рецидива (11%, 164 чел.). Группа криминально-направленных и социально-дезинтегрированных лиц. Ведет маргинальный образ жизни, не имеет работы, отрицает социальные нормы, не доверяет ни обществу, ни близким. Криминальное поведение является привычным и предпочитаемым способом социального функционирования. Характерно обеднение мотивационной сферы, отсутствие жизненных планов. Низкий уровень рефлексии и внешний локус контроля делают этих лиц практически невосприимчивыми к стандартным мерам воздействия; их поведение детерминировано базовыми потребностями и импульсами.

С учетом выполненного анализа можно заключить, что психологическими факторами рецидива для бывших осужденных выступают проявления социальной дезадаптации и ценностно-нормативной дезориентации взаимовлияющие друг на друга при условии дисфункции отношений к социальному окружению.

Высокий риск рецидива связан с комбинацией антисоциальных установок (обесценивание норм), эгоцентрической направленности (действие в личных интересах) и дефицитов саморегуляции (неспособность преодолевать трудности, строить планы, конструктивно разрешать конфликты). В совокупности эти признаки характеризуют личность рецидивиста как субъекта с преобладанием внешнего локуса контроля (винит в своих бедах обстоятельства и других), эгоцентрической и потребительской системой ценностей и дефицитарными

навыками саморегуляции. Такой человек не видит себя частью общества, не чувствует ответственности перед ним и не умеет конструктивно решать жизненные проблемы.

Ключевая гипотеза, подтверждаемая эмпирическими данными, заключается в том, что рецидив обусловлен не столько наличием личностных дефектов, сколько дисфункцией отношений с социальным окружением, которая не позволяет личности компенсировать эти дефекты и успешно реинтегрироваться. Низкие показатели по функциям адаптации, формирования самоотношения и соучастия в самореализации у рецидивистов являются прямым тому подтверждением.

Важно отметить, что даже лица с «низким риском» демонстрируют признаки внутренней конфликтности, что может быть связано со стигматизацией и криминальным опытом. Ресоциализация таких лиц требует не только контроля, но и индивидуальной психокоррекционной работы, направленной на восстановление ценностно-смысловой сферы. Применение рассмотренной модели оценки риска рецидива позволит сместить акцент с контроля на сопровождение, выявляя не только риски, но и «точки роста» для индивидуальной профилактической работы с бывшими осужденными, направленной на восстановление и развитие способности личности к построению функциональных отношений с обществом.

Подводя итоги, отметим основные выводы. Социальное окружение является не пассивной средой, а активным участником криминализации и при правильной организации работы может выступать фактором ресоциализации. Социальное окружение выполняет критически важные (а) инвариантные функции (адаптации к социальным условиям жизнедеятельности, формирование самоотношения, соучастие в самореализации); (б) вариативные функции (может как содействовать преступлению, мотивируя, соучаствуя и фасилитируя, так и способствовать ресоциализации). Дисфункция отношений с социальным окружением — ключевая проблема, способствующая рецидиву преступления. У криминогенных лиц наблюдается социальная дезинтеграция, признаками которой выступает разрыв просоциальных связей, неспособность их восстанавливать и формировать новые, что приводит к устойчивому социальному отчуждению и маргинализации.

С учетом изложенных обстоятельств предлагается дифференциация психолого-педагогического воздействия, осуществляемого в рамках probation. Его эффективность зависит от точной диагности-

ки отношений криминогенного лица с окружением и индивидуализации воздействия. Для этого предлагается новая трехблочная модель, оценивающая через призму объективных и субъективных критериев социально-психологические предпосылки к социальной реинтеграции. На основе модели выделены четыре типа риска рецидива: (1) адаптивно-ориентированный тип (низкий риск рецидива, 11% выборки опрошенных) — преимущественно ситуативные правонарушители с сохранным потенциалом реинтеграции; (2) конформно-зависимый тип (умеренный риск рецидива, 45% выборки опрошенных) — социально-дезадаптированные лица с неустойчивой правопослушной направленностью; (3) ситуационно-неустойчивый (высокий риск рецидива, 33% выборки опрошенных), лица с неразвитой саморегуляцией социального поведения и сформированной криминальной направленностью, социальное поведение которых лабильно и зависит от контекста; (4) асоциально-дезинтегрированный тип (критический риск, 11% выборки опрошенных): глубокая личностная и социальная деформация по асоциальному типу, ориентированы на криминальный образ жизни.

Таким образом, успешная декриминализация невозможна без наличия связей с социальным окружением, обеспечивающих социальное функционирование; поддержки референтных лиц, формирующих мотивацию к изменению; изменения отношения к себе (самоотношения) как правопослушному, а не правонарушающему субъекту, которое поддерживается через социально ответственные отношения в профессиональной, семейной и общественной сферах жизнедеятельности.

4.2. Прогнозирование криминализации и профилактика повторных преступлений несовершеннолетних

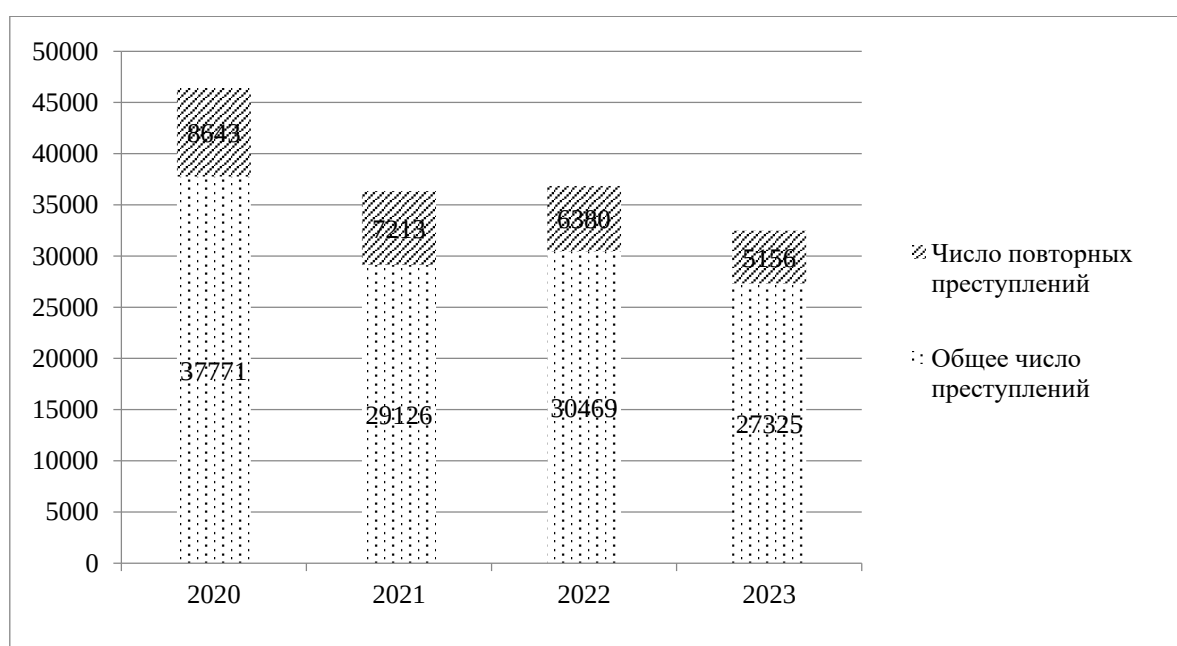
Проблема повторных преступлений несовершеннолетних лиц, их причины, механизмы и направления профилактики представляют собой важную область научных исследований. Понимание психологической природы повторной преступности несовершеннолетних способно обеспечить разработку эффективных стратегий ее профилактики. В соответствии с Планом мероприятий на 2021–2025 годы по реализации концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, работа с несовершеннолетними, ранее совершавшими противоправные деяния, явля-

ется одним из ключевых направлений профилактической деятельности общества и государства.

Современные несовершеннолетние являются свидетелями кардинальных изменений в политической, экономической и социальной сферах государственной жизни, закладывающих иные ценностные ориентиры. Воздействие современной социальной ситуации на ценностно-потребностную сферу личности достаточно неоднозначно и может приводить: к девиантному, асоциальному и криминальному поведению; отсутствию педагогических условий передачи духовно-нравственных знаний; снижению способностей к воспитанию в целом; деструктивным взаимоотношениям; негативной настроенности относительно общественных ценностей и норм и т. д. [88].

С учетом норм Закона о пробации, который предоставляет лицам, преступившим закон, возможность постпенитенциарной пробации, проблемы криминализации и маргинализации несовершеннолетних нуждаются в дальнейшем изучении и практической разработке с целью снижения уровня повторной преступности и совершенствования системы их социальной адаптации.

В настоящее время при незначительном ежегодном снижении числа преступлений со стороны несовершеннолетних отслеживается тенденция к *высокому уровню повторного совершения* преступных деяний лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности. Доля повторной преступности составляет 20–25%: 2020 – 22,8%, 2021 – 24,7%, 2022 – 20,9%, 2023 – 18,8%.

Существующие в психологической науке взгляды на повторную преступность как неизбежность для криминогенной личности призывают рассматривать ее как результат взаимодействия индивидуально-психологических и социально-средовых факторов, тем самым позволяя создавать комплексное представление о мотивах и условиях, способствующих совершению повторных преступлений

Повторное совершение преступлений несовершеннолетними становится возможным в результате *преобладания социальных моделей формирования поведения.*

А) Ранняя криминализация

(совершение преступлений, правонарушений, как образ жизни)

Несовершеннолетний, совершающий преступления и правонарушения с юного возраста, воспринимает свой асоциальный образ жизни как нормальный и естественный. Особое значение для формирования указанных представлений имеют социальные факторы, выступающие в качестве негативного поведенческого образца: неблагополучное семейное окружение, влияние авторитетных девиантных сверстников, отсутствие положительных ролевых моделей среди близких и т. д. Насилие, бедность или социальная изоляция по любым основаниям способствуют формированию представлений о преступном поведении как норме, что приводит к раннему вовлечению в криминальную деятельность. Сниженные когнитивные способности как результате недостаточного доступа к образовательным и социальным развивающим ресурсам, могут усиливать степень криминализации ввиду отсутствия понимания границ, за «преступление» которых возникает ответственность.

Важную роль в указанной модели формирования повторного преступного поведения имеет стигматизация, приводящая к тому, что несовершеннолетний, его семья или любая другая малая социальная группа подвергается отрицательным оценкам и предвзятым мнениям со стороны общества из-за определенных характеристик (совершение правонарушений). В этой связи ярким является пример, когда педагогический состав, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних и другие субъекты профилактики в случае совершения преступления определяют круг лиц, которые вероятно могут быть потенциальными подозреваемыми. Подобное навешивание ярлыков иногда становится причиной трагедии. В 2017 году при совершении кражи в

одной из школ Вологодской области учителем был заподозрен подросток, ранее совершивший кражу. По окончании проведения мероприятий сотрудниками органов внутренних дел и неустановлении его причастности к совершению преступления подросток совершил суицид¹.

Стигматизация как социальное явление приводит к социальной изоляции, дискриминации и дезорганизации самопроцессов у затронутых лиц, усугубляя их психологические проблемы и затрудняя интеграцию в общество.

Впервые термин «социальный стереотип» ввел У. Липпман, описывая социальные стереотипы как образы мира, которые экономят усилия человека при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. У. Липпман выделил две важные причины, влияющие на формирование стереотипов: использование принципа экономии усилий, характерного для повседневного человеческого мышления, и защита существующих групповых ценностей и своих прав [82].

Стереотип — это принятое отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта.

Стереотип — это зафиксированная мыслительная конструкция, автоматическая умственная реакция. Стереотипы порождают суждения и оценки. Стереотип представляет собой схематическое, оформленное в стандарт восприятие социального или культурного явления, обладающее большой устойчивостью. Механизм действия стереотипов заключается в том, что мы замечаем только то, что ранее сформулировано для нас нашей культурой. И воспринимаем это замеченное в форме стереотипов своей культуры [95].

Нарушение формирования идентичности становится еще одним фактором при исследовании ранней криминализации как модели формирования повторной преступности. Впервые об идентичности в психологии заговорил Э. Эриксон в концепции психосоциального развития личности, в которой раскрыл проблемы понимания себя и своего места в мире. Под идентичностью ученый понимал «конфигурацию, которая возникает путем успешного эго-синтеза и ресинтеза в течение детства. Эта конфигурация постепенно объединяет

¹ После самоубийства школьника в Бабаево его учителя подвергли травле. URL: <https://rg.ru/2017/03/08/reg-szfo/posle-samoubijstva-shkolnika-v-babaevo-ego-uchitelia-podvergli-travle.html> (дата обращения: 10.10.2024).

конституциональные задатки, базовые потребности, способности, значимые идентификации, эффективные защиты, успешные сублимации и постоянные роли» [139].

Чувство идентичности, по Э. Эриксону, может быть рассмотрено через:

1. Личностное тождество и историческая непрерывность — подразумевает осознание себя как уникальной личности, обладающей определенными чертами, ценностями и убеждениями, которые остаются относительно стабильными на протяжении времени. Включает в себя понимание своего опыта и жизненных факторов, которые повлияли на формирование «Я».

2. Сознательное чувство личностной идентичности, основанное на восприятии себя как тождественного и осознании непрерывности своего существования во времени и пространстве. Важным аспектом является признание этого тождества другими людьми, что получило наименование социального признания.

3. Динамика переживания чувства идентичности, обусловленная возрастом. Важное значение приобретают связь между прошлым и будущим; соответствие между личными желаниями и общественными ожиданиями.

Обладание идентичностью, по Э. Эриксону, включает в себя:

1) ощущение собственной неизменности, что означает стабильное восприятие личности даже при изменении обстоятельств, статуса или ролей. Человек адаптируется к новым условиям, но его основное «Я» остается неизменным;

2) целостность прошлого, настоящего и будущего как взаимосвязанных частей;

3) социальное признание и его роль в идентичности. Осознание того, что другие признают и поддерживают непрерывность и неизменность личности является важным социальным измерением идентичности.

Тем самым ранняя криминализация, усиленная системной стигматизацией и дезорганизацией самопроцессов, затрудняет интеграцию несовершеннолетних в просоциальную деятельность в частности и общество в целом, создавая порочный круг, в котором криминальное поведение становится не только способом выживания и формой взаимодействия, но и устойчивой стратегией, формирующей идентичность несовершеннолетнего.

Б) Продолжающаяся («поощряемая») криминализация

В данной модели формирования повторной преступности индивид продолжает совершать преступления и правонарушения в результате систематического поощрения или отсутствия адекватных степени опасности совершаемого деяния уголовно-правовых последствий. У несовершеннолетнего развиваются устойчивые представления о возможности продолжения криминальной модели поведения, в том числе при осознании, какие действия преступают закон, а какие нет.

Отсутствие эффективных механизмов привлечения к юридической ответственности способствует дальнейшей криминализации. «Поощрение» криминального поведения становится возможным и в результате несовершенства уголовного закона, приводя к тому, что по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних принимаются слишком мягкие меры наказания. Существенная часть преступлений остаются нераскрытыми, определяя непривлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних и как бы «поощряя» его к их дальнейшему совершению.

Одобрение окружающими (криминализированными) антиобщественного поведения усиливает вовлеченность несовершеннолетнего в криминальную среду, а применение норм и ценностей криминальной субкультуры в повседневной жизни приводит к усугублению криминальных наклонностей.

Г. Лебон отмечает эффект поддержания коллективной иррациональности, описывая некую общность как коллективный организм, управляемый инстинктами и примитивными чувствами, где личная ответственность исчезает, а люди становятся более внушаемыми и склонными к импульсивным действиям [80].

В данной модели формирования повторной преступности особое значение имеют иррациональные установки, под которыми понимаются сознательные установки, когда анализ происходящих событий происходит без критической оценки в результате пережитого опыта. Произошедшее событие производит эмоциональное потрясение, побуждая индивида находиться в непосредственном переживании, и не позволяя ему аналитически и логически мыслить. Иррациональность становится причиной повышенной внушаемости или предвзятости [97].

Природа иррациональных установок раскрыта в теории А. Эллиса, который считал, что человек обладает врожденным потенциа-

лом, включающим в себя две стороны: рациональную и иррациональную, каждая из которых всегда присутствуют в человеке, и их баланс влияет на поведение, эмоции и восприятие Другого [138].

Корни факторизации повторяющейся криминализации находятся в теории З. Фрейда, объясняющего поведение бессознательной (иррациональной) структурой личности. В качестве ведущих З. Фрейд называет три инстинкта: агрессии, смерти и жизни. Поведение человека определено взаимодействием трех структур личности: Ид, Эго и Суперэго – это бессознательное, иррациональное стремление к немедленному удовлетворению примитивных растений, таких как инстинкты жизни, агрессии и смерти. Эго, основанное на принципе реальности, пытается сбалансировать требования Ид, а Суперэго, являющееся носителем моральных норм, стремится контролировать импульсы Ид. В результате данного конфликта человек и формирует поведение [126].

Иррациональные установки проявляются на трех уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом [134]. На когнитивном уровне иррациональные установки способствуют сужения мышления, определяя черно-белое восприятие событий или даже их катастрофизацию — восприятие любых ситуаций в негативном ключе — индивид формулирует те или иные вывод нелогично, не обращаясь к разумному рассуждению. У несовершеннолетних может наблюдаться сужение мышления, характеризуемое восприятием мира в черно-белых категориях. Например, конфликт со сверстником может восприниматься как катастрофа, что приводит к иррациональным решениям, обусловленным местью, обидой, агрессией и т. д. Они не рассматривают альтернативные способы разрешения конфликта и действуют импульсивно.

На эмоциональном уровне иррациональные установки вызывают сильные негативные эмоции, зачастую несоразмерные ситуации. Эмоции затмевают разумное восприятие и препятствуют адекватной оценке последствий своих действий, приводя к правонарушениям.

На поведенческом уровне иррациональные установки становятся побудителем импульсивных поступков.

В) Усиление маргинализации

Маргинализированные подростки часто оказываются вне действия социальных норм и ценностей, а отсутствие поддержки просоциального начала со стороны семьи или друзей приводит к внутри-

личностному конфликту, повышая риск вовлечения в преступное поведение, которое рассматривается как единственный способ обеспечить себя благами, доступными современному человеку. Маргинализация обуславливает возникновение чувства безысходности, определяющие отсутствие стремлений к положительным изменениям, что усиливает криминогенность личности.

Существенную роль в маргинализации несовершеннолетних играет *психологическое благополучие личности*. Исследования в рамках атрибутивного подхода показывают, что с точки зрения поддержания психологического благополучия продуктивно обращение к стратегиям оптимистического мышления, включающим конструктивные мысли о причинах неудач, акцентирование контролируемых аспектов ситуации, направленность на конструктивные будущие действия, а не поиск виновных или глобальное обвинение себя в произошедшем. Однако отсутствие опыта и психологических навыков у несовершеннолетнего не позволяет ему поддерживать психологическое благополучие, определяя искажение представлений о себе, отсутствие уверенности в собственной социальной компетентности, побуждающей к поиску иной социальной роли, которая могла бы компенсировать уровень его самооценки.

Психологическое благополучие несовершеннолетних определяется ощущением поддержки со стороны социального пространства, исключая родственные связи. Чувствительность к социальному статусу и представлениям о себе, сопровождаемая отсутствием поддержки со стороны социального пространства, закладывает платформу для дальнейшей криминализации и отдаления от общества.

Г) Повторное преступление как результат социальной дезадаптации

Повторное преступление как результат социальной дезадаптации возникает в результате сложного взаимодействия социальных, психологических и экономических факторов, успешной интеграции в общество в условиях его постоянных изменений.

Следует обозначить положения Э. Тоффлера в концепции *футуришоков* (англ. *future* – будущее; *shock* – шок, потрясение), под которыми он понимал психологическое состояние, возникающее в условиях стремительного изменения технологий, культуры и общества. Чрезмерно быстрое развитие технологий и ускорение темпов

жизни приводят к дезориентации, дезадаптации и стрессам, поскольку представители социума на конкретном этапе общественного развития не успевают адаптироваться к трансформации. Для несовершеннолетних данные факторы могут иметь более тяжелые последствия, приводя к попыткам обратить внимание на собственные психологические проблемы. Состояние, испытываемое индивидом в результате подобных стремительных изменений, Э. Тоффлер назвал «футуршок», сравнивая его с культурным шоком, который человек испытывает при столкновении с чужой культурой [116]. Современные несовершеннолетние живут в условиях постоянных перемен, требующих все более высокой адаптивности, но одновременно вызывающих ряд деструктивных состояний и отклонений в поведении.

Далее обратимся к изучению личности несовершеннолетнего, неоднократно совершающего преступления. И. В. Упоров подчеркивает, что повторная преступность становится результатом взаимодействия факторов [118]:

- воспитание в условиях социального неблагополучия (девиации родителей, низкий материальный статус, отсутствие образования и т. д.);
- проблемы адаптации к общественным стандартам, непонимание и неспособность соответствовать усложняющимся требованиям общества;
- повышенная внушаемость и иные психоматологические характеристики, обуславливающие податливость внешнему (в том числе асоциально приобщающему) воздействию;
- раннее приобщение к психоактивизирующим веществам;
- отсутствие ограничений в использовании интернета, медиа, социальных сетей и т. д.

А. А. Ощепков установил достоверные различия в приоритете ценностей: в криминальной среде — счастье других, развлечения, смелость в отстаивании мнения, чуткость, в нормативной — зрелость, достигаемая жизненным опытом; выявлены особенности ориентации девиантов на самоутверждение в социальном окружении, при этом у правопослушных подростков — акцент сосредоточен на получении жизненного опыта через взаимодействие с окружающими. Среди несовершеннолетних, повторно совершающих преступления, преобладают ценности свободы и независимости, ориентация на деньги как средство освобождения от навязанного требования соблюдения социальных норм [98].

Е. И. Ильянковой установлено, что к повторному совершению преступлений приводит отсутствие четких жизненных целей, сформированных представлений о своем будущем, ощущение собственной бесполезности, как компоненты психологического благополучия личности [60].

А. Г. Сапунов в качестве ведущего фактора выделяет деструкции правовознания, недостаточные знания правовой системы, отрицательное отношение к ней, намеренное игнорирование правовых норм [105].

Г. Г. Шиханцов обращает внимание на дефекты правовой социализации, выражающиеся в правовом негативизме, правовом инфантилизме, правовом нигилизме, сознательном преступном поведении, определяющие низкую осведомленность о правовых ограничениях и запретах, пренебрежение правовыми нормами в значимой социальной группе, сниженные механизмы контроля правового поведения, отсутствие юридических последствий за совершение деяния и т. д. [135].

И. И. Ветровой выделена проблемы контроля поведения как независимого механизма саморегуляции и его роль в формировании повторной преступности. Подчеркивается своеобразие структуры контроля, включающей когнитивный, волевой и эмоциональный компоненты, и обсуждается их возрастная динамика и взаимосвязь с механизмами совладания и психологической защиты. Высокий уровень контроля поведения ассоциируется с эффективным использованием копинг-стратегий, способствуя решению проблем, поиску социальной поддержки и обеспечивая низкий уровень тревожности и общую приспособленность в жизни [24].

Е. Б. Михайлюк обнаруживает взаимосвязь между выраженностью поведенческих девиаций у несовершеннолетних и степенью неадаптивности их стиля защитно-совладающего поведения. Сильное напряжение психологической защиты, доминирование защит примитивного уровня и сниженная эффективность совладающего поведения могут быть факторами, способствующими девиантному поведению. Автор выделяет четыре различных стиля защитно-совладающего поведения у девиантных несовершеннолетних: «относительно адаптивный», «неадаптивный», «ограждающий» и «невротический». Эти стили связаны с конфликтами в Я-концепции личности и отличаются по эффективности системы психологической защиты и совладающего поведения. Важное внимание уделяется специфике каждого стиля, связанной с копинг-ресурсами личности, включая акцентуации ха-

рактера, личностный профиль, способы поведения в трудных ситуациях и особенности отношения к ответственности [92].

А. А. Федонкина настаивает на преимущественной роли личностной незрелости в формировании криминогенной личности. Под данным конструктом она понимает недостаточную сформированность личностных свойств, регулирующих социально значимое поведение. В результате эмпирического исследования ученый установила, что личностная незрелость влияет на способность несовершеннолетних правонарушителей осознавать свои противоправные действия и снижает волевую регуляцию их деятельности. Критериями оценки являются признаки личностной незрелости в сочетании с ситуационными внутренними и внешними факторами, влияющими на систему осознанной регуляции их поведения [120].

Е. И. Сулимовской подчеркивается значение инфантилизма, характеризующегося сохранением черт детского поведения и недостаточной зрелостью в социальных взаимоотношениях, обуславливает определенные трудности в адаптации к социуму и эмоциональном самоконтроле, что создает благоприятные условия для развития девиантных тенденций. Неспособность адекватно взаимодействовать с обществом, сочетаемая с недостаточной ответственностью, может привести к нарушению социальных норм, агрессивному поведению или зависимостям как форме неконтролируемого эмоционального реагирования на стрессы [111].

А. В. Мангир выявила у несовершеннолетних, совершающих повторные преступления, высокую степень антиобщественных установок, выражающуюся в количестве судимостей; утрату интереса к учебе, специфическую мотивацию к преступной деятельности и социальные аномалии [83].

Таким образом, изучение проблемы повторной преступности несовершеннолетних требует внимания к пониманию взаимодействия социальных процессов и личностных особенностей несовершеннолетних. Выявление моделей формирования повторной преступности способствует разработке эффективной системы профилактики. В качестве данных моделей мы определяем раннюю криминализацию, или совершение преступлений, правонарушений, как образ жизни; продолжающуюся («поощряемую») криминализацию; усиление маргинализации; повторная преступность как результат социальной дезадаптации.

Прогнозирование криминального поведения несовершеннолетних правонарушителей

Проблема предупреждения криминального поведения несовершеннолетних стоит особенно остро в связи с существенным количеством совершаемых ими преступлений. Так, статистические данные показывают, что в 2023 году органами внутренних дел выявлено 27 325 преступлений, совершенных несовершеннолетними, в том числе¹:

- повторно совершивших преступлений — 5 156;
- в составе группы — 9 554;
- совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления — 9 428;
- ранее судимых за преступления — 1 990;
- вовлеченных в совершение преступления или антиобщественных действий — 1 118;
- в состоянии алкогольного опьянения — 2 140.

Оценка определенного риска – это показатель, основанный на вероятностных расчетах того, что в будущем произойдет определенное нежелательное событие [35].

Возможности прогнозирования криминального поведения несовершеннолетних правонарушителей определяются изучением его причин, осуществляемым в рамках нескольких основных подходов.

В *социальном подходе* внимание акцентируется на проблемах социального функционирования и нарушений социальных связей криминогенной личности.

Поведенческий подход описывает психологические трудности, с которыми сталкиваются несовершеннолетние после совершения преступления и отбытия наказания.

Клинический подход оценивает аномалии личности, которые могут препятствовать ресоциализации и реинтеграции после совершенного преступления, фокусируясь на психопатологиях и личностных расстройствах.

Прогноз криминального поведения несовершеннолетних требует объединения методов оценки, предоставляемых вышеуказанными с учетом не только уровня риска, предоставляемого криминогенной

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – ноябрь 2023 года. URL: file:///C:/Users/honor/Downloads/Sbornik_23_11_dlya_UOS.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

личностью для общества, но и ее индивидуально-значимые потребности, ресурсы, жизненные цели и ценности [38].

В психологии к настоящему времени сложилось два ведущих *подхода к оценке риска преступного поведения*.

1. *Клинический* — основан на субъективной оценке личности, поведения, биографии и обстоятельств жизни конкретного человека. Методами, применяемыми в рамках данного подхода, являются биографическое интервью, психодиагностическое тестирование, анализ истории поведения, оценка социальной среды и т. д.

Биографическое интервью — фокусируется на сборе информации о жизненном опыте несовершеннолетнего, включая его детство, семейное окружение, образование, социальные контакты, учебную деятельность, наличие криминального опыта. При использовании данного метода не требуется использование строгой структуры, а исследователь может адаптировать вопросы в зависимости от ответов респондента. В качестве специфических условий интервью выделяют: формат лицом к лицу; создание доверительной атмосферы; внимание к невербальным сигналам и эмоциональным реакциям. Собранные данные анализируются для выявления специфических особенностей, которые могут указывать на риск криминального поведения.

Психодиагностическое тестирование — основано на использовании стандартизированных опросников и направлено на выявление психических, когнитивных, поведенческих и др. особенностей. Процесс тестирования проходит в контролируемой обстановке, используются как проективные (например, тест Роршаха), так и стандартизированные опросники (такие как MMPI).

Анализ истории поведения представляет собой информации о прошлых событиях, социальном взаимодействии с целью установления фактов проблемного поведения и его возможных причин.

Оценка социальной среды направлена на обобщение и анализ социальных факторов, влияющих на поведение несовершеннолетнего.

Преимущества клинического подхода:

- учитывает индивидуальные особенности конкретного несовершеннолетнего;
- позволяет глубже понять психологические факторы, влияющие на поведение;
- обеспечивает выявление специфических обстоятельств.

Недостатки:

- вероятность субъективности в оценке личности и предвзятости;
- ограниченная возможность обобщения результатов на других лиц;
- зависимость от квалификации и опыта специалиста.

2. *Статистический (актуарный) подход* — основан на использовании количественных данных, получаемых при анализе больших выборок, и выявлении закономерностей поведения.

Методами, применяемыми в рамках данного подхода, являются: алгоритмы и модели прогнозирования вероятности риска, анализ демографических, социальных и криминальных данных, выявление закономерностей.

К преимуществам подхода относят:

- объективность и воспроизводимость результатов;
- возможность применения к большим группам;
- способность выявлять общие тенденции и закономерности в поведении.

В качестве недостатков выделяют:

- игнорирование индивидуальных особенностей конкретных лиц;
- зависимость от качества и полноты данных;
- риск чрезмерного обобщения.

Прогнозирование вероятности криминального поведения включает изучение следующих подсистем личности.

Индивидуально значимые потребности, позволяющие выявить причины криминального поведения человека и на основе них прогнозировать вероятность криминального поведения. Сосредоточены на анализе мотивации, определении конкретных мотивов, которые привели к первому преступлению (если таковое имело место).

Мотивацию определяют как «систему внутренних факторов, вызывающих и направляющих ориентированное на достижение цели поведение человека; процесс, управляющий поведением человека, задающий его направленность, организацию, активность и устойчивость; способность человека деятельно удовлетворять свои потребности» [128]. В среде несовершеннолетних выделяют следующие мотивы криминального поведения: корысть, месть, злость, зависть, ревность, повышение авторитета, чувство товарищества, хулиганские побуждения, влияние окружения и т. д.

Ресурсы личности, которые помогают справиться с трудностями в контексте успешной реинтеграции в общество, включая оценку влияния семьи, друзей и социальной среды на поведение несовершеннолетнего.

Жизненные цели и ценности, их сущность и направленность, способность к изменению поведения.

Обращение к субъектности криминогенной личности является важным аспектом разработки теоретической основы инструментов прогноза. Это предполагает, что каждый индивид является активным участником своего жизненного пути и способен к изменениям.

Е. Б. Кириллова и Е. Г. Зуева подчеркивают прогностическую ценность дискриминантного анализа в выявлении и классифицировании индивидуальных особенностей несовершеннолетних, связанных с девиантным поведением [65]. В результате проведенного эмпирического исследования ученые выявили наличие личностных черт, детерминирующих отклоняющееся поведение, указывающее на значимость индивидуальных различий в структуре личности девиантного подростка.

Ими определены восемь общих черт, характеризующих «девиантность – правопослушность»: агрессия, враждебность, раздражительность, чувство вины, психопатия, нейротизм, интроверсия и открытость, выступающие в качестве прогностических критериев определения склонности к девиантности (точность прогноза — 97%, что свидетельствует о высокой чувствительности, валидности и качестве использованных методов психологического исследования). Результаты исследования подтверждают, что личностные характеристики играют ключевую роль в понимании и прогнозировании девиантного поведения, открывая новые горизонты для разработки профилактических и коррекционных программ [65].

В исследовании Е. А. Дядченко подчеркивается, что надежный прогноз рецидивных преступлений среди несовершеннолетних мужчин, осужденных без лишения свободы и находящихся на учете уголовно-исполнительной инспекции, обеспечивается интегративной моделью, сочетающей клинические и актуарные методологии, учитывающие как субъективные, так и объективные факторы риска. Основные детерминанты рецидивов включают криминогенный потенциал личности, ситуативные условия и стремление к самоутверждению в асоциальных группах сверстников. Деструктивные изменения в ценностно-смысловой сфере личности и влияние внешних факторов (дис-

функциональные семьи, плохая учеба) также способствуют криминализации подростков, что определяет необходимость комплексной оценки факторов при прогнозировании криминального поведения несовершеннолетних [39].

Таким образом, комплексный подход к прогнозированию криминального поведения несовершеннолетних включает в себя анализ потребностей, ресурсов, жизненных целей и ценностей личности.

*Педагогические особенности воздействия сотрудников
органов внутренних дел на ранее судимых несовершеннолетних лиц*

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.06.1999 №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних является одной из основных задач деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В процессе работы сотрудников органов внутренних дел с ранее судимыми несовершеннолетними лицами осуществляется психолого-педагогическое воздействие, под которым понимается сознательное и целенаправленное воздействие на психические процессы личности с целью побудить ее изменить или закрепить выбор варианта поведения.

Современная система воздействия сотрудников органов внутренних дел на ранее судимых несовершеннолетних требует соблюдения ряда психолого-педагогических условий[199]:

- учет психолого-возрастных особенностей;
- опора на уровень когнитивных способностей;
- внимание к специфике адаптации и ресоциализации.

На протекании адаптации и интеграции ранее судимых несовершеннолетних влияют:

- новая внутренняя позиция;
- качественные изменения познавательной сферы — знаковая функция сознания, произвольность психики, дифференцированное восприятие, познавательные интересы;
- соподчинение мотивов личности и волевые качества;
- способность выстраивать конструктивные отношения со сверстниками;

- умение принимать условную ситуацию, учиться у взрослого, регулировать свою деятельность.

О дезадаптации несовершеннолетнего свидетельствует ряд характеристик:

- снижение позитивной мотивации;
- повышенная конфликтность, агрессивность, тревожность;
- нарушения в отношениях;
- неумение принимать критику и т. д.

Эффективность адаптации ранее судимых несовершеннолетних обеспечивается рядом характеристик:

- психовозрастные характеристики;
- состояние психофизического здоровья;
- степень общей психологической готовности к просоциальному поведению;
- особенности социальной среды;
- особенности семейного воспитания и психологическое состояние семьи;
- нормативность поведения и др.

А. В. Воронцов особое значение придает роли общения и выделяет три важнейшие направления общения ребенка, обуславливающие его адаптацию[27]:

- отношение к взрослому;
- отношение к сверстнику;
- отношение к самому себе.

Несовершеннолетний старается завоевать внимание и стать лидером, и если он не может показать себя с хорошей стороны, то готов продемонстрировать негативные стороны своего характера. Контроль над своими чувствами только начинает формироваться, что отражается на поведении: он становится грубым, нервным. Повышенная склонность к депрессии, неуверенность в себе, заниженная самооценка, повышенная подозрительность и проявление тревожности на фоне эмоциональной нестабильности являются частым следствием трудностей в ресоциализации несовершеннолетних [198].

Общепринятая структура педагогического общения определяет требования к профессионально-педагогическим способностям сотрудника органов внутренних дел при работе с ранее судимыми несовершеннолетними:

- социально-психологические (умение устанавливать контакт, производить благоприятное впечатление, способность к рефлексии,

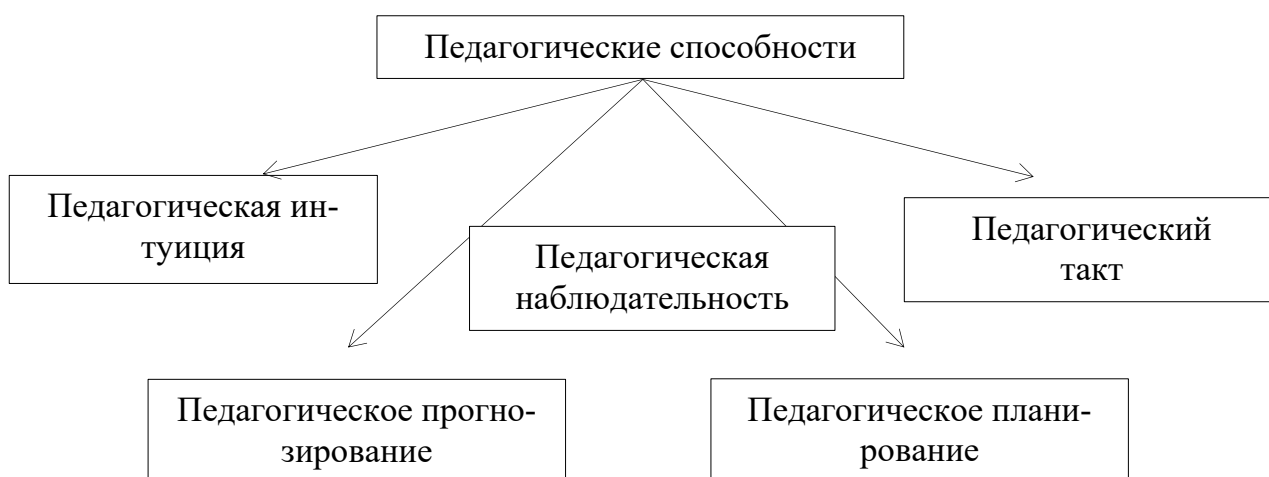
умение применять психолого-педагогические приемы, способность предупреждать конфликты и конструктивно разрешать их и др.);

- нравственно-этические (неуклонное следование принципам гуманизма, соблюдение профессионально-педагогического этикета, норм морали и нравственности, способность доносить указанные нормы до несовершеннолетних, способствовать их усвоению);

- эстетические (выражается в соответствии требованиям к личности сотрудника, способности приобщать несовершеннолетних к культуре и нравственности и т. д.);

- управленческие (способность подбирать оптимальный стиль общения, сочетать различные способы взаимодействия, обеспечивать воспитательное воздействие).

Структура педагогических способностей сотрудника органов внутренних дел, обеспечивающих эффективность педагогического воздействия на несовершеннолетнего, представлена элементами:

- педагогическая интуиция — умение правильно подбирать методы и способы педагогического общения в зависимости от специфических особенностей несовершеннолетнего;

- педагогическая наблюдательность — умение распознавать изменения в поведении несовершеннолетнего;

- педагогическое планирование — умение организовать ситуацию педагогического общения для обеспечения его эффективности;

- педагогическое прогнозирование — умение проектировать последствия, оценивать перспективы и предполагаемые результаты воздействия;

– педагогический такт — умение поддерживать конструктивные отношения вне зависимости от личностных особенностей, уровня способностей несовершеннолетних и т. д.

Методическими рекомендациями по работе с ранее осужденными несовершеннолетними обозначены следующие направления педагогического воздействия сотрудников органов внутренних дел [91]:

– выявление особенностей социальной ситуации развития в семейной среде;

– определение уровня воспитанности, образованности, социализированности личности, степени отклонений от возрастной и социальной норм;

– выявление позитивных и негативных факторов воздействия различных сред жизнедеятельности несовершеннолетних;

– осуществление комплекса мероприятий по социально-педагогической защите;

– участие в осуществлении работы по трудоустройству, патронату, обеспечению жильем, пособиями, пенсиями и т. д.;

– взаимодействие с учителями, родителями (лицами их замещающими), специалистами социальных служб, семейных и молодежных служб занятости, с благотворительными организациями и др. в оказании педагогической помощи обучающимся.

4.3. Психолого-педагогические основы предупреждения рецидивной преступности ранее судимых совершеннолетних лиц

Основываясь на ранее выполненном в главах 1–3 монографии обзоре констатируем, что эффективность психолого-педагогических мер воздействия осуществляемых в рамках probation в значительной мере предопределяется точностью психологической диагностики и соответствием методов воздействия на криминогенную личность задачам профилактики. Несмотря на очевидную ясность этого положения, современный арсенал методов и средств психолого-педагогического воздействия характеризуется многообразием, и при этом отсутствием методической строгости, обеспечивающей результативность его применения. Зачастую воздействие характеризуется эклектичным смешением методик, относимых к различным теориям, для решения задач используется рекомендованный специалисту, а не актуализированный комплекс методик, психологический и педагогиче-

ский инструментарий применяется отдельно, поскольку цели воздействия данных специалистов отличаются.

В результате, воздействие на ранее судимых лиц характеризуется не специфичностью воздействия выражающейся в ознакомлении с проблематикой, а не в изменении ее психологических оснований. Отчасти складывающаяся ситуация обусловлена недостаточной разработанностью теории профилактики рецидива, которая бы интегрировала знания о множественных причинах его осуществления и направлениях психолого-педагогического воздействия специалистов. Одним из шагов в направлении ее становления выступает выполненное нами обобщение теорий, концепций и эмпирического опыта институтов пробации зарубежных стран, применяемого в целях предупреждения рецидива преступления.

Основой применения психолого-педагогических методов предупреждения рецидивных преступлений служит синтез положений отдельных криминологических и психологических теорий:

- концепция криминальной девиации L. W. Sherman, которая основывается на идее того, что рецидив является следствием восприятия уголовного наказания как несправедливого и стигматизирующего, слабых связей с социальным окружением и отрицания чувства стыда [210].

- концепция декриминализации R. J. Sampson, J. H. Laub, акцентирующая роль «точек поворота» в жизненном пути, которые могут как усугубить криминализацию личности приведя к совершению нового преступления, так и способствовать декриминализации, путем отказа от криминального образа жизни в пользу правопослушного [208];

- теория социального научения A. Bandura, объясняющая устойчивость криминального поведения через усвоенные модели и подкрепление путем викарного научения в криминогенных группах сверстников [144];

- исследования криминального жизненного пути J. H. Laub, демонстрирующие, что для организованных и рецидивных преступников характерны продолжительные, гибкие и адаптивные траектории [185], сохраняющиеся далеко за пределами молодого возраста, что требует долгосрочного и специализированного подхода;

- эмпирические исследования индивидуально-психологических особенностей криминогенных лиц [218], позволяющие выделить в числе детерминант рецидива психопатический комплекс свойств

личности (импульсивность, бесчувственность и неспособность к эмпатии) [147], а также неспособность к саморегуляции поведения (поиск острых ощущений, неспособность учитывать долгосрочные последствия своих действий) [222].

Исследование Н. Bergstrøm и D. P. Farrington подтверждает, что психопатический комплекс свойств личности, выявленный уже в возрасте 8–10 лет, является предиктором риска совершения криминального насилия [146].

Следует указать, что социальное окружение криминогенных лиц зачастую также состоит из подобных индивидов, что через механизм дифференциальной ассоциации приводит к усвоению не только модели криминального поведения, но и установок, оправдывающих преступление [202].

Описанные теории, концепции и эмпирический опыт расширяют представление о направлениях психолого-педагогического воздействия на неоднократно судимых лиц в целях предупреждения рецидива. Помимо теоретической функции они имеют и методическое значение, поскольку предписывают определенные цели психолого-педагогического воздействия. Однако их применение может быть ограничено в связи с отличием социально-культурных, правовых и экономических условий зарубежных стран от нашей страны.

Характеризуя проблемы социального функционирования неоднократно судимых лиц по критериям его эффективности и правопослушности, можно выделить несколько типичных моделей, свойственных неоднократно судимым лицам, освободившимся из исправительных учреждений, и пригодных для разработки программ психолого-педагогического воздействия [41].

Наиболее проблемными с точки зрения рецидива являются *отчуждающе-дисфункциональный* тип, для которого характерны разрыв социальных связей, отсутствие жилья и работы, и второй, *криминогенно-дисфункциональный* тип, отличающийся наличием связей с семьей, но преобладанием криминальных установок над правопослушными и вовлеченностью в криминальные группы.

Различия между этими типами определяют и различия в задачах probation. Для работы с первым типом целью является оказание экстренной инструментальной поддержки социального функционирования (содействие в получении документов, направление в социальные учреждения). В случае второго типа усилия должны быть сосредоточены на нейтрализации влияния криминального окружения

и реструктуризации установок, поддерживающих криминальный образ жизни, при одновременной помощи в трудовом и бытовом устройстве.

Для *правопослушно-дисфункционального* типа, который характеризуется просоциальной направленностью, но объективными жизненными трудностями, ключевой задачей пробации становится оказание интенсивной социально-психологической поддержки. В соответствии с теорией социальной поддержки [155] именно предоставление инструментальной (помощь в поиске работы, жилья) и эмоциональной поддержки является механизмом, способствующим декриминализации. Сотрудник, осуществляющий психолого-педагогическую работу, в этом случае оказывает помощь в формировании позитивного самоотношения.

Наиболее перспективным является *правопослушно-функциональный* тип личности рецидивиста, психолого-педагогическое воздействие на которого должно быть направлено на закрепление просоциальных представлений, развитие мотивации к правопослушному образу жизни и оказанию содействия в построении долгосрочных жизненных планов.

Конкретизируем механизм психолого-педагогической профилактики поведения неоднократно судимых лиц. Механизм предупреждения представляет собой многоуровневую систему психолого-педагогических воздействий, направленных на ключевые детерминанты рецидивного поведения [196]. Его ядром является последовательная работа по трем взаимосвязанным направлениям:

1. Когнитивно-поведенческая реконструкция. Данное направление нацелено на выявление и коррекцию криминогенных когнитивных искажений (например, враждебной атрибуции, обесценивания последствий, правового нигилизма), формирование навыков просоциального решения проблем, управления гневом и импульсивностью. Это основа для разрыва связи «криминогенная личность – криминогенно значимая ситуация – криминогенное поведение».

2. Развитие эмоционального интеллекта и способности рефлексии. Основываясь на представлении о криминогенном значении низкого эмоционального интеллекта и рефлексии, данное направление психолого-педагогической работы ориентировано на их развитие.

В краткосрочной перспективе противодействия рецидиву направление фокусируется на помощи в осознании, принятии и конструктивном управлении эмоциями, связанными с событием пре-

ступления и его последствиями, такими как стыд, вина, обида и гнев. Поскольку непризнанный стыд часто лежит в основе агрессивного отторжения социальных норм, его проработка в виде признания вины способствует усилению моральной регуляции поведения и самоконтролю [222]. В долгосрочной перспективе важным результатом воздействия является формирование рефлексивных способностей и эмпатии. Это позволяет переосмыслить криминогенным лицам свой прошлый жизненный опыт с социальных позиций и повысить чувство ответственность за собственную жизнь. Развитие способности к эмпатии, осознанию последствий своих действий для других и формированию навыков просоциального взаимодействия является долгосрочной целью психокоррекционного воздействия, направленной на развитие социального интеллекта, компенсируя тем самым недостатки социализации [164].

3. Развитие навыков самоконтроля и саморегуляции фокусируется на преодолении импульсивности и склонности к сиюминутному удовольствию. Поскольку зачастую криминогенные лица характеризуются меньшей внимательностью, предпочитают простые решения сложных ситуаций, фокусируются на ближайших целях и не учитывают отдаленные последствия, им необходимы тренинги когнитивного контроля и планирования долгосрочных целей [152].

4. Социально-педагогическая реинтеграция включает формирование способности неоднократно судимых лиц к взаимодействию с государственными институтами. Это педагогически организованная деятельность по развитию возможностей личности в получении образования, профессиональной переподготовки, трудоустройства, налаживания здоровых семейных отношений и включения в законопослушные сообщества. Декриминализирующее значение данного направления заключается в социальной интеграции через увеличение стремления и, наряду с этим, социальной ценности криминогенных лиц путем их ориентации на получение образования, участия в социально значимых инициативах.

Возрастная дифференциация психолого-педагогического воздействия

Как показывают ранее выполненные исследования, эффективность мер воздействия напрямую зависит от учета возрастнопсихологических особенностей ранее судимых лиц. На основе ранее выполненного во второй главе монографии анализа, условно можно

выделить три целевые группы: молодежь (18–30 лет), лица зрелого возраста (31–50 лет) и пожилые рецидивисты (старше 50 лет). Детализируем подходы с учетом психологических особенностей криминализации и декриминализации данных возрастных групп.

1. Молодежь (18–30 лет). Данный возраст характеризуется активным самоопределением, высокой готовностью к трансформации, но при этом и значительной подверженностью влиянию криминальной субкультуры. Кроме того, для криминализированной молодежи свойственен низкий самоконтроль и стремление к поиску «острых ощущений».

Психологический аспект воздействия заключается в предотвращении формирования криминальной направленности. Работа ведется в рамках когнитивно-поведенческого подхода с акцентом на выработку навыков отказа от влияния социального окружения, развития альтернативных криминальному сценариев самореализации, опираясь на возрастную потребность в признании и высоком социальном статусе.

Педагогический аспект: следует уделять внимание вовлечению в образование и профессиональную ориентацию, что будет противодействовать характерной для низкого самоконтроля гедонистической ориентации.

Необходимо создавать условия для получения востребованной профессии, параллельно формируя способности к социальному функционированию (социально-правовая и финансовая грамотность, необходимые для трудоустройства знания и навыки). Педагогическое сопровождение должно быть наставническим, помогая выстроить жизненную перспективу и разорвать связи с криминальным окружением через включение в социально значимые направления активности.

2. Лица зрелого возраста (31–50 лет). Для криминогенных лиц данной возрастной группы свойственна устойчивая криминальная направленность и длительные отношения с криминальным окружением, отсутствие результативного взаимодействия с правопослушными лицами, его низкая функциональность (в терминах социального капитала — малый социальный капитал), негативное влияние последствий нескольких судимостей на самоотношение.

Психологический аспект: основной целью психологической работы с данной категорией лиц выступает пересмотр жизненного пути с экзистенциальных позиций, оценка собственных возможностей и определение долгосрочных жизненных перспектив. Второй целью психологического воздействия выступает формирование представле-

ний о невыгодности криминального пути и формирование нового самоотношения через социально одобряемые роли.

Содержанием работы может стать переосмысление опыта антиобщественных и противоправных деяний, принятие ответственности перед собой за собственное криминальное поведение, работа с переживанием чувства вины и стыда. На этом этапе важна работа с феноменом «выученной беспомощности» и социальной тревожностью, присущая ранее судимым лицам в связи с влиянием пенализации и социальной стигматизации. Наряду с этим важно помочь сформировать правопослушное самоотношение, например, через роль семьянина, профессионала, волонтера. В этой связи целесообразно способствовать восстановлению семейных и родственных связей, что является мощным антикриминальным фактором.

Педагогический аспект: акцент смещается на устойчивую социально-трудовую реинтеграцию. Педагогическое сопровождение приобретает характер социального посредничества: активная помощь в трудоустройстве. Образовательные программы носят характер переквалификации и повышения имеющейся квалификации. У лиц, длительное время отбывавших наказание, связанное с лишением свободы, важно формировать навыки жизнедеятельности в новых условиях.

3. Пожилые рецидивисты (старше 50 лет). Эта категория лиц часто характеризуется соматическими заболеваниями, в том числе затрудняющими трудовую деятельность, с криминальной и пенитенциарной деформацией личности в виде устойчивых установок в поведении, препятствующих выстраиванию социального взаимодействия. Нередко для пожилых людей со значительным опытом криминализации исправительное учреждение выступает единственным средством поддержки жизнедеятельности за счет ухода и оказания медицинской помощи.

Психологический аспект: ключевая задача — преодоление социально-психологической депривации и формирование смыслов для дальнейшей жизни вне пенитенциарного учреждения. Психологическая работа ведется в гериатрическом и гуманистическом ключе: помощь в принятии ограничений, связанных с возрастом и здоровьем, переживании утрат, связанных с криминальным образом жизни и длительным периодом отбывания наказания в виде лишения свободы, поиске новых и доступных форм самореализации. Критически важна психологическая поддержка в связи со страхом одиночества, немощности и смерти, при этом необходимо разрушать образ криминоген-

ной личности, демонстрируя экзистенциальную тупиковость такого пути.

Педагогический аспект: основное направление — создание поддерживающей социальной среды и организация социально-полезной деятельности. Цель — повысить уровень востребованности (ценности) в законопослушном обществе, обеспечив тем самым возможности для реинтеграции в общество.

Педагогическая деятельность сосредоточена на социально-бытовой адаптации, подключении к системам социального обеспечения и здравоохранения. Образовательный компонент минимален и может сосредотачиваться на освоении основ правовой, социальной и медико-гигиенической грамотности для пожилых.

В целом, предложенный возрастно-ориентированный подход, позволяет дифференцировать психолого-педагогическое сопровождение криминогенных лиц. Психологическая коррекция и педагогическое сопровождение составляют элементы механизма социальной реинтеграции личности, обеспечивая не формальную, а достаточно глубокую личностную трансформацию и создание прочных социально значимых связей с обществом на каждом этапе жизнедеятельности.

Завершая, отметим, что выполненная характеристика обосновывает целесообразность смещения внимания с особенностей криминогенной личности и более углубленного изучения ее взаимоотношений с обществом в целях прогнозирования рецидива. Полагаем, что для оценки риска рецидива важным является рассмотрение субъектной позиции криминогенной личности, проявляющейся в активном и целенаправленном изменении социального окружения, образовании новых социальных связей, прекращении имеющихся, трансформации отношений. Исходя из этого, полагаем целесообразным развивать и совершенствовать способности сотрудников органов внутренних дел по организации психолого-педагогического воздействия на лиц, подвергнутых пробации, как в части содержания воздействия, так и его форм, методов и средств.

Предполагается, что применение воздействия в деятельности участковых уполномоченных полиции, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних положительно скажется на эффективности профилактики рецидива преступлений, позволит снизить риск виктимизации социального окружения лиц, привлеченных или ранее привлекавшихся к уголовной ответственности.

Подводя итоги, можно заключить, что реализация мер психолого-педагогической профилактики нуждается в технологизации их применения. Ее основными этапами следует считать:

1. Определение целей, принципов и форм, условий психолого-педагогического сопровождения и алгоритма его реализации различными субъектами.

2. Конкретизации модели психолого-педагогического сопровождения с учетом социальных условий жизнедеятельности, проблем социального функционирования и криминальной направленности субъекта

3. Проведение социальной, социально-психологической и психологической диагностики, выявления значимых для сопровождения характеристик.

4. Спецификацией форм психолого-педагогического сопровождения, определением критериев и показателей их эффективности.

5. Алгоритмизацией сопровождения криминогенной личности, раскрывающей приоритет мероприятий, условия их реализации разными субъектами сопровождения, проведением мероприятий психологического информирования, консультирования и социально-психологического тренинга.

6. Разработкой индивидуально-специфичных показателей и определением их значений, свидетельствующих о риске рецидива преступления; применением данных показателей в индивидуальной работе с сопровождаемым лицом.

Выводы по четвертой главе.

Проведенный анализ позволяет сделать фундаментальный вывод о необходимости смены парадигмы в подходе к предупреждению рецидивной преступности. Традиционный фокус на контроле и исправлении личности в условиях изоляции исчерпал свой потенциал.

Важным моментом проведенного авторами исследования является вывод о том, что рецидив преступлений обусловлен в первую очередь не личностными дефектами самими по себе, а системным кризисом социально-психологических отношений между освобожденным лицом и обществом. Дисфункция этих отношений, проявляющаяся в социальной дезадаптации, разрыве связей и неспособности к конструктивной реинтеграции, является главным предиктором срыва.

В связи с этим применение психолого-педагогических мер probation должно основываться на комплексном, интегративном подходе как к совершеннолетним, так и несовершеннолетним лицам, ранее совершившим уголовное преступление. Для этого целесообразным видится:

1. В психологической диагностике риска рецидива сместить акцент на оценку способности личности к построению функциональных отношений с социальным окружением (предложенная трехблочная модель), позволяющим восстановить социальное функционирование и заместить криминальную направленность поведения на правопопослушную.

2. Переосмыслить содержание и конкретные меры психолого-педагогического сопровождения, реагируя на социально-психологические и возрастные трудности, вызванные влиянием криминальной направленности и нахождением в местах лишения свободы.

3. Индивидуализировать применение мер психолого-педагогического воздействия, учитывая как индивидуально-типологические профили риска, так и возрастные особенности различных групп осужденных.

Только через восстановление и развитие способности человека быть частью общества, выстраивать просоциальные связи и нести ответственность в рамках этих связей можно разорвать порочный круг «преступление – наказание – рецидив» и обеспечить подлинную, а не формальную ресоциализацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт пробации является новым правовым институтом в Российской Федерации, который был учрежден для решения проблемы рецидива преступности. Его возникновение связано с принятием федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Целями пробации являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений, что препятствует дальнейшей криминализации личности. Таким образом, криминализацию необходимо рассматривать не только как правовое явление, но и как психолого-педагогический процесс формирования и развития противоправно направленной личности. Личности, которая испытывала нужду и не смогла самостоятельно справиться с трудной жизненной ситуацией, реинтегрироваться в общество после освобождения и ресоциализироваться.

Нуждаемость развивалась на пересечении нескольких ключевых факторов: 1) структурных дефицитов (отсутствие жилья, легального дохода, образования, социальных связей), 2) дефектов социализации и регуляции, выражающихся в слабо развитых навыках социального взаимодействия, искаженном правосознании, неспособности к планированию жизнедеятельности, контролю над социальным поведением; 3) стигматизации и социальной эксклюзии, когда статус «бывшего осужденного» затрудняет легальные пути реинтеграции, оставляя либо криминальные либо маргинальные.

Отечественный и зарубежный опыт профилактики рецидивной преступности указывает на то, что пробация должна быть нацелена не на абстрактную «социальную помощь» или «перевоспитание», а на устранение или смягчение конкретных «социальных дефицитов» в жизни человека – способствовать его трудоустройству и формированию новых профессиональных навыков, поиску места жительства, обеспечить психологическую помощь, развивать навыки социального взаимодействия в изменившихся социо-культурных условиях.

Изучение психологических особенностей лиц, подвергнутых уголовному наказанию, позволило выявить когнитивные свойства личности и характерологические особенности, которые могут препятствовать успешной адаптации к социальным условиям жизнедеятельности после освобождения. Ими выступают: когнитивные искажения

в оценке последствий криминального поведения, приводящие к неполному (частичному) осознанию негативных последствий уголовного преследования; - негативные индивидуально-психологические особенности (повышенной сензитивностью, эмоциональной неуравновешенностью, ригидностью, внушаемостью) а также повышенный уровень личностной незрелости (как интегрального образования, характеризующего регулятивные и ценностно смысловые основания взаимодействия криминогенных лиц); субъективные представления о допустимости криминального поведения и признание криминального образа жизни как альтернативны правопослушному поведению.

Установлена роль самоотношения и самоидентификации в реинтеграции лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Показано, что самоотношение данной категории лиц, во-первых, подвержено искажениями и изменяется вследствие негативного влияния социального окружения, во-вторых, подвержено трансформации вследствие социальной стигматизации и механизмов психологической защиты, стремящейся снизить чувство вины, обеспечить самооправдание за совершение правонарушения (преступления).

Психологические причины и условия рецидива имеют выраженную возрастную динамику. Так, в подростковом и юношеском возрасте рецидив связан с нарушениями ранней социализации, дефицитами саморегуляции и нейрокогнитивного развития (импульсивность, низкий самоконтроль), формированием когнитивных искажений. Ранние личностные дефициты в неблагоприятных условиях приводят к криминализации, а последующее криминальное окружение закрепляет и усиливает криминальную направленность. Ключевую роль играет влияние девиантной группы сверстников и криминальной субкультуры. В зрелом возрасте у лиц с устойчивой криминальной направленностью рецидив обусловлен глубоко усвоенным криминальным самоотношением, интеграцией в криминальное взаимодействие. Традиционные факторы декриминализации (брак, трудоустройство) для них часто теряют эффективность.

Психологическая превенция в системе органов внутренних дел направлена на реализацию мер психологического воздействия на личность с целью осуществлении опережающего психологического воздействия по отношению преступлениям, правонарушениям и девиантным формам поведения. Прогнозирование в превентивной психологии ориентирована на выявление различных форм девиантного поведения личности, в том числе криминального. Применение прогноза в

системе органов внутренних дел необходимо для эффективного осуществления профилактической работы. Используя прогностические выводы, можно предупредить возможное поведение личности объекта профилактики.

Важным выводом проведенного авторами исследования является вывод о том, что рецидив преступлений обусловлен в первую очередь не личностными дефектами самими по себе, а системным кризисом социально-психологических отношений между освобожденным лицом и обществом. Дисфункция этих отношений, проявляющаяся в социальной дезадаптации, разрыве связей и неспособности к конструктивной реинтеграции, является главным предиктором срыва. Таким образом, предупреждение преступности должно основываться на смене парадигмы – смещении фокуса с контроля за личностью, подвергнутой уголовному наказанию, на применение правовых, социальных, психолого-педагогических мер поддержки.

Список литературы

1. Аликперов, Х. Д. Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему / Х. Д. Аликперов, И. М. Рагимов, А. Н. Савенков // Государство и право. – 2023. – № 9. – С. 112–125. – DOI: 10.31857/S102694520027657-3.
2. Аль-Дайни, М. А. Манипулятивный характер идеологий в современной России: политико-психологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Мария Ахмедовна Аль-Дайни. – М., 2012. – 24 с.
3. Антонян, Е. А. Личность рецидивиста / Е. А. Антонян. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 264 с.
4. Антонян, Ю. М. Личность преступника и исправление осужденных // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 2. – С. 117–127.
5. Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – Москва: Юрист, 1996. – 334 с.
6. Антонян, Ю. М. Сравнительные данные о лицах, совершивших множественные и иные убийства / Ю. М. Антонян // Научный портал МВД России. – 2012. – № 1 (17). – С. 46–52.
7. Антонян, Ю. М. Личность рецидивиста и типология рецидивистов / Ю. М. Антонян, Г. Б. Калманов, Т. А. Ножкина // Сборник науч. трудов Института гуманитарного образования. – Вып. 8. – Москва: Ин-т гуманит. образования, 2007. – С. 22–30.
8. Анцыферова, Л. И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. – 1978. – № 1. – С. 37–50.
9. Артемьев, Н. С. Прогнозирование индивидуального преступного поведения рецидивиста / Н. С. Артемьев, В. А. Панкратов // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 4 (95). – С. 50–54.
10. Афанасьев, П. Б. Механизм преступного поведения при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Павел Борисович Афанасьев. – Москва, 2020. – 32 с.
11. Баева, Н. А. Институт пробации в контексте уголовно-исполнительной политики государства // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. – 2023. – № 2 (22). – С. 86–92. – DOI: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.009.

12. Базаров, Р. А. Личность преступника в криминологической науке: комплексный (криминологическо-правовой, социально-психологический и медико-психиатрический) подход к изучению / Р. А. Базаров, С. Л. Бабаян // Российское правосудие. – 2024. – № 7. – С. 81–87. – DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.7.81-87.
13. Баламут, А. Н. Изучение жизненных планов осужденных к пожизненному лишению свободы с учетом возможности условно-досрочного освобождения / А. Н. Баламут // Международный пенитенциарный журнал. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 133–136.
14. Барабанов, Н. П. Понятийная характеристика криминальной субкультуры осужденных / Н. П. Барабанов, В. В. Михайлов, Н. Д. Моисеев // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 3 (21). – С. 16–24.
15. Бартол, К. Психология криминального поведения / К. Бартол. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2004. – 352 с.
16. Белевич, Н. А. Психолого-акмеологическое прогнозирование социализации подростков с делинквентным поведением : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Белевич Наталия Александровна. – Санкт-Петербург, 2011. – 218 с.
17. Белик, И. А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Белик Инна Анатольевна. – Санкт-Петербург, 2006. – 23 с.
18. Беличева, С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. – Москва: Социальное здоровье России, 1994. – 224 с.
19. Белов, В. Г. Психолого-акмеологическое сопровождение подростков с делинквентным поведением: концепция, модель, технологии : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Белов Василий Георгиевич. – Санкт-Петербург, 2010. – 415 с.
20. Бехтерев, В. М. Об экспериментальном психологическом исследовании преступников / В. М. Бехтерев. – Москва : Юрайт, 2023. – 212 с.
21. Блэкборн, Р. Психология криминального поведения / Р. Блэкборн. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 496 с.
22. Бурый, В. Е. Криминологическое прогнозирование поведения осужденных, досрочно освобождаемых из мест лишения свободы / В. Е. Бурый // Право.by. – 2015. – № 4 (36). – С. 100–107.
23. Бурт, К. Х. Расовые дискриминации, этно-расовая социализация и преступность: микросоциологическая модель риска и устой-

чивости / К. Х. Бурт, Р. Л. Симонс, Ф. Х. Гиббонс // Американский социологический обзор. – 2012. – Т. 77, № 4. – С. 648–677.

24. Ветрова, И. И. Развитие контроля поведения, совладания и психологических защит в подростковом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Ветрова Ирина Ивановна. – Москва, 2011. – 25 с.

25. Водопьянова, Н. Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности / Н. Е. Водопьянова // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. – 2015. – Вып. 1. – С. 49–60.

26. Войцехович, Н. В. Исследование высших психических функций у лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / Н. В. Войцехович, А. В. Оглезнева // Вопросы современной науки и практики. – 2020. – № 1(2). – С. 89–92.

27. Воронцов, А. В. История социологии : в 2 ч. / А. В. Воронцов, И. А. Громов. – Москва: Гуманит.-издат. центр Владос, 2005. – Ч. 2. – 391 с.

28. Воспитательная и психологическая работа с осужденными без изоляции от общества : учеб. пособие / Н. А. Самойлик, А. В. Шахурдин. – Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2024. – 136 с.

29. Гаврилов, С. Т. Факторы, влияющие на преступность несовершеннолетних в России / С. Т. Гаврилов, Т. А. Бородкина // Территория науки. – 2015. – № 5. – С. 156–158.

30. Ганишина, И. С. Психологическое влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Ганишина Ирина Сергеевна. – Рязань, 2004. – 243 с.

31. Глухов, А. А. Роль характеристики личности преступника в расследовании преступлений, совершенных ранее судимыми лицами / А. А. Глухов, О. А. Егерев // Молодой ученый. – 2019. – № 12 (250). – С. 159–162.

32. Гнездова, П. А. Особенности логики криминального мышления / П. А. Гнездова // Наука глазами молодежи: проблемы и перспективы : сб. науч. ст. / под общ. ред. А. Н. Ласточкина. – Вологда : Вологодский ин-т права и экономики ФСИН России, 2019. – С. 20–24.

33. Громов, В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая

серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, вып. 2. – С. 184–191.

34. Дворянсков, И. В. Постпенитенциарная пробаия: концептуальные принципы // Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18, № 2 (66). – С. 179–186.

35. Дебольский, М. Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных / М. Г. Дебольский // Психология и право. – 2014. – Т. 4, № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/psylaw_2014_n1_68316.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

36. Дроздов, И. С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дроздов Илья Сергеевич. – Томск, 2020. – 32 с.

37. Душкин, А. С. Особенности постпенитенциарной ресоциализации: психолого-правовой аспект // Прикладная юридическая психология. – 2024. – № 1 (66). – С. 28–38. – DOI 10.33463/2072-8336.2024.1(66).028-038.

38. Душкин, А. С. Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы / А. С. Душкин, Е. С. Федотова // Российский девиантологический журнал. – 2024. – № 1. – С. 45–61. – DOI 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.

39. Дядченко, Е. А. Психологическое прогнозирование рецидивных преступлений несовершеннолетних, осужденных без лишения свободы / Е. А. Дядченко, В. М. Поздняков. – Самара: Изд-во АСГАРД, 2014. – 231 с.

40. Еникеев, М. И. Юридическая психология: учебник / М. И. Еникеев. – Санкт-Петербург: Питер, 2004. – 508 с.

41. Злоказов, К. В. Адаптация лиц, находящихся под административным надзором: социально-психологическая концепция, методы и средства / К. В. Злоказов. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. – 160 с.

42. Злоказов, К. В. Взаимоотношение криминальной идентичности и криминальной субкультуры / К. В. Злоказов // Юридическая психология. – 2023. – № 3. – С. 12–16. – DOI 10.18572/2071-1204-2023-3-12-16.

43. Злоказов, К. В. Влияние криминальной субкультуры на взаимодействие несовершеннолетних правонарушителей с социальным окружением / К. В. Злоказов // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 1 (57). – С. 97–106. – DOI 10.46741/2686-9764.2022.57.1.010.

44. Злоказов, К. В. Деструктивное социальное поведение : монография / К. В. Злоказов. – Екатеринбург: УрГПУ, 2017. – 112 с.
45. Злоказов, К. В. Дисфункции отношений к социальному окружению в контексте нарушений социальной реинтеграции лиц, освобожденных из мест лишения свободы / К. В. Злоказов, Т. В. Пивоварова // Виктимология. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 162–175. – DOI 10.47475/2411-0590-2024-11-1-162-175.
46. Злоказов, К. В. Конструирование идентичности и криминализация личности : монография / К. В. Злоказов. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2017. – 142 с.
47. Злоказов, К. В. Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 218–226. – DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-218-226.
48. Злоказов, К. В. Отношение криминогенной личности к социальному окружению / К. В. Злоказов // Виктимология. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 512–524.
49. Злоказов, К. В. Представление о себе в контексте социального присутствия / К. В. Злоказов // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 70–86.
50. Злоказов, К. В. Прогноз рецидива на основе анализа отношений криминогенной личности к социальному окружению / К. В. Злоказов // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции и технологии решения (Васильевские чтения – 2024) : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. – С. 280–285.
51. Злоказов, К. В. Самореализация криминогенной личности: значение социального окружения / К. В. Злоказов // Российский девиантологический журнал. – 2024. – Т. 4, № 2. – С. 204–222. – DOI 10.35750/2713-0622-2024-2-204-222.
52. Злоказов, К. В. Социальное окружение личности и его влияние на преступное поведение / К. В. Злоказов // Прикладная психология и педагогика. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 127–139.
53. Злоказов, К. В. Социальное пространство в представлении преступника : монография / К. В. Злоказов. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2021. – 246 с.

54. Злоказов, К. В. Стили криминального мышления как диагностический конструкт / К. В. Злоказов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 76–80.
55. Зобков, В. А. Психологическая структура отношения человека к жизнедеятельности / В. А. Зобков // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2016. – Т. 22, № 3. – С. 31–34.
56. Зуева, Е. Г. Психологическое сопровождение деятельности участковых уполномоченных полиции в работе с лицами, осужденными к мерам наказания, не связанным с лишением свободы : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Зуева Евгения Геннадьевна. – Санкт-Петербург, 2013. – 24 с.
57. Зуева, Е. Г. Проектирование системы превентивной психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел / Е. Г. Зуева, Ю. А. Шаранов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27, № 2 (89). – С. 126–133.
58. Ильин, Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2016. – 288 с.
59. Ильянкова, Е. И. Личностные особенности несовершеннолетних с делинквентным поведением // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 234–242.
60. Ильянкова, Е. И. Психологическая коррекция личности несовершеннолетних, совершивших кражи : дис. ... канд. психол. наук : 5.3.9 / Ильянкова Елена Игоревна. – Санкт-Петербург, 2023. – 168 с.
61. Казанцев, В. Н. Психосоциальная работа с осужденными, освобождаемыми из исправительных учреждений: теоретический и практический аспекты / В. Н. Казанцев, Н. А. Тулкинбаев // Международный пенитенциарный журнал. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 102–111.
62. Карпов, А. В. Метакогнитивные способности личности / А. В. Карпов // Вестник Ярославского государственного университета. – 2008. – № 7. – С. 24–29.
63. Катасонов, А. В. Превентивная функция юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Катасонов Александр Вячеславович. – Казань, 2011. – 24 с.
64. Кириллова, Е. Б. Личностные психологические детерминанты предрасположенности подростков к девиантному поведению : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Кириллова Екатерина Борисовна. – Санкт-Петербург, 2019. – 231 с.

65. Кириллова, Е. Б. Прогнозирование девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей / Е. Б. Кириллова, Е. Г. Зуева // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1 (2). – С. 215–229. – DOI: 10.35750/2713-0622-2021-2-215-229.
66. Ключева, Н. В. Психолог и семья: диагностика, консультация, тренинг / Н. В. Ключева. – Ярославль: Академия развития, 2001. – 160 с.
67. Кобозев, И. Ю. Трансдискурсивная психология в контексте становления прогностической теории в органах внутренних дел / И. Ю. Кобозев // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения-2018) : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург : СПбУ МВД России, 2018. – С. 207–212.
68. Ковалев, А. Г. Психологические основы исправления правонарушителя / А. Г. Ковалев. – Москва: Юрид. лит., 1968. – 142 с.
69. Коломытцев, Н. А. Проблемы противодействия рецидивной преступности в современной России / Н. А. Коломытцев, Л. Н. Одинцова // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 4 (65). – С. 48–53.
70. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития : аналит. обзор / М. В. Гончарова, М. М. Бабаев, С. А. Невский [и др.]. – Москва: Изд-во ВНИИ МВД России, 2024. – 100 с.
71. Кондрат, Е. Н. Социально-психологическая профилактика делинквентности у несовершеннолетних в местах лишения свободы : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Кондрат Елена Николаевна. – Кострома, 2004. – 267 с.
72. Коржова, Е. Ю. Поиски прекрасного в человеке: Личность в творчестве А. П. Чехова / Е. Ю. Коржова. – Санкт-Петербург: Бионт, 2006. – 192 с.
73. Корзунин, В. А. Криминальная идентичность несовершеннолетних правонарушителей в контексте современных исследований / В. А. Корзунин, С. В. Духновский, В. Ф. Енгальчев // Виктимология. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 49–58. – DOI 10.47475/2411-0590-2023-10105.
74. Корнев, А. С. Институт пробации как феномен постпенитенциарной социальной адаптации. Международный опыт / А. С. Корнев, В. А. Егоров, А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Том 12, № 9А. – С. 389–397.

75. Корниенко, А. Ф. Природа и психологические механизмы совести // Вестник ТГГПУ. – 2014. – № 1 (35). – С. 322–328.
76. Короткова, Е. В. Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Короткова Елена Валерьевна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 17 с.
77. Криминализация // Энциклопедия уголовного права. Т. 1: Понятие уголовного права / отв. ред. В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина, 2005. – 699 с.
78. Крылов, И. С. Оценка результатов предварительного расследования в МВД России // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 3. – С. 27–32.
79. Кудрявцев, В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. – Москва: Инфра-М, 2007. – 128 с.
80. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, 2015. – 239 с.
81. Леонов, Н. И. Психология социального мира / Н. И. Леонов, М. М. Главатских. – Ижевск : ERGO, 2006. – 132 с.
82. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – Москва: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 382 с.
83. Мангир, А. В. Некоторые характерные особенности личности несовершеннолетних, совершивших повторные преступления / А. В. Мангир // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 317. – С. 126–128.
84. Марков, А. П. Основы социокультурного проектирования : учеб. пособие / А. П. Марков, Г. М. Бирженюк. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 1998. – 361 с.
85. Марков, Б. В. Аналитика вины, стыда и совести // Этическая мысль. – 2020. – № 1. – С. 52–68.
86. Маслов, В. М. Время В. А. Кутырева: Сова Минервы вылетает в последние сумерки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – Т. 2, № 2. – С. 154–161.
87. Макгуайр, Дж. Понимание психологии и преступности: перспективы теории и действия / Дж. Макгуайр. – Беркшир : Open University Press, 2004. – 324 с.
88. Мельникова, М. Л. Агрессивное поведение делинквентных подростков: детерминанты и условия коррекции : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Мельникова Маргарита Леонидовна. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.

89. Мельникова, О. Н. Психологические особенности подростков из неполных семей / О. Н. Мельникова, Т. М. Зубова // Международная научно-практическая конференция «Векторы психологии – 2020». – Гомель, 2020. – С. 160–163.

90. Метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ). – Москва: РБФ НАН, 2010. – 40 с.

91. Методические рекомендации по межведомственному взаимодействию органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / под ред. Н. В. Сероштановой. – Москва: АНО «ЦНПРО», 2016. — 81 с.

92. Михайлюк, Е. Б. Особенности защитно-совладающего поведения девиантных подростков : автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Михайлюк Елена Борисовна. – Ростов-на-Дону, 2006. – 22 с.

93. Моисеева, С. И. Психологические особенности подростков, склонных к девиантным формам поведения в современных социально-экономических условиях : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Моисеева Светлана Игоревна. – Санкт-Петербург, 2003. – 176 с.

94. Найденова, А. В. Модель психического детей-сирот : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Найденова Антонина Вячеславовна. – Москва, 2012. – 28 с.

95. Никитина, С. Е. Стереотипные суждения и речевые клише как культурные барьеры / С. Е. Никитина // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – Москва, 1995. – С. 81–83.

96. Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). – Санкт-Петербург: Гражданский контроль, 2005. – 243 с.

97. Овчаренко, В. И. Дисперсионная рациональная среда / В. И. Овчаренко // Всемирная энциклопедия. Философия. – Москва: АСТ ; Минск: Харвест, 2001. – С. 56.

98. Ощепков, А. А. Особенности ценностных ориентаций и социальных установок подростков, склонных к девиантному поведению : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Ощепков Алексей Александрович. – Казань, 2012. – 193 с.

99. Пахомова, Д. А. Теоретический анализ проблемы рецидивной преступности в современной юридической психологии // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2023. – № 4. – С. 44–48.

100. Попова, О. А. Преодоление социального отчуждения как условие снижения делинквентности в подростковом возрасте : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Попова Ольга Анатольевна. – Тамбов, 2010. – 297 с.

101. Портнова, А. Г. Личность и зрелость: подходы к определению / А. Г. Портнова // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 27. – С. 37–42.

102. Реховский, А. Ф. Использование опыта Южной Кореи в становлении российской системы пробации / А. Ф. Реховский, Т. В. Филоненко // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 1. – С. 96–105.

103. Романова, Н. М. Экспертная оценка социально-психологических факторов повторного вовлечения в криминальную деятельность осужденных / Н. М. Романова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 437–441. – DOI 10.18500/1819-7671-2019-19-4-437-441.

104. Рябков, А. М. Коррекция криминальной зараженности подростков с делинквентным поведением / А. М. Рябков // Российский девиантологический журнал. – 2022. – № 2 (4). – С. 443–453. – DOI 10.35750/2713-0622-2022-4-443-453.

105. Сапрунов, А. Г. Формирование правосознания молодежи как социальный регулятор девиантного поведения : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Сапрунов Александр Геннадьевич. – Москва, 1999. – 174 с.

106. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024661317 Российская Федерация. Программа для оценки риска рецидивной преступности лиц, подвергнутых административному надзору : № 2024660213 : заявл. 08.05.2024 : опубл. 16.05.2024 / К. В. Злоказов, А. Ю. Пронский ; заявитель Санкт-Петербургский университет МВД России.

107. Смирнов, А. М. К вопросу о круге лиц, в отношении которых планируется применять пробацию в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2023. – № 2. – С. 11–13.

108. Соколова, Е. А. Педагогические аспекты функционирования института пробации в России: к постановке вопроса // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 3. – С. 52–57.

109. Социология преступности (Современные буржуазные теории) : сб. ст. / пер. с англ. А. С. Никифорова, А. М. Яковлева ; под ред. Б. С. Никифорова ; вступ. ст. В. Н. Кудрявцева, Б. С. Никифорова. – Москва : Прогресс, 1966. – 368 с.
110. Старостин, С. А. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития / С. А. Старостин, Н. В. Анискина // Пенитенциарная наука. – 2022. – № 2 (58). – С. 162–170.
111. Сулимовская, Е. И. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых с психическим инфантилизмом церебрально-органического генеза: Психологический аспект : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04 / Сулимовская Екатерина Ивановна. – Москва, 1994. – 142 с.
112. Суслов, Ю. Е. Современные проблемы повторной преступности. Социально-психологический аспект / Ю. Е. Суслов, А. Ф. Фёдоров, А. В. Беспалова // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 68–84. – DOI:10.17759/psylaw.2024140405.
113. Сучкова, Е. Л. Представления о правовой действительности условно осужденных / Е. Л. Сучкова // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 3. – С. 153–160.
114. Тепляшин, П. В. Исполнение уголовного наказания в зарубежных странах : учеб. пособие / П. В. Тепляшин. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. – 120 с.
115. Тихонов, Я. И. Институт превенции в системе российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Тихонов Ярослав Игоревич. – Екатеринбург, 2019. – 26 с.
116. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – Минск: АСТ, 2002. – 557 с.
117. Тылец, В. Г. Темпоральные маркеры психологической безопасности субъектов поздних периодов жизни / В. Г. Тылец, Т. М. Краснянская, В. В. Иохвидов // Проблемы современного образования. – 2019. – № 4. – С. 84–97.
118. Упоров, И. В. Девиантное поведение несовершеннолетних как предпосылка совершения ими преступных деяний / И. В. Упоров // Общество и право. – 2012. – № 4 (14). – С. 312–315.
119. Уткин, В. А. Пробация и пробационная криминология / В. А. Уткин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2025. – № 56. – С. 73-82. – DOI 10.17223/22253513/56/6.
120. Федонкина, А. А. Личностная незрелость у несовершеннолетних правонарушителей в рамках нормального и аномального лич-

ностного развития : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06 / Федонкина Анастасия Александровна. – Москва, 2019. – 171 с.

121. Федоров, А. Ф. Особенности личностных качеств осужденных при рецидиве преступлений // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 384. – С. 155–158.

122. Федорова, Н. В. Депривация в семье как фактор делинквентного поведения подростков : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Федорова Наталья Владимировна. – Омск, 2007. – 138 с.

123. Филиппова, О. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности / О. В. Филиппова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 38. – С. 87–98.

124. Филиппова, О. В. Рецидивная преступность в России: тенденции и закономерности / О. В. Филиппова // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 2. – С. 137–147.

125. Филоненко, Т. В. Некоторые аспекты развития института пробации в России и за рубежом // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 268–277. – DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).268-277.

126. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. – Москва : АСТ, 2018. – 235 с.

127. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Биbihина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.

128. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – СПб. : Питер, 2010. – 860 с.

129. Цветкова, Н. А. Личностные характеристики вновь осужденных к лишению свободы мужчин, связанные с временным интервалом между двумя судимостями // Психология и право. – 2024. – Том 14, № 3. – С. 94–106.

130. Чернобродов, Е. Р. Особенности личности и их коррекция у подростков с делинквентным поведением : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Чернобродов Евгений Романович. – Хабаровск, 2008. – 196 с.

131. Чернышева, Е. В. Особенности Я-концепции личности осужденных : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Чернышева Елена Викторовна. – Екатеринбург, 2005. – 175 с.

132. Чернышева, Е. В. Факторная структура Я-концепции личности осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2007. – № 4 (31). – С. 40–47.

133. Шатровой, О. В. Подходы к пенитенциарному воспитанию как составляющей социально-психологической безопасности /

О. В. Шатровой, А. А. Канчурина // Молодой ученый. – 2014. – № 18.1 (77.1). – С. 104–107.

134. Шихарев, П. Н. Современная социальная психология / П. Н. Шихарев. – Москва: Академический Проект, 1999. – 260 с.

135. Шиханцов, Г. Г. Юридическая психология / Г. Г. Шиханцов. – Москва: Зерцало, 1998. – 344 с.

136. Шнейдер, Л. Б. Пособие по психологическому консультированию: учебное пособие / Л. Б. Шнейдер. – Москва: Ось-89, 2003. – 256 с.

137. Шпак, С. В. Криминальная субкультура молодежи в современном российском обществе (тенденции формирования и распространения): автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Шпак Сергей Валерьевич. – Краснодар, 2012. – 31 с.

138. Эллис, А. Гуманистическая психотерапия. Рационально-когнитивный подход / А. Эллис. – Санкт-Петербург: Сова, 2002. – 272 с.

139. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Москва: Флинта, 2006. – 342 с.

140. Andrews, D. A. The Psychology of Criminal Conduct / D. A. Andrews, J. Bonta. – 5th ed. – New Providence : Matthew Bender & Company, 2010. – 630 p.

141. Asencio, E. K. Does incarceration change the criminal identity? A synthesis of labeling and identity theory perspectives on identity change / E. K. Asencio, P. J. Burke // Sociological Perspectives. – 2011. – Vol. 54, № 2. – P. 163–182.

142. Bader, M. Basic personality and actual criminal convictions / M. Bader, L. Lilleholt, C. Schild [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. – 2024. – Advance online publication. – DOI: 10.1037/pspp0000537.

143. Bandura, A. Self-efficacy mechanisms in human agency / A. Bandura // American Psychologist. – 1982. – Vol. 37. – P. 122–147.

144. Bandura, A. Mechanisms of Moral Disengagement in the Exercise of Moral Agency / A. Bandura, C. Barbaranelli, G. V. Caprara, C. Pastorelli // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol. 71, № 2. – P. 364–374.

145. Becker, H. S. Labeling Theory: Outsiders // Criminology Theory: Selected Classic Readings / ed. by F. P. Williams, M. D. McShane. – Routledge, 2015. – P. 187–196.

146. Bergstrøm, H. Psychopathic personality and criminal violence across the life-course in a prospective longitudinal study: Does psychopathic personality predict violence when controlling for other risk factors? / H. Bergstrøm, D. P. Farrington // *Journal of criminal justice*. – 2022. – Vol. 80. – P. 101817.
147. Bo, S. Psychopathy in a forensic sample—The factor structure of the PCL: SV in a Danish forensic sample / S. Bo, L. Pedersen, K. B. Christensen, K. Rasmussen // *Scandinavian Journal of Psychology*. – 2019. – Vol. 60, № 5. – P. 447–455.
148. Boduszek, D. The Theoretical Model of Criminal Social Identity: Psycho-social Perspective / D. Boduszek, P. Hyland // *International journal of criminology and sociological theory*. – 2011. – Vol. 4, № 1. – P. 604–614.
149. Bouffard, L. A. Defiance Theory and Life Course Explanations of Persistent Offending / L. A. Bouffard, N. L. Piquero // *Crime & Delinquency*. – 2010. – Vol. 56, № 2. – P. 227–252.
150. Bowlby, J. The effects of mother-child separation: A follow-up study / J. Bowlby, M. Ainsworth, M. Boston, D. Rosenbluth // *British Journal of Medical Psychology*. – 1956. – Vol. 29. – P. 211–247.
151. Brewer, M. B. On being the same and different at the same time / M. B. Brewer // *Personality and social psychology bulletin*. – 1991. – Vol. 17, № 5. – P. 475–482.
152. Brown, W. Personality and Crime // *The Encyclopedia of Crime and Punishment* / ed. by W. G. Jennings. – 1st ed. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, Inc., 2016. – P. 1–5.
153. Campedelli, G. M. Life-Course Criminal Trajectories of Mafia Members / G. M. Campedelli [et al.] // *Crime & Delinquency*. – 2021. – Vol. 67, № 1. – P. 112–142.
154. Carveth, D. L. The still small voice: Psychoanalytic reflections on guilt and conscience / D. L. Carveth. – London : Karnac Books, 2013. – 240 p.
155. Chouhy, C. A Social Support Theory of Desistance / C. Chouhy, F. T. Cullen, H. Lee // *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*. – 2020. – Vol. 6, № 2. – P. 204–223.
156. Christopher, T. Lowenkamp. Understanding the Risk Principle: How and Why Correctional Interventions Can Harm Low-Risk Offenders / T. Lowenkamp, E. J. Latessa // *Topics in Community Corrections*. – 2004. – P. 3–8.

157. Cohen, T. H. The supervision of low-risk federal offenders: how the low-risk policy has changed federal supervision practices without compromising community safety / T. H. Cohen, D. Cook, C. T. Lowenkamp // *Federal Probation journal*. – 2016. – Vol. 80, № 1. – P. 13–19.
158. Cooley, C. H. Life and the student: Roadside notes on human nature, society, and letters / C. H. Cooley. – Routledge, 2017. – 252 p.
159. Cressey, D. R. Delinquency, crime and differential association / D. R. Cressey. – Springer Science & Business Media, 2012. – 166 p.
160. Crighton, D. A. Psychology in Probation Services / D. A. Crighton, G. J. Towl. – Wiley-Blackwell, 2004. – 216 p.
161. Dadashazar, N. Offender Recidivism: A Quantitative Study of Motivational Risk Factors and Counseling / N. Dadashazar. – Walden University, 2017. – 157 p.
162. De Vries Robbé, M. Protective factors for violence risk in forensic psychiatric patients. A retrospective validation study of the SAPROF / M. De Vries Robbé, V. de Vogel, E. de Spa // *International Journal of Forensic Mental Health*. – 2011. – Vol. 10, № 3. – P. 178–186. – doi:10.1080/14999013.2011.600232.
163. DeLisi, M. Race and (antisocial) personality / M. DeLisi // *Journal of Criminal Justice*. – 2018. – Vol. 59. – P. 32–37.
164. DeLisi, M. The effects of temperament, psychopathy, and childhood trauma among delinquent youth: A test of DeLisi and Vaughn's temperament-based theory of crime / M. DeLisi, B. H. Fox, M. Fully, M. G. Vaughn // *International Journal of Law and Psychiatry*. – 2018. – Vol. 57. – P. 53–60.
165. DiTommaso, E. Social and emotional loneliness: A re-examination of Weiss' typology of loneliness / E. DiTommaso, B. Spinner // *Personality and individual differences*. – 1997. – Vol. 22, № 3. – P. 417–427.
166. Donati, P. What does "subsidiarity" mean? The relational perspective / P. Donati // *Journal of Markets and Morality*. – 2009. – Vol. 12, № 2. – P. 211–243.
167. Dufour, F.-I. An integrative approach to apprehend desistance / F.-I. Dufour, R. Brassard, J. Martel // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. – 2015. – Vol. 59, № 5. – P. 480–501.
168. Eisenberg, N. Prosocial development / N. Eisenberg, R. A. Fabes // *Handbook of child psychology* / ed. by W. Damon. – New York, NY : John Wiley, 1998. – Vol. 3. – P. 701–778.

169. Ellemers, N. Self and social identity / N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje // *Annual review of psychology*. – 2002. – Vol. 53, № 1. – P. 161–186.
170. Festinger, L. A theory of social comparison processes / L. Festinger // *Human relations*. – 1954. – Vol. 7, № 2. – P. 117–140.
171. Freud, S. Inhibitions, symptoms and anxiety // *The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud* / ed. by J. Strackey. – London : Hogart Press, 1959. – Vol. XX. – P. 75–175.
172. Gecas, V. The Self-Concept: Social Product and Social Force // *Social Psychology: Sociological Perspectives* / ed. by M. Rosenberg, R. H. Turner. – New York : Basic Books, 1990. – P. 562–592.
173. Gibbs, J. C. Moral development and reality: Beyond the theories of Kohlberg and Hoffman / J. C. Gibbs. – Thousand Oaks, CA : SAGE, 2003. – 320 p.
174. Giordano, P. C. Gender, crime, and desistance: toward a theory of cognitive transformation / P. C. Giordano, S. A. Cernkovich, J. L. Rudolph // *American Journal of Sociology*. – 2002. – Vol. 107, № 4. – P. 990–1064.
175. Hardie-Bick, J. Identity, imprisonment and narrative configuration / J. Hardie-Bick // *New Criminal Law Review*. – 2018. – Vol. 21, № 4. – P. 567–591.
176. Hipp, J. R. Parolee recidivism in California: the effect of neighborhood context and social service agency characteristics / J. R. Hipp, J. Petersilia, S. Turner // *Criminology*. – 2010. – Vol. 48, No. 4. – P. 947–979.
177. Hoffman, M. L. Empathy and moral development: Implications for caring and justice / M. L. Hoffman. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2000. – 342 p.
178. Hollin, C. R. What is cognitive behavioral therapy (CBT) with offenders? // *The Wiley international handbook of correctional psychology* / ed. by D. L. L. Polaschek, A. Day, C. R. Hollin. – Wiley Blackwell, 2019. – P. 623–636.
179. Ingersoll-Dayton, B. The effects of positive and negative social exchanges on aging adults / B. Ingersoll-Dayton, D. Morgan, T. Antonucci // *Journals of Gerontology. Social Sciences*. – 1997. – Vol. 52. – P. 190–199.
180. James, N. Offender reentry: Correctional statistics, reintegration into the community, and recidivism. – Congressional Research Service, 2015. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/RL34287/pdf>.

181. James, W. The Self and Its Selves // Social Theory: The Multicultural Readings / ed. by C. Lemert. – Philadelphia : Westview Press, 2010. – P. 161–166.
182. Jones, S. E. Personality, antisocial behavior, and aggression: A meta-analytic review / S. E. Jones, J. D. Miller, D. R. Lynam // Journal of Criminal Justice. – 2011. – Vol. 39, No. 4. – P. 329–337.
183. Kaptein, M. A model of neutralization techniques / M. Kaptein, M. Van Helvoort // Deviant behavior. – 2019. – Vol. 40, № 10. – P. 1260–1285.
184. Kleemans, E. R. Criminal Careers in Organized Crime and Social Opportunity Structure / E. R. Kleemans, C. J. de Poot // European Journal of Criminology. – 2008. – Vol. 5, № 1. – P. 69–98.
185. Laub, J. H. Shared Beginnings, Divergent Lives: Delinquent Boys to Age 70 / J. H. Laub, R. J. Sampson. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2003. – 345 p.
186. Lewis, H. B. Shame and guilt in neurosis / H. B. Lewis. – New York : International Universities Press, 1971. – 526 p.
187. Linville, P. W. Self-complexity and affective extremity: Don't put all of your eggs in one cognitive basket / P. W. Linville // Social cognition. – 1985. – Vol. 3, № 1. – P. 94–120.
188. Mancini, F. Intrapsychic and interpersonal guilt: a critical review of the recent literature / F. Mancini // Cognitive Processing. – 2013. – Vol. 14, № 4. – P. 333–346.
189. Marcia, J. E. Development and Validation of Ego Identity Status / J. E. Marcia // Journal of Personality and Social Psychology. – 1966. – Vol. 3, № 5. – P. 551–558.
190. Markus, H. R. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // College student development and academic life / ed. by K. Eagan. – Routledge, 2014. – P. 264–293.
191. Maruna, S. A fundamental attribution error? Rethinking cognitive distortions / S. Maruna, R. E. Mann // Legal and Criminological Psychology. – 2006. – Vol. 11, № 2. – P. 155–177.
192. Maslow, A. H. The farther reaches of human nature / A. H. Maslow. – New York : Viking Press, 1971. – 423 p.
193. Međedović, J. The profile of a criminal offender depicted by HEXACO personality traits / J. Međedović // Personality and Individual Differences. – 2017. – Vol. 107. – P. 159–163.

194. Melton, A. P. Addressing responsivity issues with criminal justice-involved Native Americans / A. P. Melton, K. Cobb, A. Lindsey, R. B. Colgan // *Federal Probation*. – 2014. – Vol. 78, № 2. – P. 24–31.
195. Miceli, M. Reconsidering the Differences Between Shame and Guilt / M. Miceli, C. Castelfranchi // *Europe's Journal of Psychology*. – 2018. – Vol. 14, № 3. – P. 710–733. – doi:10.5964/ejop.v14i3.1564.
196. Miller, J. D. Structural models of personality and their relation to antisocial behavior: A meta-analytic review / J. D. Miller, D. Lynam // *Criminology*. – 2001. – Vol. 39, № 4. – P. 765–798.
197. Moffitt, T. E. Adolescent-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy / T. E. Moffitt // *Psychological Review*. – 1993. – Vol. 100, № 4. – P. 674–701.
198. Nasibai, S. Raising children is the decree of times / S. Nasibai // *Herald of the Pedagogical University*. – 2020. – № 7. – P. 333–338.
199. Nurov, A. The role of national unity and self-awareness in the upbringing of the younger generation and youth / A. Nurov, M. Nurzoda // *Herald of the Pedagogical University. Series 2: Pedagogy and Psychology, Theory and Teaching Methods*. – 2020. – №. 3(3). – P. 23–26.
200. Oleson, C. Training to see risk: measuring the accuracy of clinical and actuarial risk assessments among Federal Probation Officers / C. Oleson, S. W. VanBenschoten, C. R. Robinson, C. T. Lowenkamp // *Federal Probation journal*. – 2011. – Vol. 75, № 2. – P. 14–24.
201. Paternoster, R. Desistance and the "feared self": Toward an identity theory of criminal desistance / R. Paternoster, S. Bushway // *The journal of criminal law and criminology*. – 2009. – Vol. 99, № 4. – P. 1103–1156.
202. Peng, J. The commission of crime from the perspective of decision-making differences / J. Peng [et al.] // *Frontiers in psychology*. – 2022. – Vol. 13. – P. 937876.
203. Piquero, A. R. Taking stock of developmental trajectories of criminal activity over the life course // *The long view of crime: A synthesis of longitudinal research* / ed. by A. M. Liberman. – New York, NY : Springer, 2008. – P. 23–78.
204. Pratt, T. C. The empirical status of Gottfredson and Hirschi's general theory of crime: A meta-analysis / T. C. Pratt, F. T. Cullen // *Crime and Justice*. – 2000. – Vol. 27. – P. 331–427.
205. Raymond Chip Tafrate. Ten Things Risk/Needs Assessment Is No / R. C. Tafrate, D. Mitchell, T. Hogan [et al.] // *Federal Probation journal*. – 2023. – Vol. 87, № 1. – P. 8–18.

206. Reicher, S. D. Deindividuation, power relations between groups and the expression of social identity: The effects of visibility to the out-group / S. D. Reicher, M. Levine // *British Journal of Social Psychology*. – 1994. – Vol. 33. – P. 145–163.
207. Robson, D. A. Self-regulation in childhood as a predictor of future outcomes: A meta-analytic review / D. A. Robson, M. S. Allen, S. J. Howard // *Psychological Bulletin*. – 2020. – Vol. 146, № 4. – P. 324–354.
208. Sampson, R. J. *Crime in the Making: Pathways and Turning Points Through Life* / R. J. Sampson, J. H. Laub. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993. – 310 p.
209. Ścigala, K. A. Honesty-humility and criminal behavior among imprisoned criminal offenders / K. A. Ścigala [et al.] // *Journal of Research in Personality*. – 2022. – Vol. 101. – P. 104289.
210. Sherman, L. W. Defiance, Deterrence, and Irrelevance: A Theory of the Criminal Sanction / L. W. Sherman // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. – 1993. – Vol. 30, № 4. – P. 445–473.
211. Shweder, R. A. The “Big Three” of morality (autonomy, community, divinity) and the “Big Three” explanation of suffering // *Morality and Health* / ed. by A. Brandt, P. Rozin. – New York : Routledge, 1997. – P. 119–169.
212. Smith-Lovin, L. Emotion as the confirmation and disconfirmation of identity: An affect control model // *Research agendas in the sociology of emotions* / ed. by T. D. Kemper. – Albany, NY : SUNY Press, 1990. – P. 238–270.
213. Steadman, H. J. From dangerousness to risk assessment: Implications for appropriate research strategies // *Crime and Mental Disorder* / ed. by S. Hodgins. – Newbury Park, CA : Sage, 1993. – P. 39–62.
214. Stryker, S. 'In the beginning there is society': Lessons from a sociological social psychology // *The message of social psychology: Perspectives on mind in society* / ed. by C. McGarty, S. A. Haslam. – Cambridge, MA : Blackwell, 1997. – P. 315–327.
215. Sykes, G. M. Techniques of neutralization: A theory of delinquency // *Delinquency and Drift Revisited, Volume 21* / ed. by F. P. Williams, M. D. McShane. – Routledge, 2017. – P. 33–41.
216. Tangney, J. P. Moral emotions and moral behavior / J. P. Tangney, J. Stuewig, D. J. Mashek // *Annual Review of Psychology*. – 2007. – Vol. 58. – P. 345–372.

217. Taxman, F. S. Second generation of RNR: The importance of systemic responsivity in expanding core principles of responsivity / F. S. Taxman // *Federal Probation*. – 2014. – Vol. 78, № 2. – P. 32–40.

218. Tharshini, N. K. The Link between Individual Personality Traits and Criminality: A Systematic Review / N. K. Tharshini, F. Ibrahim, M. R. Kamaluddin, B. Rathakrishnan, N. Che Mohd Nasir // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2021. – Vol. 18, № 16. – P. 8663.

219. Tyler, T. R. Profiling and Police Legitimacy: Procedural Justice, Attributions of Motive, and Acceptance of Police Authority / T. R. Tyler, C. J. Wakslak // *Criminology*. – 2004. – Vol. 42, № 2. – P. 253–281.

220. Walters, G. D. Criminal lifestyle / G. D. Walters. – Newbury Park, CA : SAGE Publications, 1990. – 160 p.

221. Warren, R. K. Evidence-Based Practice to Reduce Recidivism: Implications for State Judiciaries / R. K. Warren. – Washington, DC : Crime and Justice Institute and National Institute of Corrections, U.S. Department of Justice, 2007. – 44 p.

222. Wendel, B. E. Rethinking self-control and crime: Are all forms of impulsivity criminogenic? / B. E. Wendel, M. Rocque, C. Posick // *European Journal of Criminology*. – 2020. – Vol. 17, № 6. – P. 781–800.

223. Wortley, R. Rational choice and offender decision making lessons from the cognitive sciences // *Cognition and Crime: Offender Decision Making and Script Analyses* / ed. by B. Leclerc, R. Wortley. – Routledge, 2013. – P. 237–252.

224. Youngs, D. Offenders' Crime Narratives as Revealed by the Narrative Roles Questionnaire / D. Youngs, D. V. Canter // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. – 2012. – Vol. 57, № 3. – P. 289–311.

Для заметок

Научное издание

А.А. Рожков,
кандидат педагогических наук, доцент;
Е.Г. Зуева,
кандидат психологических наук, доцент;
Ю.А. Шаранов,
доктор психологических наук, профессор;
К. В. Злоказов,
доктор психологических наук, доцент;
А.В. Шахматов,
доктор юридических наук, профессор;
Т.В. Кириллова,
доктор педагогических наук, профессор;
Е.И. Ильянкova
кандидат психологических наук

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБАЦИИ

Монография

Редактор *Свикиш Н.О.*
Компьютерная вёрстка *Свикиш Н.О.*

ISBN 978-5-00277-044-1

EDN: UWOJYD

Подписано в печать 30.10.2025. Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать цифровая. Объем 10,0 п. л. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.). Заказ № 156/25

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1